

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»**

На правах рукописи

ИВАНОВ Константин Владимирович

**Исторические проблемы Кореи периода 1905-1945 гг. и их
современное наследие: колониальная модернизация,
ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей»**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор
С.И. Кузнецов

Иркутск 2014

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. МОДЕРНИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ: СУЩНОСТЬ И УЧАСТНИКИ	33
1.1. Социально-экономическое развитие Кореи в годы протектората (1905-1910) и в составе Японской империи (1910-1945).....	33
1.2. Японцы как участники процессов культурной и экономической модернизации Кореи в первой половине XX в.	63
1.3. Оценки японского колониализма в Корее в первой половине XX в. и в конце XX – начале XXI вв.....	90
2. ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ КОРЕЙЦЕВ В РАМКАХ ЯПОНИИ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	120
2.1. Особенности японской колониальной политики в Корее в сравнении с Тайванем и западными колониальными практиками второй половины XIX – первой половины XX в.	120
2.2. Японская ассимиляционная политика в Корее (1910-1945): методы и результаты	145
2.3. Корейская диаспора в Японии в годы колониализма (1910-1945) и на рубеже XX и XXI вв.: проблема интеграции	168
3. ПРОБЛЕМА «ПРОЯПОНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ»: КОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ 1905-1945 ГГ. И СОВРЕМЕННАЯ КРИТИКА.....	187
3.1. Прояпонские настроения и прояпонская деятельность корейцев в первой половине XX века: проблема «чхинильпха»	187
3.2. Проблема определения критериев прояпонской деятельности: политические, экономические и социальные реалии колониального периода истории Кореи	207
3.3. Расследования деятельности «чхинильпха» в Корее после Освобождения 1945 г. и в 1990-2000-е гг.: наука или политика?	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	245
ПРИЛОЖЕНИЯ	259

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Колониальный период наряду с Корейской войной 1950-1953 гг. вплоть до наших дней является одним из самых противоречивых и проблемных вопросов истории Кореи. Развитие Кореи в условиях японского протектората (1905-1910), а затем как части Японской империи (1910-1945) оставило большой след не только в исторической памяти корейцев, но и значительно повлияло на дальнейшую судьбу Кореи. Вскоре после освобождения Кореи от японского владычества в 1945 г. страна разделилась на Север и Юг. Причиной тому были как внешнее воздействие со стороны СССР и США, так и внутренние противоречия. В условиях, сложившихся после Корейской войны 1950-1953 гг. и для Республики Корея, и для КНДР колониальный период стал не только «годами японской оккупации», но и источником формирования национальных идей и национальных мифов.

Колониальный период истории Кореи в течение долгого времени и в Республике Корея, и в КНДР был обозначен как «время страданий корейского народа». По идеологическим и политическим причинам в КНДР он рассматривается с таких позиций до сих пор. На Юге же, особенно с конца 1980-х гг., всё большее влияние приобретает мнение о том, что колониальный период не был «темными веками» истории Кореи. Попытки определить как отрицательные, так и положительные моменты колониального периода предпринимались в Республике Корея и ранее, но лишь с началом демократизации жизни на Юге создались условия для взвешенного изучения колониального периода и его наследия.

Большинство изучаемых в РК проблем колониального периода можно выделить в три большие группы: 1) проблемы, которые касаются колониальной модернизации Кореи и его наследия; 2) проблемы японской попытки ассимилировать корейцев и всех возможных последствий этой попытки японизации; 3) проблемы поддержки рядом корейцев колониальной

политики Японии и их сотрудничества с колониальными властями. Эти три группы проблем в современной Республике Корея до сих пор являются дискуссионными и их изучение, хоть и стало значительно проще, по-прежнему сопряжено с определёнными политическими ограничениями.

Актуальность настоящего исследования определена двумя факторами. Во-первых, колониальный период оказал огромное влияние на дальнейшее развитие всей Кореи, и в Республике Корея определение этого влияния до сих пор является важной задачей не только для учёных, но и для всего корейского общества. Вплоть до наших дней всестороннее изучение вышеуказанных исторических проблем в Южной Корее сопряжено с множеством объективных и субъективных трудностей. В КНДР же подобное изучение попросту невозможно, поэтому, говоря о современной Корее и современных корейских исследованиях, мы подразумеваем Южную Корею (РК).

Во-вторых, в современной России практически отсутствуют комплексные исследования по колониальному периоду и его наследию, особенно в области ассимиляционной политики Японии и проблем прояпонской деятельности корейцев. Несмотря на неоспоримую ценность советских исследований по колониальному периоду истории Кореи, они создавались в условиях общеизвестных идеологических ограничений и, даже учитывая богатый фактический материал и высокое качество исследования, рассматривали лишь ряд жёстко определенных проблем.

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения колониального периода истории Кореи и его современного наследия.

Объектом исследования определена политическая и социальная история Кореи первой половины XX в. и конца XX – начала XXI вв. ё

Предметом исследования является ряд исторических проблем колониального периода истории Кореи, наследие которых сохраняет свою значимость до сих пор: проблема колониальной модернизации Кореи,

проблема ассимиляции корейцев и проблема прояпонских деятелей (*чхинильпха*).

Хронологические рамки исследования определены не только собственно колониальным периодом истории Кореи (1905-1945), в который входит как нахождение Кореи под японским протекторатом (1905-1910), так и существование Кореи как части Японской империи (1910-1945), но также современным периодом истории Республики Корея, который в данной работе определён концом XX – началом XXI вв. Хотя по ряду вполне понятных причин, в корейской историографии доминирует точка зрения о том, что колониальным периодом являются лишь 1910-1945 гг., ряд корейских авторов,¹ и современных отечественных авторов² склоняются к мнению, с которым мы согласны, о том, что колониальный период следует отсчитывать с момента начала потери Кореей своей государственности, т.е. с момента оформления договора о протекторате в ноябре 1905 г. Хотя в ряде случаев, для сохранения логической связи исследования, нам пришлось затронуть период 1945-1990-х гг., второй хронологический отрезок данного исследования ограничен 1990-2010 гг.

Географические рамки исследования включают в себя в первую очередь Корейский полуостров, однако в ряде случаев она, по необходимости, расширяется. Во-первых, в параграфе 1.3, где изучаются дискурсы о японском колониализме, в эти рамки включаются работы представителей стран Запада, СССР и России. Во-вторых, в параграфе 2.1, где проводится сравнение японских и западных колониальных практик, в орбиту исследования включены Тайвань (в его бытность японской колонией), Британская Индия и Французский Алжир. В-третьих, в параграфе 2.3, посвящённом корейцам-*дзайнити*, география исследования

---

¹ Kim Chang Rok. The Characteristics of the System of Japanese Imperialist Rule in Korea from 1905 to 1945 // Korea Journal. 1996. Vol. 36. No. 1. P. 20-49.

² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. 499 с.

расширяется за счёт территории современной Японии. Также, в параграфе 3.3 географические рамки ограничены исключительно Республикой Корея.

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ проблем колониального периода истории Кореи, в частности проблемы колониальной модернизации Кореи, проблемы ассимиляции (японизации) корейцев и проблемы «прояпонских деятелей» с учётом их влияния на политическое и socioэкономическое развитие современных Кореи и Японии.

Для достижения поставленной цели выделен ряд конкретных **исследовательских задач**:

- определить значимость и характер колониальной модернизации Кореи, а также роли корейцев и японцев в этой модернизации;

- исследовать специфику научных и общественных оценок японского колониализма в Корее в первой половине XX в. и на рубеже XX-XXI в. в Корее, Японии, странах Запада и России;

- сравнить японскую колониальную политику в Корее с аналогичной политикой Японии на Тайване и колониальными практиками в Британской Индии и Французском Алжире;

- проанализировать японскую ассимиляционную политику в Корее и меры по японизации корейцев на предмет эффективности и сравнить задачи, поставленные перед собой колониальными властями, с достигнутыми результатами;

- изучить формирование корейской диаспоры на территории Японских островов и проблемы интеграции корейцев в японское общество, которые сохранились до наших дней и имеют прямую связь с колониальным периодом;

- изучить проблему прояпонской деятельности корейцев в 1905-1945 гг. и обозначить трудности определения критериев прояпонской деятельности;

- проанализировать расследования в отношении «прояпонских деятелей» (*чхинильхва*) и их потомков в Республике Корея в 1990-2010-е гг., а также

активизировавшуюся в этот период общественную дискуссию вокруг проблемы *чхинильпха*.

Методологической основой диссертационного исследования стали общенаучные принципы историзма, исторической объективности, историко-генетический, системно-структурный подходы, а также статистический метод. Среди специально-исторических использовались проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

Принципы историзма и исторической объективности, а также историко-генетический подход позволили нам, используя разнообразные исторические источники, взглянуть на исследуемые вопросы с различных, зачастую диаметрально противоположных, точек зрения. При этом предметы исследования были изучены с сохранением хронологической последовательности и раскрытием причинно-следственных связей. Для сохранения логики повествования, при решении некоторых задач была приведена краткая история отдельных исторических процессов. К числу таковых относится история формирования японской диаспоры, а затем японских селтльментов на Корейском полуострове или история прояпонских настроений среди корейцев. Аналогичный подход использовался в отношении второй половины XX в., поскольку было необходимо «проложить мост» для демонстрации явных связей между историческими проблемами колониального периода и современностью, которые не возникли из ниоткуда, но лишь на время уходили с повестки дня.

Системно-структурный подход дал возможность выявить роли корейцев и японцев, колониальных властей и различных организаций в социально-экономическом развитии, модернизационных и ассимиляционных процессах, проходивших в колониальной Корее. Также этот метод использовался в третьей главе, где рассматривалась проблема прояпонской деятельности корейцев и современного отношения к этой проблеме.

Статистический метод использовался преимущественно в оценке развития системы колониального образования, охвата образованием

корейского и японского населения Кореи, а также изучении процессов интеграции корейцев-*дзайнити* в японское общество.³

Историко-сравнительный метод позволил нам выявить отличия в колониальной и, как её составляющей, ассимиляционной политике Японии в Корее от аналогичных колониальных практик в других странах. Используя этот же метод, были обозначены изменения в японской колониальной политике на протяжении периода 1905-1945 гг. Используя сравнение, была показана сложность определения причин ведения рядом корейцев прояпонской деятельности, сложность учёта факторов, подтолкнувших их на ведение этой деятельности и, наконец, сложность учёта значимости и результатов ведения прояпонской деятельности, поскольку в современной Республике Корея именно последний пункт является наиболее важным в вопросе осуждения конкретной исторической личности.

Проблемно-хронологический метод позволил нам продемонстрировать динамику эволюции колониальной политики Японии в Корее, формировавшейся под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Помимо прочего, были выделены основные этапы колониального периода:

1) 1905-1910 гг. – период протектората Японии над Кореей, характеризующийся жестоким подавлением корейского национально-освободительного движения и постепенным переходом всех функций государства от корейского правительства к японскому генерал-резидентству;

2) 1910-1919 гг. – годы «сабельного режима», когда колониальные власти определили для Кореи вектор развития – быть источником ресурсов для Японии, – который не изменился до 1945 г.;

3) 1919-1937 гг. – годы проведения политики «культурного управления» и начало индустриализации Кореи. Специфика этого периода заключалась в том, что хотя суть колониального управления Кореей не изменилась, методы проведения колониальной политики заметно смягчились, а корейцы

---

³ См. Приложения 5 – 12.

получили больше возможностей участвовать в управлении колонией, что позволило некоторым японцам и даже корейцам говорить о времени «культурного управления» как о «золотом веке» колониального периода;

4) 1937-1945 гг. – период, характеризующийся возросшей милитаризацией корейского общества, усилением темпов индустриализации и ростом роли Кореи не только как источника ресурсов, но и как производственного центра. Кроме того, с целью увеличить призывную базу, Япония интенсифицировала ассимиляционные мероприятия.

Источниковую базу исследования составили разнообразные по видам и степени достоверности и информативности материалы.

1. Материалы Архива внешней политики РФ (МИД РФ, г. Москва).

Большинство документов, относящихся к этой группе, составлены работниками генерального консульства СССР в Сеуле (1925-1946 гг.), которое организационно подчинялось послу СССР в Японии. Насколько нам известно, в первые годы работы генконсульства, которое открылось в 1925 г., среди сотрудников не хватало людей со знанием корейского языка. Русские корейцы к работе в генконсульстве привлекались редко, и лишь в качестве переводчиков. Вероятно причиной тому было как сомнение руководства НКВД СССР в лояльности корейцев, так и желание лишний раз не провоцировать японские власти, которые на протяжении всего периода существования генконсульства видели в нём источник распространения коммунистических идей.

Ещё до открытия консульства, был подготовлен ряд докладов по социально-экономической и политической ситуации в Корее.⁴ Поэтому сотрудники генконсульства были хорошо знакомы с ситуацией на полуострове. В обязанности первого генконсула Бориса Шаманова, как и всех остальных руководителей консульств, входило периодическое составление кратких политических обзоров и сводок корейской и японской

---

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16. «Политическое состояние Кореи (пер. с корейского языка), 1924 г.».

прессы, которые активно использовались при работе над данной диссертацией.⁵ Большая часть этих сводок касалась, как правило, текущей экономической и политической ситуации, а также деятельности профсоюзных или прокоммунистических организаций. Сводки прессы почти всегда сопровождалась комментариями генконсулов. Насколько мы можем судить, работники генконсульства смогли установить доверительные отношения с местным населением – как с корейцами, так и с японцами. Кроме того, в 1941-1945 гг. советские дипломаты одни из немногих могли наблюдать за Кореей изнутри, поскольку СССР до августа 1945 г. сохранял нейтралитет в отношении Японии.

В 1920-1930-е гг. основное внимание в документах генконсульства уделялось политической и экономической ситуации в Корее. В частности большое значение придавалось освещению рабочего и коммунистического движений (что было далеко не одно и то же), проблемам корейского крестьянства. Начиная с конца 1930-х гг. всё чаще встречаются документы, посвящённые исключительно военным аспектам: трудовой и воинской мобилизации населения, обустройству военной инфраструктуры и оборонительных сооружений. Очевидно, что это было связано с конфликтами между СССР и Японией у озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939).

В 1937-1945 гг. мобилизационные и ассимиляционные меры Японии в Корее шли параллельно, поэтому в своих донесениях советские

---

⁵ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 36-119. «Обзор прессы за период с 1 января по 1 апреля 1928 г.»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 20. П. 182. Д. 64. Л. 242-348. «Обзор прессы за 7.06.1937-7.01.1938»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 21. П. 189. Д. 50. «Обзор прессы за март-июнь 1938 г.»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 237. Д. 101. «Политико-экономический обзор Кореи за 1940 г.»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 25. П. 244. Д. 75. «Политико-экономический обзор по Корее (сост. 15.01.1943, Сеул, Корея) А. Полянский»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 132-150. «Краткий политический обзор по Корее за апрель-октябрь 1944 г.»; АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 2. Д. 19. «Сводка по корейской прессе с 22.02.1926 по 10.03 1926»; АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 3. Д. 36. «Информационный бюллетень за февраль-март 1926 г.».

дипработники уделяли определённое внимание и ассимиляционной политике Японии, рассматривая её как способ формирования в Корее призывной базы для японской армии. Стоит отдельно упомянуть о том, что ряд документов представляет собой перевод ведомственных изданий японских властей и компаний, которые попадали в руки советских дипработников агентурным путём.⁶

Колониальная политика Японии в документах АВП РФ рассматривается очень критически, что разумеется пришлось учитывать при исследовании. Тем не менее, документы генконсульства СССР в Сеуле за 1925-1944 г. являются аутентичным и очень ценным корпусом исторических источников. Насколько нам известно, ранее часть вышеупомянутых архивных документов использовалась отечественными исследователями, но в основном в исследованиях, посвящённых корейскому национально-освободительному движению и коммунистическому движению как его составляющей.

Поскольку основное внимание в диссертации уделяется 1920-1940 гг., то при работе использовались преимущественно материалы АВП РФ, а как при исследовании более раннего времени – 1900-1910-е гг. – не материалы АВП Российской империи, а сборники статей того периода, подробнее о которых написано в пункте 3.⁷

2. Официальные издания генерал-губернаторства Кореи, Банка Кореи и Восточной колониальной компании, а также периодика колониальной Кореи.

Данная группа документов представляет особую ценность не своей достоверностью, которая представляется нам весьма спорной, а тем, что в этих изданиях мы можем обнаружить желание колониальных властей обратить внимание на свои успехи в определённых областях и постараться

---

⁶ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 9. П. 122. Д. 51. «Доклады консула СССР в Корее Шаманова»; АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 12. П. 138. Д. 7. Л. 35-54. «Перевод доклада генгуба Яманаси японскому правительству («Современные проблемы в Корее и их разрешение»), 20.02.1929».

⁷ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула: Гриф и К, 2008. 368 с

замолчать провалы в других областях.⁸ Ярким примером является издание Восточной колонизационной компании, где компания демонстрирует свои успехи.⁹ При этом спустя несколько лет, в ведомственном издании компания признаёт, что планы по переселению в Корею японцев и выделению им земельных участков полностью провалились, что было ясно уже в конце 1910-х гг.¹⁰

Поскольку использованные нами книги изданы на английском языке, в диссертации отдельно рассмотрено использование этих книг для формирования благоприятного для Японии общественного мнения в странах Запада, в т.ч. в США и Великобритании. Этому способствовал как богатый иллюстративный материал, так и обилие «достоверных» статистических данных.¹¹ Официальные издания колониальных властей как источник подробно изучены в параграфе 1.3.

Из периодических изданий, преимущественно использовалась официальная газета генерал-губернаторства «Мэиль синбо», которая печаталась на корейском языке.

3. Сборники статей и документов по колониальной Корее, а также публицистика первой половины XX в.

Данная группа источников является логическим продолжением предыдущей. В неё входят работы как отечественных, так и зарубежных (англоязычных) авторов. При этом, поскольку большинство авторов не были специалистами по Корее, заметные различия в их наблюдениях, которые

⁸ A Glimpse of Twenty Years' Administration in Chosen. Seoul, 1932. 49 p.; Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11). Keijo (Seoul), 1911. 272 p.; Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. 274 p.; Chosen of To-day. Keijo (Seoul), 1929. 61 p.; Results of Three Years' Administration of Chosen Since Annexation. Keijo (Seoul), 1914. 95 p.; The New Administration in Chosen. Seoul, 1921. 111 p.; Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration. Seoul, 1935. 93 p.

⁹ Prospectus of the Oriental Development Company. Tokyo, 1921. 67 p.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 9. П. 122. Д. 51. «Доклады консула СССР в Корее Шаманова».

¹¹ Economic outlines of Chosen and Manchuria. Seoul, 1918. 44 p.

зависели от национальности, уровня образования, обстоятельств посещения Кореи, представляют отдельный интерес.

Диапазон работ отечественных авторов включает в себя всю первую половину XX в. и представляет самый различный спектр мнений: от восхищения стремительной модернизацией корейских городов в 1920-1930-х гг., до сочувствия угнетённому положению корейцев.¹² При работе над диссертацией был использован сборник статей, очерков и архивных материалов, собранных Б.Д. Паком и Ю.В. Ваниным, которые содержат наблюдения и мысли россиян о Корее в 1895-1945 гг.¹³

Довольно разнообразны и работы англоязычных авторов, при этом зачастую на английском языке публиковались японцы, как правило, отстаивая японское видение колониальной Кореи.¹⁴ В диссертации преимущественно использовались публикации американских авторов, из которых самыми известными людьми с диаметрально противоположными взглядами на японское управление Кореей были сторонник самостоятельного развития Кореи Гомер Халберт,¹⁵ и сторонник японской «цивилизаторской» политики Джордж Трамбалл Лэдд.¹⁶ Также хотелось бы выделить работы канадского журналиста Фредерика Маккензи.¹⁷ Особое внимание этим трём авторам мы уделили в параграфе 1.3.

Определённым недостатком ряда публицистических работ по Японской империи и колониальной Корее является то, что они зачастую писались в

---

¹² Колониальная Корея. Из публикаций в СССР 1920-1930-х гг.. Тула, 2006. 408 с.; Сувилов Н.И. Корея. Страна и её история последнего времени. СПб, 1904. 126 с.

¹³ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула: Гриф и К, 2008. 368 с.

¹⁴ Iyenaga Toyokichi. Japan's annexation of Korea // Journal of Race Development. Worcester, 1912. Vol.3, № 2. P. 201-223; Miura C., Litt. D. The Problem of Korean Assimilation // The Japan Magazine. Tokyo, 1921. Vol. 12, № 2-3. P. 130-134.

¹⁵ Hulbert Homer B. Japan in Korea // Journal of International Relations. Worcester, 1920. Vol.10, № 3. p. 270-277; Hulbert Homer B. The Passing of Korea. New York, 1906. 473 p.

¹⁶ Ladd George Trumbull. In Korea with Marquis Ito. London, New York, 1910. 519 p.; Ladd George Trumbull. Economic and Social Changes in Korea // The Journal of Race Development. 1910. Vol. 1. P. 248-253; Ladd George Trumbull. The Development of Korea in Most Recent Times // The Journal of Race Development. 1918. Vol. 8. P. 431-438.

¹⁷ McKenzie F.A. The colonial policy of Japan in Korea. London, 1906. 26 p.; McKenzie F.A. Korea's fight for freedom. New York, Chicago, London, Edinburgh, 1920. 320 p.

жанре путевых записок (трavelогий). В результате, в стремлении авторов охватить всё, что их окружало, наблюдается некоторая поверхностность. Также для подобных работ характерно подчёркивание положительного влияния Японии на колонии – Корею, Тайвань и т.д.¹⁸

4. Мемуары и сборники интервью.

В данную группу выделены три работы: мемуары сотрудника генконсульства СССР в Сеуле в 1940-1946 гг. и известного корееведа Ф.И. Шабшиной,¹⁹ сборник интервью, взятых в 1990-х гг. исследовательницей Хильди Кан у корейцев, проживавших в колониальной Корее,²⁰ и составленный совместной корейско-японской группой сборник, интервью бывших пилотов-корейцев, которые служили в ВВС Императорской армии Японии в 1930-1940-х гг.²¹ Первая книга является мемуарами, написанными человеком науки, что, несомненно, усиливает книгу, не избавляя её, тем не менее, от определенного субъективизма. В двух других же изложены истории людей, чьи воспоминания, может быть, более субъективны, но это не снижает в нашем случае их исследовательской ценности.

5. Статистические материалы и законы.

Здесь можно выделить две подгруппы: 1) корейскую и японскую статистику по корейцам-*дзайнити*, куда входит информация об их численности, процессе получения ими японского гражданства (натурализации) и заключения браков;²² 2) корейские законы, устанавливающие и определяющие расследование фактов прояпонской

¹⁸ Terry T. Philip. Japanese Empire Including Korea and Formosa. Boston, New York, London, Tokyo, 1914. 799 p.; Rutter Owen. Through Formosa: an account of Japan's island colony. London, 1923. 288 p.

¹⁹ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. 285 с.

²⁰ Kang Hildi. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945. Ithaca and London, 2005. 166 p.

²¹ Синминджи сонёный чханъгонъеый ккум (Мечты колониальной молодежи о небе). Сеул, 2010. 275 с.

²² См. Приложения 8 – 10.

деятельности,²³ а также конфискацию недвижимого имущества у потомков прояпонских деятелей-*чхинильпха*.²⁴

6. Современная периодика и публицистика.

В эту группу включены статьи южнокорейских СМИ (как на корейском, так и на русском языках), посвящённые преимущественно проблеме «прояпонских деятелей» - *чхинильпха*, публицистические статьи российских учёных в газете «Сеульский вестник», а также ряд статей корейских и японских исследователей, поскольку эти издания несут исключительно публицистическую направленность, хоть и с оттенком научности.²⁵ Источники данной группы предназначены преимущественно для изучения современного дискурса о проблемах, связанных с колониальным периодом, в частности о проблеме *чхинильпха* и проблеме колониальной модернизации Кореи. Хотя материалы современных СМИ в отечественной историографии используются не столь часто, в данном случае представляется допустимым включить современную периодику в список источников. Поскольку в настоящее время подобные материалы активно используются в исторических исследованиях, и их использование методологически обосновывается.²⁶

Степень изученности темы. Историография. В настоящее время отечественные исследования по истории колониального периода и его взаимосвязи с современной Кореей довольно немногочисленны. Среди монографий по колониальному периоду хотелось бы выделить работы В.И.

²³ Панминджок хэнъви чхобольпоп (Закон о наказании за антинациональную деятельность). URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=3399> (3.04.2014); Ильдже канъджомха панминджокхэнъви чинсанъгюмёнъе кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации). URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=129307> (22.10.2012).

²⁴ Чхиниль панминджок хэнъвиджа чэсаный куккаквисоге кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей). URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=135567> (23.03.2013)

²⁵ См. в Списке источников и литературы раздел «Современная периодика и публицистика».

²⁶ Костякова Ю.Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 12-17.

Шипаева и И.И. Василевской.²⁷ Уже упомянутую работу Ф.И. Шабшиной «В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца» также можно включить в этот список, поскольку, несмотря на мемуарный жанр, как и другая её работа «Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953 гг.)» эта книга имеет отчётливо научный характер.²⁸ При этом в вышеуказанных работах экономические, политические и социальные аспекты колониального периода однозначно оцениваются отрицательно, что можно объяснить, в том числе, влиянием идеологического фактора, так и, в случае с Ф.И. Шабшиной, непосредственным наблюдением за проведением японской колониальной политики в Корее.

Судя по справочно-библиографическому изданию, описывающему работы по корееведению с середины XIX в. по 2007 г., а также активному поиску, проведённому автором диссертации, практически все *монографии* по колониальному периоду истории Кореи на русском языке посвящены изучению корейского национально-освободительного и коммунистического движений.²⁹ Исключением являются работы вышеупомянутых авторов, которые, при их неоспоримой ценности и качестве, в основном были написаны ещё во времена СССР.

Безусловно, в монографиях по общей истории Кореи, колониальному периоду уделяется довольно большое внимание. Однако советские издания, хотя и оперируют богатым материалом, основное внимание в них уделяется проблемам национально-освободительного движения в Корее, классовой борьбе, колониальному ограблению Кореи империалистической Японией и т.п. Таким образом, рамки исследования колониального периода истории

---

²⁷ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. 242 с.; Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1964. 298 с.; Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. 119 с.

²⁸ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. 285 с.; Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953 гг.). М., 1958. 307 с.

²⁹ Концевич Л.Р. Избранная библиография литературы по Корее на русском и западноевропейском языках (с XIX века по 2007 год). М., 2008. С. 257-262.

Кореи в годы СССР были определены господствующей идеологией.³⁰ Хотя влияние идеологии можно считать заметным недостатком, при внимательном изучении этих работ, вполне возможно отфильтровывать идеологические компоненты. При этом сколь-нибудь заметного искажения фактов в данных работах не было замечено, что также говорит о неоспоримой ценности советских исследований по истории Кореи.

Стоит отдельно упомянуть о Б.Д. Паке, чьи монографии, посвящены преимущественно корейскому национально-освободительному движению, российско-корейским отношениям и истории корейцев в России.³¹ В своих работах Б.Д. Пак рассматривал колониальный период истории Кореи в первую очередь как годы японской оккупации, и значительное внимание уделял исследованию антияпонской борьбы корейцев на территории Кореи и Маньчжурии. Как результат грабительской колониальной политики Японии Б.Д. Пак выделяет новый прилив корейской эмиграции в Россию после 1905 г. и, особенно, после 1910 г.³² Также он неоднократно подчёркивает то, что несмотря на недоброжелательное отношение к корейцам со стороны отдельных чиновников Российской империи, в целом общественное мнение в России было настроено прокорейски.³³

В целом, работы по истории Кореи в современной России менее идеологизированны, и в них колониальный период рассматривается более многогранно, не показывая 1905-1945 гг. в сплошь чёрных красках.³⁴ В этом плане хотелось бы отдельно упомянуть о монументальном труде М.Н. Пака «История и историография Кореи», где общему изучению колониального

---

³⁰ История Кореи (с древнейших времён до наших дней). М., 1974. Т.1. 470 с.

³¹ Пак Б.Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи, 1905-1919. М., 2009. 390 с.; Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское национально-освободительное движение: 1918-1925. Очерки, документы, материалы. М., 2006. 416 с.; Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004. 520 с.; Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. 237 с.

³² Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 113-119.

³³ Пак Б.Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи, 1905-1919. М., 2009. С. 161-173.

³⁴ История Кореи (новое прочтение). М., 2003. 430 с.; Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб., 2002. 628 с.; Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. 680 с.

периода уделено много внимания.³⁵ Однако поскольку эта монография более ориентирована на обзор историографии по истории Кореи, среди отечественных работ в ней используется преимущественно книги советских авторов. В работе М.Н. Пака уже не делается акцента на классовой борьбе, однако освещаются преимущественно экономические аспекты колониального периода.

Вероятно, одним из недостатков многих отечественных работ по истории Кореи, является изучение Кореи и корейцев исключительно как объектов угнетения японским империализмом. Среди авторов, не разделяющих подобный подход, в первую очередь нужно упомянуть В.М. Тихонова, который детально показывает противоречивость социально-экономических и политических процессов, происходивших в колониальной Корее, а также неоднозначность их оценки.³⁶ Относительно изучения колониального периода данная работа характеризуется в первую очередь взглядами и научным подходом В.М. Тихонова, который склонен критически относиться как к историографии КНДР, так и к историографии Республики Корея. Помимо этого В.М. Тихонов более детально показывает противоречивость социально-экономических и политических процессов, происходивших в колониальной Корее, а также неоднозначность их оценки.

В начале XXI в. проблемы колониального периода истории Кореи подробно рассматриваются преимущественно в формате статей в научных журналах, в которых рассматриваются отдельные научные задачи. Ряд статей, которые мы использовали при сравнении колониальных практик Японии и западных стран, посвящён обстоятельствам оформления протектората и аннексии Кореи.³⁷ Хотелось бы выделить замечательную статью Н.Н. Ким,

---

³⁵ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. 911 с.

³⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М., 2011. 533 с.; Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. 499 с.

³⁷ Козлова Д.Н. Установление протектората Японии над Кореей с точки зрения международного права // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. С. 5-14;

где автор предлагает выделить в социальной структуре колониальной Кореи три крупных экономических класса, в качестве критерия используя профессиональную занятость и доход, а также на множество статусных групп.³⁸ Хотя мы в полной мере не использовали в данной диссертации подход, предложенный Н.Н. Ким, он представляется нам весьма многообещающим и заслуживающим внимания.

В годы СССР история колониальной Кореи рассматривалась исключительно как история Кореи, а не история Японии. В работах современных отечественных японистов колониальная Корея выступает как объект изучения довольно редко. В этом плане хотелось бы отметить работы Л.В. Овчинниковой, которая длительное время изучает большой корпус секретных изданий генерал-губернаторства Кореи (преимущественно написанные на *бунго* – стандартной письменной форме японского языка до 1945 г.).³⁹ С учётом того, что большинство данных изданий не введены в научный оборот не только в России, но и в Японии и Корее, ценность работ Л.В. Овчинниковой при исследовании колониального периода неоспорима.

Наконец, следует отметить серию статей В.А. Гринюка, которые посвящены истории корейской диаспоры в Японии и их борьбе против дискриминации в японском обществе.⁴⁰ Эти работы достаточно полно описывают историю формирования и развития общности корейцев-*дзайнити* как неотъемлемой части японского общества.

Макарчук О.И. Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 153–158.

³⁸ Ким Н.Н. В поисках методологии исследования социальной структуры Кореи колониального периода // Вестник российского корееведения. 2012. №4. С. 60-74.

³⁹ Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение. 2009. № 3. С. 57-70; Куликова (Овчинникова) Л.В. Закрытые издания японской колониальной администрации как источник изучения корейского освободительного движения в 20-30-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1994. 19 с.

⁴⁰ Гринюк В.А. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. 2013. № 2(16). С. 109-136; Гринюк В.А. К истории корейской диаспоры в Японии // Япония наших дней. 2013. № 3(13). С. 91-104; Гринюк В.А. Корейская диаспора в Японии после Второй Мировой войны (1945-1960) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 124-134.

В англоязычной (преимущественно американской) историографии колониального периода истории Кореи большую роль играют исследования японистов, которые рассматривают Корею, в том числе, и как органическую часть Японской империи в 1910-1945 гг.⁴¹ Данный подход, нехарактерный для большинства отечественных и корейских исследователей, позволяет не только по-другому взглянуть на ряд проблем, в том числе рассматриваемые здесь проблемы колониальной модернизации и ассимиляции, но и порой прийти к выводам, отличным от тех, которые делают южнокорейские учёные.

Среди таких работ хотелось бы выделить книги и статьи японистов Марка Каприо, который подробно исследует японскую ассимиляционную политику в колониальной Корее в самых различных её аспектах,⁴² и Тэйлора Аткинса, который рассматривает преимущественно процесс интеграции корейской культуры в культуру имперской Японии, проходившую параллельно с японизацией самой Кореи.⁴³ Как часть процессов ассимиляции можно рассматривать и формирование призывной базы для армии Японской империи в 1930-1940-х гг. Именно это делает Брэндон Палмер, изучающий ассимиляционные и мобилизационные процессы в первую очередь как инструмент подготовки призывников и формирования источника трудовых ресурсов для японской промышленности.⁴⁴

---

⁴¹ The Japanese Colonial Empire: 1895 – 1945. Princeton, 1984. 540 p.; Brudnoy David. Japan's Experiment in Korea // Monumenta Nipponica. 1970. Vol. 25, No. 1/2. P. 155-195.

⁴² Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. 320 p.; Caprio Mark E. Japanese Narratives on Life in Late-Colonial Korea: From Wartime to Repatriation // Journal of Korean Studies. 2009. Vol. 14, No. 1. P. 117-132.

⁴³ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. 262 p.; Atkins E. Taylor. The Dual Career of "Arirang": The Korean Resistance Anthem That Became a Japanese Pop Hit // The Journal of Asian Studies. 2007. Vol. 66, No. 3. P. 645-687.

⁴⁴ Palmer Brandon. Fighting for the Enemy: Koreans in Japan's War, 1937-1945. Seattle and London, 2013. 242 p.; Palmer Brandon. Imperial Japan's Preparations to Conscript Koreans as Soldiers, 1942–1945 // Korean Studies. 2007. Vol. 31, No. 1. P. 63-78.

Большое внимание в американской историографии уделяется формированию в Корее слоя предпринимателей и промышленников.⁴⁵ К наиболее значимым авторам в этой области можно причислить Картера Экерта и Дэнниса Макнамару.⁴⁶ При этом, в большинстве работ, как корейстов, так и японистов, отчётливо говорится о доминировании на полуострове японских предпринимателей.

Довольно подробно изучен американскими учёными процесс проникновения в Корею японского бизнеса, постепенного подчинения развития Кореи японским интересам и колонизация Кореи Японией.⁴⁷ В этом плане хотелось бы отдельно упомянуть о работе Дзюн Утиды «Представители империи: японский поселенческий колониализм в Корее, 1876-1945», где одной из задач автора является изучение общества японских жителей Кореи, как посредников между Японией, японскими властями и корейцами, в первую очередь корейской буржуазией.⁴⁸ Однако Утида видит в японских поселенцах не только посредников между японскими властями и корейцами, но и самостоятельной группой, интересы которой порой противоречили интересам японских властей и совпадали с интересами корейцев.⁴⁹

---

⁴⁵ Juhn Daniel S. Nationalism and Korean Businessmen under Japanese Colonial Rule // *Korea Journal*. 1977. Vol. 17, No.1. P. 4-11; Park Soon Won. *Colonial Industrialization and Labor in Korea: The Onoda Cement Factory*. Harvard University Asia Center, 1999. 223 p.

⁴⁶ Eckert Carter J. *Offspring of Empire: The Koch'Ang Kims and the Colonial Origins of Korean Capitalism, 1876-1945*. University of Washington Press, 1996. 388 p.; McNamara Dennis L. *The Colonial Origins of Korean Enterprise: 1910-1945*. Cambridge, 1990. 208 p.; McNamara Dennis L. *Entrepreneurship in Colonial Korea: Kim Yon-su* // *Modern Asian Studies*. 1988. Vol. 22. No. 1. P. 165-177.

⁴⁷ Duus Peter. *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910*. Berkeley and Los Angeles, 1998. 480 p.; Dudden Alexis. *Japan's colonization of Korea: discourse and power*. Honolulu, 2006. 215 p.; Moscowitz Karl. *The Creation of the Oriental Development Company: Japanese Illusions Meet Korean Reality* // *Occasional Papers on Korea*. 1974. № 2. P. 73-121.

⁴⁸ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. 481 p.

⁴⁹ Uchida Jun. *The Public Sphere in Colonial Life: Residents' Movements in Korea under Japanese Rule* // *Past & Present*. 2013. № 220. P. 217-248.

Обобщённых монографий, посвящённых модернизационным процессам в колониальной Корее, в американской историографии не так много, поскольку здесь предпочитают концентрировать внимание на отдельных аспектах модернизации, например эволюции роли женщин в корейском обществе.⁵⁰ Это вполне объяснимо тем, что этих аспектов насчитывается огромное множество, рассмотреть их все представляется непосильной задачей. Исследование корейцев-*дзайнити* является достаточно распространённой темой, но преимущественно затрагивается в контексте проблем дискриминации в японском обществе, а не в контексте наследия колониального периода.⁵¹

К числу исследователей, указывающих на непосредственное влияние колониального периода на последующее развитие Кореи,⁵² можно причислить и известного специалиста по Корее Брюса Камингса, который в своей не менее известной работе «Место Кореи под солнцем» прямо указал на сохранение корейской колониальной элитой (чиновники, полицейские, предприниматели) своих позиций в Корее даже после 1945 г.⁵³

Проблема «прояпонских деятелей» - *чхинильпха* - в англоязычной историографии рассматривается в основном в контексте ассимиляционной политики Японии,⁵⁴ но, по нашему мнению, в целом она освещена достаточно слабо. В этом плане хотелось бы отметить статью Кун дэ Сёстера,

---

⁵⁰ Colonial Modernity in Korea. Cambridge, MA and London, 1999. 466 p.; Yoo Theodore Jun. The Politics of Gender in Colonial Korea: Education, Labor, and Health, 1910–1945. University of California Press, 2008. 330 p.

⁵¹ Mitchell Richard H. The Korean Minority in Japan. Berkeley and Los Angeles, 1967. 186 p.; Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan: 1910 – 1923. Manchester University Press, 1989. 249 p.; Weiner Michael. The Race and Migration in Imperial Japan. Routledge, 1994. 278 p.

⁵² Lim Timothy C. The Origins of Societal Power in South Korea: Understanding the Physical and Human Legacies of Japanese Colonialism // Modern Asian Studies. 1999. Vol. 33, No. 3. P. 603-633.

⁵³ Cumings B. Korea's Place in the Sun. New York, London, 1997. 527 p.

⁵⁴ Caprio Mark E. Loyal Patriot? Traitorous Collaborator? The Yun Ch'ih'o Diaries and the Question of National Loyalty // Journal of Colonialism and Colonial History. 2006. Vol. 7, No. 3. URL: http://muse.jhu.edu/journals/journal_of_colonialism_and_colonial_history/v007/7.3caprio.html (3.04.2014).

который выполнил общий обзор южнокорейской историографии по проблеме чхинильпха.⁵⁵

Нам бы хотелось дополнительно упомянуть о группе работ, посвящённых компаративному изучению японской, британской и французской колониальных политик, которые использовались при написании параграфа 2.1 данной диссертации.⁵⁶ Эти работы помогли получить более полное представление о колониальных практиках в Британской Индии, Французском Алжире и колониальном Тайване.

Наконец, следует выделить замечательную работу русского эмигранта Андрея Гражданцева, экономиста по образованию, наиболее известная работа которого – «Современная Корея» 1944 года – цитируется корееведами и японоведами из самых разных стран до сих пор.⁵⁷ Дополнительной положительной характеристикой этой работы может служить то, что в 1948 г. она была переведена на русский язык и опубликована в СССР, с минимальными цензурными сокращениями.⁵⁸

Специфика американской историографии состоит в том, что множество американских исследователей имеют корейские и японские корни. Немало корейских и японских учёных, а также учёных других стран получили образование в США и/или работают американских университетах и институтах в течение долгого времени. Стоит учитывать и то, что американские научные журналы пользуются большим авторитетом,

---

⁵⁵ Ceuster Koen de. *The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea* // *Korean Studies*. 2001. Vol. 25, No. 2. P. 207-242.

⁵⁶ Babicz Lionel. *Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism* // *Japanese Studies*. 2013. Vol. 33, No.2. P. 201-211; Chen Edward I-te. *Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1970. Vol. 30. P. 126-158; Ching Leo T. S. *Becoming "Japanese": Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation*. University of California Press, 2001. 251 p.; Hechter Michael, Matesan Ioana Emy, Hale Chris. *Resistance to alien rule in Taiwan and Korea* // *Nations and Nationalism*. 2009. №15 (1). P. 36–59; Ruedy John Douglas. *Modern Algeria: The Origins and Development of a Nation*. Indiana University Press, 2005. 325 p.; Tsurumi E. Patricia. *Education and Assimilation in Taiwan under Japanese Rule, 1895-1945* // *Modern Asian Studies*. 1979. Vol. 13, No. 4. P. 617-641.

⁵⁷ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. 330 p.

⁵⁸ Гражданцев А.И. *Корея*. М., 1948. 448 с.

вследствие чего в них могут публиковаться работы, которые можно включить как в американскую историографию, так и в историографию стран проживания/гражданства авторов этих статей.

Обзор южнокорейских исследований по теме диссертации мы начнём с работ, переведённых на русский язык. Помимо Кан Мангиля, стоит сказать о переводных изданиях других южнокорейских авторов: Ли Гибэка и Хан Ёнью. Работа Хан Ёнью «История Кореи: новый взгляд» с 1990-х гг. является в Южной Корее одной из самых популярных книг по корейской истории.⁵⁹ Нельзя не оценить высокий уровень данного труда, однако стоит упомянуть, что в ряде вопросов мнение Хан Ёнью, соответствуя южнокорейской историографии, вступает в определённые противоречия с историографией отечественной. Тем не менее, это не умаляет значения данной работы для изучения истории Кореи.

К числу условных недостатков, характерного для большинства работ корейских авторов, можно причислить то, что колониальный период рассматривается в первую очередь как время борьбы корейского народа с японским империализмом. Схожий подход использует и более консервативный южнокорейский историк Ли Гибэк, который, однако, признаёт и ряд положительных моментов колониального периода.⁶⁰ Однако эти положительные моменты, в первую очередь, возможность учиться в Японии, Ли Гибэк объясняет не заслугами Японии, а заслугами и усилиями самих корейцев. В целом работы Хан Ёнью и Ли Гибэка достаточно полно представляют основные течения в современной южнокорейской историографии.

Колониальная модернизация Кореи, как и весь колониальный период, в Южной Корее рассматривается почти всегда с критических позиций. В этом плане хорошо известны работы Син Ёнхва и Чон Ёнтхэ.⁶¹ В целом, в этих

---

⁵⁹ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. 758 с.

⁶⁰ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. 464 с.

⁶¹ Син Ёнхва. Ильдже синминджи чонъчхэкква синминджи кындэхварон пипхан (Японская колониальная политика и критика колониальной модернизации). Сеул, 2006.

монографиях хорошо отражено корейское видение изучаемых здесь проблем. В основном в корейских работах уделяется внимание политике подавления национально-освободительного движения, колониального ограбления Кореи и изучения колониального административного аппарата в качестве репрессивного органа.⁶² Однако в последние годы, появляется всё больше работ, посвящённых исследованию повседневности колониального периода истории Кореи и модернизации (в первую очередь экономической и культурной) жизни корейцев.⁶³

Профессор Сеульского государственного университета Квон Тхэок в статьях, посвящённым не очень популярным у южнокорейских исследователей 1910-м гг., доказывает, что основные направления колониальной политики Японии, в том числе и те моменты, которые обычно соотносят к более поздним периодам, были определены ещё в 1910-х гг.⁶⁴ В первую очередь, к таким моментам относится формирование в Корее индустриальной и ресурсодобывающей базы.

---

613 с.; Син Ёнхва, Чон Саньсук, Ко Сукхва и др. Синминджи кындэхвароне тэхан пипханчок сонъчхаль (Критический анализ теории о колониальной модернизации). Пхаджу, 2009. 583 с.; Чон Ёнтхэ. Хангук кындэва синминджи кындэхва нонджэнь (Корейская современность и споры о колониальной модернизации). Сеул, 2011. 531 с.

⁶² Ильдже синминджи сигый тхончи чхедже хёнсонъ (Формирование системы управления Кореей в колониальный период). Сеул, 2006. 407 с.; Ильдже синминджибэва канъдждонъвон (Японское колониальное правление и насильственная мобилизация). Сеул, 2010. 297 с.; Ким Самун. Ильдже Чосоньль ольмана манъчхёссылькка (Насколько же Япония навредила Корее?). Сеул, 1998. 286 с.

⁶³ Кан Ёнъсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. Ильдже сиги кындэджок ильсанъгва синминджи мунхва (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). Сеул, 2008. 250 с.; Ким Суджин. Синёсонъ, кындэый кваинъ («Новая женщина» в колониальной Корее: чрезмерная модернизация). Сеул, 2009. 510 с.; Мун Ёнджу. Синминджиги чонтхонъ тоси Сунчхонъ кындэхва кваджонъ чиёнъминъ тэёнъ (Процесс модернизации традиционного города Сунчхон в годы колониального режима и реакция местных жителей) // Хангуксахакбо. 2011. № 42. С. 201-224.

⁶⁴ Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджеый мунмёнъхва тхонъчхива хангугиндырый инсик: 3.1 ундонъый коджоксонъ вонин кюмёнъыль вихан ханаый сирон (Японская цивилизаторская политика 1910-х гг. и её восприятие корейцами: мнение о причине всенародного распространения Первоапрельского движения) // Хангук мунхва. 2013. № 61. С. 327-360; Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджеый Чосон тонъхваронгва тонъхва чончхэк (Ассимиляционная политика и дискурс в колониальной Корее в 1910-е гг.) // Хангук мунхва. 2008. № 44. С. 99-125.

В корейских работах довольно подробно изучается роль, которую играли на полуострове японские поселенцы. При этом между японскими поселенцами и японскими колониальными властями далеко не всегда проводится знак равенства, а подчёркивается значительное несовпадение их интересов. Среди подобных работ можно отдельно упомянуть статьи Квон Сугина, Пак Яньсина и Ким Дэрэ.⁶⁵

Ассимиляционная политика Японии в Корее и японизация корейцев южнокорейскими исследователями, как правило, рассматривается через призму повседневной модернизации, о которой мы уже сказали, развития колониального образования⁶⁶ и распространения на корейцев синтоистских ритуалов.⁶⁷ Но чаще всего в качестве наиболее заметного и оставившего след в корейской исторической памяти элемента культурной ассимиляции упоминают кампанию по смене корейских имён на японские, в чём корейским авторам видится явная попытка культурной ассимиляции.⁶⁸

Исследование истории корейской диаспоры в Японии занимает важное место в южнокорейской историографии.⁶⁹ Однако чаще всего эта тема поднимается в контексте проблемы насильственной трудовой мобилизации, в

⁶⁵ Квон Сугин. Синминджи Чосоный ильбонин (Японцы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхоньгвон. 2008. № 80. С. 109-139; Квон Сугин. Синминджибэги Чосон нэ ильбонин хаккё (Японские школы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхоньгвон. 2008. № 77. С. 57-91; Пак Яньсин. Тхоньгам чончхива чэхан ильбонин (Политика генерал-резидентства и японские поселенцы в Корее) // Ёксагёюк. 2004. № 90. С. 155-179; Пак Яньсин. Чэханильбонин корюминданный сонънипква хэчхе (Формирование и упразднение японских селтльментов в колониальной Корее) // Асия мунхва ёнгу. 2012. № 26. С. 241-272.

⁶⁶ Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // Asia Pacific Education Review. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 75-89.

⁶⁷ Мун Хеджин. Ильдже синминджиги Кёнъсонъбу синса (Синтоистские храмы в Сеуле колониального периода) // Чонъсин мунхваёнгу. 2013. № 36.3. С. 369-396.

⁶⁸ Ильдже синминджи сиги сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. 325 с.

⁶⁹ Ли Джонъын. Синмин чегукква чонджэнь, кыриго диасыпхораый сам (Колониальная империя, война и жизнь диаспоры) // Хангук сахвехак. 2011. № 45.4. С. 169-197; Ли Сынъхи. Синминджи сиги чеиль чосонине тэхан ильбон чхиандангугый инсик (Взгляд японских правоохранительных органов на корейцев, проживавших в Японии, в годы колониального режима) // Ханиль квангеса ёнгу. 2013. № 44. С. 161-191; Hahn Bae-ho, Hong Sung-chick. The Korean Minority in Japan: Their Problems, Aspirations and Prospects // Korea Journal. 1975. Vol. 15, No. 6. P. 4-21.

то время как в данной диссертации речь идёт в первую очередь о тех корейцах, которые переселились в Японию добровольно.

Хотя вопросы сотрудничества корейцев с колониальной администрацией в основном затрагиваются в работах, посвящённых отдельным персоналиям,⁷⁰ в южнокорейской историографии существуют также научные работы, посвящённые *чхинильхва* в общем.⁷¹ Отдельно стоит упомянуть о работах членов Института национальных проблем и Комитета по исследованию имущества прояпонских антинациональных деятелей, о которых подробно изложено в параграфе 3.3.⁷²

Наконец немало работ в Южной Корее посвящено искажению истории Кореи в японских учебниках для старших школ и университетов.⁷³ Однако некоторые южнокорейские авторы, преимущественно публицисты в корне не согласны с такой постановкой вопроса и считают, что искажение истории в японских учебниках является надуманной проблемой, призванной отвлечь внимание от аналогичного искажения истории в южнокорейских учебниках.⁷⁴

Стоит сказать немного и об историографии КНДР. Начиная с момента образования в 1948 г., в КНДР колониальному периоду давалась исключительно отрицательная оценка. Колониальное правление японцев

⁷⁰ Kim U-Chang. The Situation of the Writers under Japanese Colonialism // Korea Journal. 1976. Vol. 16. No. 5. P. 4-15; Lee Jung-Shim. History as colonial storytelling: Yi Kwangsu's historical novels on fifteenth-century Choson history // Korean Histories. 2009. Vol. 1.1. P. 81-105.

⁷¹ Ким Джэун. Хэбанъ ху пукханный чхинильпхава ильджеюсан чхоккэль (Ликвидация прояпонских групп и колониального наследия в Северной Корее после Освобождения) // Хангук кынхёндэса ёнгу. 2013. № 66. С. 182-222.

⁷² Нам Чханъгюн. Панминдок мунже ёнгусо (Институт антинациональных проблем) // Хангук ёкса ёнгухве хвебо. 1992. № 14. С. 16-18; Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул, 2012. 271 с.

⁷³ Чон Чэджон. Ильбонса кёгвасое кисульвен синминджи чибэва минджок ундонъ (Как описывается японская колониальная политика и корейское освободительное движение в японских учебниках) // Ханиль квангеса ёнгу. 2008. № 30. С. 245-293; Чхве Хеджу. Кындэ ильбонный хангуксагва ёксавэгок (Взгляды на историю Кореи в современной Японии и искажение истории) // Хангук тонънип ундонъса ёнгу. 2010. № 35. С. 273-313.

⁷⁴ Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. 452 с.

сравнивалось с оккупацией и основное внимание учёные КНДР уделяли изучению народно-освободительной борьбы с японцами и грабительских действий японских властей по отношению к Корее. Иным аспектам колониального периода не уделялось никакого внимания.⁷⁵ Причины такого подхода, как очевидно, в первую очередь идеологические. Насколько нам известно, до наших дней подобный подход к изучению истории колониального периода в КНДР используется до сих пор без сколько-нибудь заметных изменений. Именно поэтому в данной диссертации основное внимание отдано историографии Республики Корея.

Наконец, японская историография в диссертационной работе представлена в основном Мидзуно Наоки – признанным специалистом в области изучения политики смены имён 1939-1940 гг., причём признанным и в Южной Корее, где был опубликован ряд его работ.⁷⁶

Помимо Мидзуно Наоки, при работе над диссертацией использовались исследования по процессу распространения религии синто и японского языка в колониях Японской империи, как часть интеграционной и ассимиляционной политик.⁷⁷ Также к исследованию привлекались полемические работы японских авторов, которые, используя официальную статистику генерал-губернаторства Кореи, утверждают, что за годы японского колониализма выросла не только продолжительность жизни

---

⁷⁵ Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952. 191 с.; Сон Ен Чжон. Очерк корейской истории. Пхеньян. Кн.1. 1992. 321 с.

⁷⁶ Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбонный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. 331 с.; Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджуый (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. 202 с.; Мидзуно Наоки. Чосон чхонъдокпунын вэ Чханъсси кэмёнъль сильсихэссылъкка? (Почему генерал-губернаторство Кореи проводило политику смены имён?) // Нэирьль ёнын ёкса. 2004. № 15. С. 182-193.

⁷⁷ Nakajima Michio. Shinto Deities that Crossed the Sea: Japan's "Overseas Shrines," 1868 to 1945 // Japanese Journal of Religious Studies. 2010. Vol. 37, No. 1, Religion and the Japanese Empire. P. 21-46; Хиура Сатоко. Тё:сэн дзингу: то гакко: кангакусай о тю:син ни (Синтоистские храмы и школы в колониальной Корее: рассмотрение ритуала кангакусай) // Historical research of education: bulletin of the Society for Historical Research of Education. 2006. № 49. С. 110-122.

корейцев, но и средний уровень благосостояния корейского населения полуострова.⁷⁸

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

-была предпринята попытка комплексного анализа модернизационных процессов, проходивших в колониальной Корее, с учётом в качестве участников этих процессов как корейского, так и японского населения полуострова;

-ассимиляционная политика Японии в Корее изучена не как попытка «культурного геноцида», а как часть интеграционной политики Японии, при этом проводилось сравнение с колониальными практиками западных стран и интеграционной политикой Японии на Тайване;

-формирование корейской диаспоры на Японских островах было рассмотрено в связке с интеграционной политикой Японской империи, а современные проблемы корейцев-*дзайнити* – как продолжение проблем, не решённых этой политикой;

-впервые в отечественной историографии предпринята попытка изучения проблемы «прояпонских деятелей» - *чхинильпха*, а именно истории прояпонской деятельности корейцев, а также расследований, предпринятых южнокорейскими учёными и политиками в отношении *чхинильпха* и их потомков в конце XX – начале XXI в. В ходе исследования была выявлена неоднозначность оценки фактов прояпонской деятельности и сложность причисления какой-либо личности к *чхинильпха*;

-в научный оборот впервые введён ряд документов Архива внешней политики РФ, зарубежных научных работ и документов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Колониальная модернизация Кореи не была исключительно результатом «цивилизаторской» и модернизационной политики Японии, а

---

⁷⁸ Kimura Mitsuhiko. Standards of Living in Colonial Korea: Did the Masses Become Worse Off or Better Off Under Japanese Rule? // The Journal of Economic History. 1993. Vol. 53, No. 3. P. 629-652.

была достигнута усилиями корейского народа и сотрудничеством японского и корейского населения полуострова.

2. Исходя из этого, колониальный период нельзя определять лишь как годы экономического ограбления Кореи.

3. Колониальная и интеграционная политика Японии в Корею формировалась при учёте западных колониальных практик и японского опыта ведения колониальной политики на Тайване.

4. Интеграция элементов японской культуры в корейскую далеко не всегда была результатом целенаправленной ассимиляционной политики, поскольку значительная часть модернизационных аспектов в Корею проявлялась в японизированном виде, а модернизация зачастую происходила без заметного участия колониальных властей.

5. История формирования и современное положение корейской диаспоры в Японии не только служит наглядным примером проблем интеграции в японское общество, но и помогает понять причину провала интеграционной и ассимиляционной политики в Японской империи, а также является индикатором ошибочности утверждений о моноэтничности японского общества.

6. Сложная и многогранная проблема сотрудничества корейцев с японцами и колониальными властями в 1905-1945 гг. не только повлияла на развитие Кореи после 1945 г., но и оказывает значительное влияние на политическую и общественную жизнь современной Республики Корея.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется низкой исторической разработанностью темы исследования в отечественной науке. При этом важность разработки данной темы для изучения истории Кореи и корейского общества неоспорима. Результаты исследования могут быть использованы в академической и образовательной сфере, в том числе при разработке учебных курсов и пособий и подготовке специалистов в области истории, корееведения и международных отношений.

Апробация исследования проходила на трёх научных конференциях корееведов России и стран СНГ в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 2012, 2013, 2014 гг.); Второй всероссийской научной конференции молодых учёных-корееведов (Москва, ИСАА МГУ, 2012 г.); IV конференции молодых японоведов «Japan Report» (Москва, НИУ ВШЭ, 2012 г.); ежегодных научных конференциях Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований (Иркутск, ИГУ, 2011, 2012, 2013 гг.); образовательно-исследовательском семинаре «Этномиграционные и диаспоральные процессы в переселенческом обществе» (Иркутск, 2013 г.).

Результаты исследования отражены в 11 научных публикациях автора, 3 из которых опубликованы в изданиях, рецензируемых ВАК и зарегистрированных в системе РИНЦ. Исследование было поддержано «Фондом Михаила Прохорова» (Конкурс грантов «Академическая мобильность», 2012 г.) и «Корейским фондом» («Korea Foundation»; Стипендия на проведение диссертационного исследования, 2012-2013, 2013-2014 гг.).

Структура работы построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трёх глав, в каждой из которых выделено по три параграфа, заключения, списка источников и литературы и приложений.

Следует уточнить **правила записи японских и корейских имён, названий и терминов**. Порядок написания всех корейских и японских имен и фамилий здесь принят в общеупотребимом для Восточной Азии и отечественного востоковедения варианте – фамилия-имя. Транскрипция корейских имён, названий и терминов даётся по системе Концевича, принятой в академических учреждениях России, в соответствии с которой, помимо прочего, корейские двухсложные имена записываются в одно слово (напр. Ли Ванён). Транскрипция японских имён, названий и терминов даётся по системе Поливанова. Исключение, как в случае с корейским, так и в случае с японским языком, составляют устоявшиеся названия топонимов (напр. Сеул, Токио).

При отражении реалий колониального периода ряд терминов и названий приводится с корейским и японским чтением, а также в виде записи традиционными иероглифами, принятыми в то время. Для записи названий и терминов, имеющих отношение к послевоенной и современной Японии, используются в т.ч. упрощённые иероглифы, появившиеся в результате реформы японского языка в 1946 г. Для записи названий и терминов, касающихся современной Кореи, может использоваться дополнительно корейское письмо *хангыль*. Топонимы колониальной Кореи используются, с дополнительными пояснениями, как в корейском, так и в японском варианте.⁷⁹

---

⁷⁹ См. Приложение 1.

1. МОДЕРНИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ: СУЩНОСТЬ И УЧАСТНИКИ

1.1. Социально-экономическое развитие Кореи в годы протектората (1905-1910) и в составе Японской империи (1910-1945)

Безусловно, определённая модернизация социально-экономической сферы Кореи началась ещё в конце XIX в., и вплоть до начала XX в. в ней принимали участие, помимо Японии, США, Великобритания, Россия и ряд других стран. Однако, по мере подчинения Японии внешней и внутренней политики Кореи, после оформления протектората в 1905 г. и, особенно, после аннексии в 1910 г. модернизация всех сфер жизни Кореи практически полностью перешла в руки Японии, а иностранные участники модернизационных процессов были вытеснены с полуострова.

Под модернизацией в данной диссертации понимается комплекс из четырёх элементов:

1) экономическая модернизация – в эту категорию входит интенсификация производства, индустриализация, а также рост дифференциации труда;

2) политическая модернизация – т.е. вовлечение в политическую жизнь более широких слоёв населения и рост их влияния на принятие политических решений;

3) социальная модернизация – формирование общества с высокой социальной мобильностью и открытой стратификационной системой, в котором отношения регулируются на основе письменного права;

4) культурная модернизация, как процесс перехода от традиционного общества к современному.

Уточним, что колониальная модернизация Кореи преимущественно рассматривается как модернизация неорганического типа, т.е. формировавшаяся под внешним влиянием.

Главной задачей первой главы данной работы является прояснение трёх вопросов, связанных с колониальной модернизацией Кореи:

1) справедливо ли говорить о колониальной модернизации Кореи, или же главной целью японских властей было исключительно формирование базы для добычи природных и поставки трудовых и мобилизационных ресурсов?

2) какую роль в процессах, причисляемых к составляющим колониальной модернизации, играли собственно корейцы и проживавшие в Корее японцы?

3) как рассматривалась теория колониальной модернизации Кореи в самой Корее и других странах в 1905-1945 г. и на рубеже XX-XXI вв., а также какую роль сыграло колониальное наследие в формировании экономики и эволюции социума Республики Корея во 2-й половине XX в.?

Здесь мы постараемся изучить первый вопрос - проблему колониальной модернизации Кореи в 1905-1945 гг. Для этого мы уделим внимание особенностям социоэкономического развития Кореи в эти годы, используя для этого как материалы, уже наработанные отечественной и зарубежной историографией, так и исторические источники, изучаемого периода. Во втором и третьем параграфах соответственно будут изучены проблемы участников модернизационных процессов в колониальной Корее и современный научный дискурс о теории колониальной модернизации Кореи.

Для начала мы проведём краткий экскурс в предысторию оформления японского протектората над Кореей в 1905 году, который является нижней хронологической планкой в данной работе.

Японо-корейские отношения в 1876-1905 гг. В 1876 г. между Кореей и Японией был заключён Канхваский договор, в соответствии с которым японские подданные получали право экстерриториальности, а для японских купцов открывались порты Пусан, Вонсан и Инчхон. Кроме того, японские

товары освобождались от таможенных пошлин.⁸⁰ На протяжении последующих десятилетий позиции Японии на полуострове всё усиливались, однако провал мятежа года *капсин* (1884), ядро участников которого составляли прояпонски настроенные сторонники модернизации Кореи, привело к десятилетнему доминированию Китая в политической жизни Кореи.⁸¹

Тем не менее, Япония сохранила своё экономическое влияние на полуострове, и желание подкрепить его выразилось в первой попытке оформления протектората в 1894 г. В качестве предложения выступила отправка, по просьбе корейского правительства, китайских войск на Корейский полуостров для подавления крестьянского восстания *тонхак* (1893-1895). Япония также направила в Корею свои войска, что послужило началом японо-китайской войны 1894-1895 гг.⁸² По результатам Симоносекского договора, ознаменовавшего окончание войны, Китай передал Японии Тайвань с прилегающими островами, а Корея провозглашалась самостоятельной страной.⁸³ Учитывая присутствие на её территории японских войск, это определённо подготавливало почву для оформления протектората над Кореей. Однако под давлением Франции и Германии, в первую очередь, России, Япония отказалась от каких-либо притязаний в отношении Кореи и подтвердила её нейтральный статус.⁸⁴

Вынужденная вывести почти все войска с территории Кореи (в 1897-1910 гг. — Корейской империи), Япония сохранила за собой влияние на корейских политиков. Многие корейские предприниматели также оставались зависимыми от Японии. Желание японских правящих кругов получить полный контроль над Кореей было одной из главных причин начала русско-японской войны 1904-1905 гг. 8 января 1904 г., за сутки до начала военных

⁸⁰ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 404.

⁸¹ Там же. С. 410-411.

⁸² Duus Peter. The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910. Berkeley and Los Angeles, 1998. P. 66-67.

⁸³ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 11-20.

⁸⁴ Ibid. P. 21-25.

действий, японские войска начали высаживаться в Инчхоне, Кунсане и Вонсане.⁸⁵ 9 января японские войска вошли в Сеул, а 23 февраля корейский министр иностранных дел Ли Джиён и японский посланник Хаяси Гонсукэ подписали протокол о союзных отношениях, согласно которому Япония могла осуществлять охрану правопорядка и защиту Кореи от «действий третьих стран».⁸⁶

22 августа 1904 г. Япония вынудила корейское правительство подписать очередное соглашение, по которому правительство Кореи обязывалось привлекать к работе с финансами японских советников, без согласия которых не утверждалось ни одного сколько-нибудь значимого документа. Для ведения внешних дел Корея также соглашалась привлекать советников-иностранцев, рекомендованных японским правительством, с теми же полномочиями. Также Япония брала на себя заключение всех внешнеполитических договоров от имени корейского правительства.⁸⁷ Таким образом, оформление протектората над Кореей стало вопросом самого ближайшего будущего.

Для распространения прояпонских настроений в августе 1904 г. в Корее, при японской поддержке, была создана организация *Ильджинхве* (一進會, кор. «Единое прогрессивное общество»), в которую входили сторонники модернизации Кореи и её аннексии Японией.⁸⁸ По разным оценкам в *Ильджинхве* состояли от нескольких десятков до 100 тыс. человек. Пользуясь поддержкой членов *Ильджинхве*, среди которых были и представители правящих кругов Кореи, был заключён ещё ряд соглашений: «О переходе почты, телеграфных и телефонных линий Кореи под контроль Японии» от 1 апреля 1905 г., согласно которому Япония также получила контроль над

---

⁸⁵ Кан Мангиль, Ким Намсик, Ким Ёньха и др. Хангукса 26. Ёнпхё 2. (История Кореи. Том 26. Хронология 2). Сеул, 1995. С. 108.

⁸⁶ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 36-37.

⁸⁷ Ibid. P. 37.

⁸⁸ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 439.

территориями, прилегавшими к линиям связи,⁸⁹ и «О навигации» от 13 августа 1905 г., разрешавшее японским судам беспрепятственно находиться в территориальных водах Кореи.⁹⁰

Заключение в сентябре 1905 г. Портсмутского мирного договора, ознаменовавшего окончание русско-японской войны, ускорило оформление протектората и будущую аннексию. К концу 1905 г. Япония контролировала почти всю транспортную инфраструктуру Кореи, почту и телеграф.⁹¹ Доля Японии во внешней торговле Кореи в 1904-1905 гг. составляла около 90% корейского экспорта и 60-70% корейского импорта.⁹² Крупнейшие порты Кореи – Пусан, Инчхон и Вонсан были населены, помимо корейцев, преимущественно японцами. Что любопытно, в литературе того времени, в том числе и русскоязычной, предпочитали использовать для Пусана и Вонсана их японские названия – Фудзан и Гендзан соответственно,⁹³ что, по нашему мнению, является одним из маркеров влияния японцев на внешнюю торговлю и внешние связи Кореи.

17 ноября 1905 г. под давлением представителя Японии Ито Хиробуми, пять корейских министров (премьер-министр Хан Гюсоль отказался подписать договор) и японский посланник Хаяси Гонсукэ подписали договор о протекторате, по которому Японии передавался контроль над корейской внешней, и частично внутренней, политикой, управлять которой должен был японский генерал-резидент.⁹⁴ Хотя император Кореи Коджон (1852-1919) отказался лично подписать договор, его печать, так или иначе, была приложена к тексту договора. Не менее важно и то, что мировое сообщество фактически молчаливо признало оформление протектората.⁹⁵ Среди

---

⁸⁹ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 38-39.

⁹⁰ Ibid. P. 44-45.

⁹¹ Суви́ров Н.И. Корея. Страна и её история последнего времени. СПб, 1904. С. 98-100.

⁹² Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 436.

⁹³ Суви́ров Н.И. Корея. Страна и её история последнего времени. СПб, 1904. С. 106-107.

⁹⁴ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 55-56.

⁹⁵ Duus Peter. The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910. Berkeley, 1998. P. 188-195.

иностранцев были как сторонники,⁹⁶ так и противники⁹⁷ японского контроля над Кореей. Однако, хотя Корея фактически стала японской колонией, Японии потребовалось ещё пять лет, чтобы полностью взять контроль над территорией полуострова.

Период протектората (1905-1910). Участие в модернизации различных сфер жизни Кореи, в первую очередь в городах, не была исключительно прерогативой японцев. Например, в концессиях на обустройство железных дорог, электрификации, строительство водопровода и канализации участвовали также американцы и англичане.⁹⁸ Но на протяжении 1905-1910 гг. Япония планомерно выдавливала иностранный капитал и влиятельных иностранных резидентов из Кореи, пользуясь для этого формально независимым корейским правительством.

Ярким примером может послужить история владельца крупной корейской газеты «Тэхан мэиль синбо» («Ежедневная корейская газета») Эрнеста Т. Бетелла (1872-1909), который был подданным Великобритании и, пользуясь правом экстерриториальности мог писать более свободно, чем корейцы. После аннексии «Тэхан мэиль синбо» была куплена японцами и закрыта на несколько дней, после чего новоявленная газета «Мэиль синбо» («Ежедневная газета») стала официальным печатным органом генерал-губернаторства на корейском языке.⁹⁹

Сформированное в 1905 г. японское генерал-резидентство (統監府; яп. *то:канфу*, кор. *тхонъгамбу*)¹⁰⁰ постепенно прибирало к своим рукам всё больше и больше функций, исполняемых ранее корейскими чиновниками. Разумеется, при этом он всё больше разрастался - если в декабре 1905 г. центральный аппарат генерал-резидентства насчитывал не более 40 человек,

⁹⁶ Maxey Edwin. Korea - An Example of National Suicide // The Forum. October-December, 1907. P. 281-290.

⁹⁷ McKenzie F.A. The colonial policy of Japan in Korea. London, 1906. 26 p.

⁹⁸ Сувиоров Н.И. Корея. Страна и её история последнего времени. СПб, 1904. С. 104.

⁹⁹ The Japanese Colonial Empire: 1895-1945. Princeton, 1984. P. 315.

¹⁰⁰ Список японских генерал-резидентов Кореи см. в Приложении 2.

то к середине 1906 г. помимо канцелярии генерал-резидента (統監; яп. *то:кан*, кор. *тхонъгам*) были созданы три департамента: департамент общих дел, департамент земледелия, торговли и промышленности, и департамент полиции. Каждый департамент состоял из 4-8 отделов по различным сферам деятельности: контроль над добычей ресурсов, охрана правопорядка, строительство инфраструктуры, иностранные дела.¹⁰¹ Кроме того, указ императора Японии о полномочиях генерал-резидента нарушал договор 1905 г. и предоставлял первому генерал-резиденту – Ито Хиробуми (1841-1909) полномочия давать указания корейским чиновникам напрямую, минуя их непосредственное начальство.¹⁰²

Попытка императора Коджона привлечь внимание держав и добиться отмены Договора о протекторате в 1907 г. посредством отправки трёх посланников на Гаагскую конференцию о мире закончилась ничем.¹⁰³ Однако неудача вынудила Коджона отречься от престола в пользу своего сына Сунджона (1874-1926). А через несколько дней после воцарения нового императора Кореи, 24 июля 1907 г. Ито Хиробуми вынудил корейское правительство заключить дополнительный договор о сотрудничестве, по которому вся судебная и полицейская власть на территории Кореи переходила в руки генерал-резидента. Кроме того, на ряд ключевых должностей, в т.ч. губернаторы провинций, начальники полиции и заместители министров должны быть назначены японские подданные. Кроме того, договор предполагал роспуск и без того небольшой корейской армии.¹⁰⁴

В таких условиях Япония получила полный контроль над полуостровом, и независимость Кореи стала лишь фикцией. Естественно, что многие

¹⁰¹ Ильсидонъингва чхабёльчхольпхейй сонджон (Пропаганда равноправия и уничтожения дискриминации) // Хангук тонънип ундонъый ёкса (История корейского движения за независимость). URL: <https://search.i815.or.kr/Degae/DegaeView.jsp?nid=148> (3.04.2014).

¹⁰² Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корею накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. С. 37-38.

¹⁰³ История Кореи (новое прочтение). М., 2003. С. 271.

¹⁰⁴ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 58-59.

корейцы были настроены против такого положения дел. Отряды антияпонского сопротивления – *ыйбён* (義兵; кор. «Армия справедливости») – вели активную борьбу с японцами ещё с 1904 г., но именно роспуск корейской армии дал импульс к активизации партизанской деятельности, достигшей пика в 1907-1909 гг., поскольку немало солдат и офицеров с оружием примкнули к *ыйбён*. По свидетельству канадского журналиста Фредерика Маккензи (1869-1931), командные должности в *ыйбён* занимало множество бывших офицеров корейской армии.¹⁰⁵ Однако в открытом бою отряды *ыйбён* не смогли долго противостоять японской армии, поэтому их мишенями со временем стали прояпонски настроенные *янбаны*¹⁰⁶ и богачи, отказывавшиеся поддерживать борьбу за независимость. Те, в свою очередь, формировали «отряды самообороны» (自衛團; кор. *чавидан*), которые финансировались уже упомянутым прояпонским обществом *Ильджинхве*.¹⁰⁷ После аннексии в 1910 г. бойцам «отрядов самообороны» и членам их семей колониальные власти выплатили премии за участие в «борьбе с восстаниями 1907-1908 гг.». ¹⁰⁸

Как мы видим, колонизация Кореи вызвала сильный раскол внутри корейского общества. История корейского национально-освободительного движения достаточно хорошо освещена в отечественной историографии, поэтому мы не будем концентрироваться на ней в данной работе.

Одновременно с упрочением своего положения и борьбой с *ыйбён*, генерал-резидентство содействовало упрочению в Корее позиций созданной в 1908 г. Восточной колонизационной компании (東洋拓殖株式會社; яп. *То:ё:такусёку кабусики кайся*, кор. *Тонъянчхоксик чусик хвеса*). Компании в пользование передавались земли возле железных дорог, почтовых станций,

¹⁰⁵ McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. New York, Dutton, 1908. P. 197-208.

¹⁰⁶ Привилегированное сословие в Корее, которое противопоставлялось «подлому сословию» (*чхонмин*) и лично зависимым крестьянам (*ноби*).

¹⁰⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 48.

¹⁰⁸ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. С. 157.

пустующие государственные земли. К 1910 г. Восточной колонизационной компании принадлежало около 30 тыс. *чонбо* (1 *чонбо* равен 0,9917 га) земли.¹⁰⁹ К тому же моменту, ещё около 52 тыс. *чонбо* в Корее принадлежало японцам-землевладельцам.¹¹⁰

Очень большое влияние в Корее было у японского «Первого банка» (第一銀行; яп. *Дайити гинко:*), который фактически стал государственным банком Кореи, облигации которого были одним из главных средств платежа между Японией и корейскими бизнесменами и государственными органами.¹¹¹ В 1910 г. японское генерал-губернаторство учредило для этих целей новый «Банк Кореи» (朝鮮銀行; яп. *Тё:сэн гинко:*; кор. *Чосон ынхэнь*).

На протяжении 1905-1910 гг. Япония рассматривала корейцев скорее как объект администрирования, нежели как будущих подданных. Во многом такой подход сохранился в 1910-е гг., что послужило одной из причин Первомартовского восстания 1919 г. Участие корейцев в созданной японцами системе управления Кореей было минимальным. Алексис Дадден в своей книге приводит данные, опубликованные в японской газете «Хорицу Синбун» 5 августа 1909 г., в которых производится количественное сравнение между японцами и корейцами, работающими в судебной системе. Вот результаты: 116 японских судей, против 66 корейских; 46 японских прокуроров и 12 корейских. Некоторый баланс есть только в среди секретарей судов: 153 японца и 141 кореец. Также, по понятным причинам, среди штатных переводчиков преобладали корейцы.¹¹²

В тот же период происходило активное «выдавливание» корейцев с руководящих должностей во всех сферах управления. Но особенно заметно это было в полиции, где к 1909 г. все руководящие должности были заняты

¹⁰⁹ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 442.

¹¹⁰ Макаручук О.И. Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 153–158

¹¹¹ Duus Peter. The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910. Berkeley and Los Angeles, 1998. P. 162-164.

¹¹² Dudden Alexis. Japan's Colonization of Korea: Discourse and Power. Honolulu, 2006. P. 115.

японцами, а среди сержантов и патрульных корейцы составляли лишь 30%.¹¹³ Кроме того, не стоит забывать, что корейцы в качестве вспомогательного персонала активно участвовали в работе японской жандармерии (憲兵隊; яп. *кэмпэйти*) – в 1908 г. в составе *кэмпэйти* числилось около 2-2,5 тыс. японцев и 4,2 тыс. корейцев.¹¹⁴

Подавление движения *ыйбён* к 1909 г., подчинение экономической жизни Кореи японскими компаниям и землевладельцам, благоприятная внешнеполитическая обстановка, а также убийство корейским националистом Ан Чунгыном (1879-1910) бывшего генерал-резидента Ито Хиробуми 26 октября 1909 г. стали для Японии сигналами, что настало время для проведения аннексии.

В декабре 1909 г. прояпонской организацией Ильджинхве была направлена петиция к японскому императору и японскому генерал-резиденту Кореи с просьбой об аннексии.¹¹⁵ И хотя генерал-резидент Сонэ Арасукэ (1849-1910) на словах раскритиковал петицию, сменивший его в мае 1910 г. Тэраути Масатакэ (1852-1919) взял курс на аннексию.

24 июля 1910 г. Тэраути и корейский премьер-министр Ли Ванён (1858-1926) подписали меморандум о передаче всех полицейских дел в Корею японскому правительству, что дало японцам полную свободу действий на территории полуострова.¹¹⁶ Из Японии были дополнительно переброшены 2 тысячи жандармов, в отношении корейских патриотов были применены превентивные репрессии, а множество корейских газет, в соответствии с колониальным законодательством, были закрыты, для предотвращения распространения антияпонских настроений.¹¹⁷ В таких условиях оставалось

¹¹³ Matsuda Toshihiko. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904-1919. Kyoto, 2011. P. 8-9.

¹¹⁴ Ibid. P. 8-9.

¹¹⁵ Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952. С. 152.

¹¹⁶ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 61.

¹¹⁷ Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корею накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. С. 70-71.

лишь подписать окончательный договор, который бы оформил полную потерю Кореей её суверенитета.

С середины августа, в корейском правительстве начали проводиться совещания, где обсуждалось требование Тэраути по подписанию договора об аннексии. Наконец, 22 августа 1910 г., Ли Ванён, получив от императора Сунджона общую доверенность, подписал с генерал-резидентом Тэраути «Договор об аннексии», который вступил в силу 29 августа. Согласно ему, император Кореи передавал все свои полномочия по управлению Кореей императору Японии. Для управления Кореей на базе генерал-резидентства создавалось генерал-губернаторство Кореи (朝鮮總督府; яп. *Тё:сэн со:токуфу*, кор. *Чосон чхоньдокбу*), а на пост первого генерал-губернатора (總督; яп. *со:току*, кор. *чхоньдок*) был назначен Тэраути Масатакэ.¹¹⁸ Генерал-губернатор был подотчётен только императору.¹¹⁹ Вторым человеком в Корее был заместитель генерал-губернатора - генеральный инспектор Кореи (政務總監; яп. *сэйму со:кан*, кор. *чоньму чхоньгам*), на плечи которого как правило возлагалась повседневная административная работа.¹²⁰ Таким образом, уже потерянная на тот момент экономическая и политическая независимость Кореи была окончательно оформлена юридически.

«Сабельный режим» (1910-1919). Объясняя причины аннексии, Япония использовала стандартные формулировки: «укреплении порядка на территориях» и «поддержка экономического развития». В качестве образца приведения подобных аргументов можно привести статью профессора Чикагского университета Иэнаги Тоёкити (1862-1936) «Японская аннексия Кореи», где автор в числе основных заслуг Японии за период 1905-1911 гг. перечисляет укрепление судебной и полицейской системы, развитие

¹¹⁸ Списки генерал-губернаторов Кореи и их заместителей (генерал-инспекторов) см. в Приложениях 3 и 4.

¹¹⁹ Quigley Harold S. Japanese government and politics. New York, London, 1932. P. 312.

¹²⁰ Ibid. P. 315; См. Приложение 4.

транспортной сети, улучшение образования и активизация экономического развития Кореи и т.п.¹²¹ Вплоть до 1919 г. эти формулировки не менялись, однако насколько достоверно они отображали реальную ситуацию?

После оформления аннексии Японию больше ничего не сдерживало в проведении той политики, которую она считала нужной. Деятельность генерал-губернатора Тэраути Масатакэ проходила в русле колонизаторской политики, за методы проведения уже в те годы прозванной «сабельной» (武斷政治; кор. *мудан чонъчхи*, яп. *будан сэйдзи*). По мнению профессора Сеульского государственного университета Квон Тхэока, годы «сабельного режима» являются одним из наименее изучаемых и изученных периодов колониальных лет, в то время как именно в те годы была не только сформирована структура колониального управления, но и были заданы векторы дальнейшего экономического развития Кореи.¹²²

Сразу после удачно проведённой аннексии прояпонские организации, самой крупной из которых была *Ильджинхва*, были распущены, а их членам выплатили денежные вознаграждения.¹²³ Вполне вероятно, что причиной тому были не только бесполезность организаций, уже выполнивших свою задачу – помощь аннексии Кореи, но и опасения генерал-губернаторства в том, что эти организации будут отстаивать свои права (и права других корейцев) перед колониальными властями.

Следующей важной мерой, предпринятой генерал-губернаторством, было создание земельного кадастра, начавшееся с принятия закона «О земельном обследовании» (土地調査令; кор. *тходжи чосарён*; яп. *тоти тэ:сарэй*) в сентябре 1910 г.¹²⁴ В ходе «земельного обследования»

¹²¹ Iyenaga Toyokichi. Japan's annexation of Korea // Journal of Race Development. Worcester, 1912. Vol.3, № 2. P. 201-223.

¹²² Хангук кындэсахвева мунхва 2: 1910 нёндэ синмин тхончхи чончхэкква хангугсахвёый пёнхва (Корейское общество и культура нового времени. Том 2: Колониальное правление 1910-х гг. и перемены в обществе). Сеул, 2005. С. 5-6.

¹²³ Кан Мангиль, Ким Намсик, Ким Ёньха и др. Хангукса 26. Ёнпхё 2. (История Кореи. Том 26. Хронология 2). Сеул, 1995. С. 154.

¹²⁴ Там же. С. 155.

(土地調査事業; кор. *тходжи чоса*, яп. *томи тё:са*), завершившегося в 1918 г., земли, владение которыми могли подтвердить документально, оставались в частной собственности владельцев, а остальное объявлялось собственностью генерал-губернаторства.¹²⁵ 97% корейских крестьян, руководствуясь обычным правом и уверенностью, что земли, которые они обрабатывали в течение поколений, останутся за ними, не смогли и не хотели (в том числе по причине неграмотности) оформить документы на владение землёй. В результате их земли либо перешли в формальное владение тех 3%, которые смогли и успели оформить свою собственность и свои претензии на соседские территории, либо были конфискованы генерал-губернаторством, которое передало управление этими землями японским предпринимателям и компаниям, в т.ч. уже упомянутой Восточной колонизационной компании.¹²⁶

Схожие меры предпринимались и в отношении лесных массивов, для которых также составлялся кадастр в соответствии с «Указом о лесных запасах» (森林令; кор. *самнимнён*, яп. *синринрэй*) 1911 г., а также в отношении рыбных и горных ресурсов. Всего же, по данным М.Н. Пака, по результатам земельного обследования под контроль колониальных властей перешло почти 30% земель Кореи (8,8 млн. *чонбо*, т.е. около 8,7 млн. га). Разумеется, многие крестьяне не могли смириться с подобной политикой, вследствие чего в первые годы «земельного обследования» генерал-губернаторство зафиксировало почти 20 тыс. «инцидентов».¹²⁷ Однако крестьянские бунты не шли ни в какое сравнение с сопротивлением 1907-1909 гг. и быстро подавлялись японскими войсками и жандармерией.

Земельная реформа привела к массовому обезземеливанию крестьян, многие из которых превратилась в бесправных арендаторов (сроки аренды земли стали ограничиваться 1-3 годами), а остальные в поисках лучшей жизни шли в города, эмигрировали в другие регионы (в основном в Японию,

---

¹²⁵ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 763.

¹²⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 76-77.

¹²⁷ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 764.

Северо-Восточный Китай и Россию) или уходили в горы, где занимались подсечно-огневым земледелием. Последняя категория крестьян, которых называли *хваджонмины* (от кор. «*хваджон*» - «огненное поле») представляли собой беднейшую часть корейского крестьянства. Вообще, после аннексии Кореи заметно выросло количество корейских эмигрантов в России. Также в Россию было частично перенесено ведение корейцами антияпонской борьбы, ввиду географической близости. При этом в 1910-1912 г., вероятно в результате интриг японских агентов, российские власти неоднократно арестовывали и высылали за пределы Приморья (например, в Маньчжурию или в Иркутскую губернию) корейских активистов антияпонской борьбы, однако не было отмечено ни одного случая их выдачи японским властям.¹²⁸

Корейцы, которые предпочли остаться на родине и переселиться в города в большинстве своём становились мелкими ремесленниками, торговцами или рабочими-пролетариями. Активная миграция крестьян привела к резкому увеличению населения городов – как уже существующих (Сеул, Пусан, Пхеньян, Кэсон), так и совсем недавно бывших небольшими поселениями (Тэджон), но получившие импульс развития именно в колониальных условиях как транспортные или промышленные центры.

Для осуществления полного контроля над экономикой в декабре 1910 г. Тэраути Масатакэ издал закон «Об акционерных обществах» (會社令; кор. *хвесарён*, яп. *кайсярэй*), который обязывал учредителей акционерных обществ санкционировать открытие у генерал-губернаторства.¹²⁹ Главным результатом издания этого указа было поглощение подавляющего большинства корейских компаний японскими монополиями, вроде «Мицуи» или «Мицубиси». В руках корейских предпринимателей осталась лишь часть лёгкой промышленности: мукомольной, кожевенной, гончарной, текстильной,

¹²⁸ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 164-175; Пак Б.Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи, 1905-1919. М., 2009. С. 161-173.

¹²⁹ Кан Мангиль, Ким Намсик, Ким Ёньха и др. Хангукса 26. Ёнпхё 2. (История Кореи. Том 26. Хронология 2). Сеул, 1995. С. 157.

а также переработка сельскохозяйственных и морепродуктов.¹³⁰ Также японцами была монополизирована деятельность банков, горнодобывающая и транспортная отрасли. Стоит отметить, что развитию транспортной отрасли японские власти уделяли особое внимание, начиная с 1904 г., в первую очередь из-за её неоспоримой стратегической важности для переброски войск и ресурсов.

Но было бы неверно упрощать политику Японии до простого экономического ограбления Кореи. Как бы то ни было, колониальные власти очень активно действовали в области модернизации здравоохранения. Мероприятия по пропаганде общественной гигиены, направленные на предотвращение эпидемий, сыграли большую роль в росте средней продолжительности жизни корейцев. Проводились они зачастую с помощью полиции, которая под предлогом «санитарного контроля» могла свободно заходить в дома, проверять там «санитарные условия» и, в случае необходимости, взимать штрафы.¹³¹

Проведение всех вышеупомянутых реформ вполне соответствовало словам японского учёного Умэ Кэндзио (1860-1910), который в 1906-1910 составлял законы для Кореи, находясь при генерал-резидентстве, и считал, что такой «нецивилизованной» страной как Корея следует управлять «особыми», цивилизаторскими методами, без оглядки на существующие в Корее традиции и обычаи.¹³² Пожалуй, эта фраза является выражением всей политики, проводимой японскими властями в 1910-1919 гг. – корейцы рассматривались как «объекты» модернизационной (近代化政策; кор. *кындэхва чоньчхэк*, яп. *киндайка сэйсаку*) и просветительской (文明化; кор. *мунмёнхва чоньчхэк*, яп. *бунмэйка сэйсаку*) политики Японии, не имея прав добиться каких-либо изменений курса генерал-губернаторства. При этом

¹³⁰ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 465.

¹³¹ Park Yunjae. Sanitizing Korea: Anti-Cholera Activities of the Police in Early Colonial Korea // Seoul Journal of Korean Studies. 2010. Vol.23 No.2. P. 151-171.

¹³² Lee Young-ho. Colonial Modernity and the Investigation of Land Customs: a Comparison of Japan, Taiwan, and Korea // Korea Journal. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 149-173.

стоит отметить, что декларируемая генерал-губернаторством «просветительская» политика предусматривала, помимо прочего, ассимиляцию корейцев. Однако, методы этой ассимиляции, вкупе с большими проблемами в системе образования, привели к провалу японизации корейцев на этом историческом этапе.¹³³

Что касается системы образования, насколько мы можем судить даже по официальным отчётам, для генерал-губернаторства в 1910-1919 гг. она, мягко говоря, не входила в список приоритетных областей для развития.¹³⁴ Вытесняя и ограничивая частные и сельские школы, из опасений «антияпонского» обучения, колониальные власти не вкладывали сколько-нибудь значительных средств в сферу образования.¹³⁵ Куда больше Японию привлекали корейские ресурсы. В конце 1910-х гг. основу ВВП Кореи составлял первичный сектор производства – сельское и лесное хозяйство, рыболовство.¹³⁶ Именно на добыче и вывозе ресурсов формировался капитал корейских предпринимателей, многие из которых занимались этим ещё с конца XIX в. Хотя о корейских предпринимателях в те годы сложилось нелицеприятное впечатление, не стоит считать их марионетками колониальных властей. Несмотря на ограничения, накладываемые законом «Об акционерных обществах», из имеющихся материалов мы можем судить, что в формируемых корейско-японских торговых палатах корейские капиталисты умели отстаивать своё мнение и свои интересы.¹³⁷

Основная масса корейцев ничего не получили от новых властей, но многое потеряли. Естественно, что это вызвало у них огромное недовольство

¹³³ Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджей Чосон тонхваронгва тонхва чончхэк (Ассимиляционная политика и дискурс в колониальной Корее в 1910-е гг.) // Хангук мунхва. 2008. № 44. С. 99-125.

¹³⁴ Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11). Keijo (Seoul), 1911. P. 222-230.

¹³⁵ Хангук кындэсахвева мунхва 2: 1910 нёндэ синмин тхончи чончхэкква хангугсахвёый пёнхва (Корейское общество и культура нового времени. Том 2: Колониальное правление 1910-х гг. и перемены в обществе). Сеул, 2005. С. 204-214.

¹³⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 80.

¹³⁷ Хангук кындэсахвева мунхва 2: 1910 нёндэ синмин тхончи чончхэкква хангугсахвёый пёнхва (Корейское общество и культура нового времени. Том 2: Колониальное правление 1910-х гг. и перемены в обществе). Сеул, 2005. С. 238-245.

и ярость. Именно поэтому одной из основных статей расходов колониальных властей было содержание полиции, которая с 1912 г. могла без решения суда прибегать к превентивному аресту. Кроме того, сохранилась и активно применялась практика телесных наказаний (преимущественно битья палкой), что генерал-губернаторство издевательски объясняло «сохранением традиционной корейской системы наказаний».¹³⁸ В 1916-1918 гг. телесное наказание присуждалось в 50-70% всех судебных приговоров.¹³⁹ Все возможные меры наказания применялись также в отношении тех, кто каким-либо образом участвовал в организациях, «подрывающих общественный порядок». В эту категорию мог попасть любой кореец, попытавшийся открыто высказать, то, что он думает о политике генерал-губернаторства.

Такие условия логично дополняла система жёсткой цензуры, причём для корейской печати она была куда жёстче, чем для японской.¹⁴⁰ Хрестоматийным примером сверхвнимательности цензуры служит случай запрета публикации перевода произведения Р. Киплинга, поскольку там упоминался слон, который отказывался служить второму хозяину. Цензор усмотрел в этом призыв к корейцам не подчиняться *их* второму хозяину – японскому императору.¹⁴¹ При этом для информации, всячески прославляющей колониальный режим, никаких препон не существовало. Само генерал-губернаторство активно рекламировало успехи в колонизации, модернизации и просвещении Кореи, в том числе посредством издания газеты «The Seoul Press», которая была предназначена в первую очередь для иностранцев, проживающих в Корее.¹⁴² Более подробно об отражении

---

¹³⁸ Виноградова А.С. Указ генерал-губернаторства Чосон №23 от 19 марта 1912 г. «О правилах применения телесных наказаний в Корее» // Вестник центра корейского языка и культуры. 2011. Вып. 13. С. 159-166.

¹³⁹ Colonial Modernity in Korea. Cambridge, MA and London, 1999. P. 32-33.

¹⁴⁰ Caprio Mark E. Marketing Assimilation: The Press and the Formation of the Japanese-Korean Colonial Relationship // Journal of Korean Studies. 2011. Vol. 16. No. 1. P. 1-25.

¹⁴¹ McKenzie F.A. Korea's fight for freedom. New York, Chicago, London, Edinburgh, 1920. P. 193-194.

¹⁴² Ли Сугён, Пак Инсик. «Сэуру пурэсу» (The Seoul Press) то Тёсэн сёкуминтито:ти сэйсаку но итико:сацу (Исследование газеты «The Seoul Press» и колониальной

колониального периода в англоязычной литературе, издаваемой японскими властями, мы поговорим в третьем параграфе первой главы.

Основными задачами колониальных властей в 1910-1919 гг. было, по заявлению Тэраути Масатакэ, «поддержание порядка в Корее» и «освоение её естественных богатств».¹⁴³ Проводимая им политика вполне соответствовала этим словам. Однако неуклюжие «цивилизаторские» начинания в отношении корейцев,¹⁴⁴ полное пренебрежение человеческими правами и всяческое попрание человеческого достоинства корейцев, проведение колонизаторской политики без всякого учёта мнения большинства корейцев были главными причинами, вызвавшими Первоапрельское восстание 1919 г., о котором уже написано множество работ.

Годы политики «культурного управления»: перемены в Корее. (1919-1937). Сила Первоапрельского восстания и скорость его распространения по всей Корее показали Японии, что управлять прежними методами уже не удастся. Для выправления положения новым генерал-губернатором был назначен отставной адмирал Сайто Макото, который начал проводить т.н. «политику культурного управления» (文化政治; кор. *мунхва чонъчхи*, яп. *бунка сэйдзи*). Впрочем, сами корейцы называли её политикой «бархатной кошачьей лапы».¹⁴⁵ Официально было провозглашено «уважение к корейским обычаям» и разрешено самоуправление на местном уровне.¹⁴⁶ Однако при внешнем смягчении японской политики, на деле был взят курс на общее усиление контроля над колонией.

администрации в Корее) // Bulletin of Tokyo Gakugei University. Humanities and social sciences. I. 2008. № 59. С. 121-130.

¹⁴³ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 762.

¹⁴⁴ Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджеый мунмёнъхва тхонъчхива хангугиндырый инсик: 3.1 ундонъый коджоксонъ вонин кюмёнъгыль вихан ханаый сирон (Японская «цивилизаторская» политика 1910-х гг. и её восприятие корейцами: мнение о причине всенародного распространения Первоапрельского движения) // Хангук мунхва. 2013. № 61. С. 327-360.

¹⁴⁵ Кузнецов С.И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945). Иркутск, 1996. С. 64.

¹⁴⁶ Administrative reforms in Korea. Seoul, 1919. P. 15.

Хотя ненавистная большинству корейцев жандармерия – *кэмпэйтэй* – была упразднена, но, по сути, большая часть жандармерии лишь сменила форму и влилась в состав полиции.¹⁴⁷ Для осуществления гласного и негласного контроля над обществом был создан единый Департамент полиции.¹⁴⁸ Большую роль сыграли смягчение цензуры и частичная свобода собраний, но власти очень внимательно наблюдали за любым проявлением «опасных мыслей». Для того чтобы задобрить корейских предпринимателей был отменён «Об акционерных обществах», и корейцам отныне было намного проще вести свой бизнес. Но даже к концу 1920-х гг. общий объём капиталовложений корейских АО были в 6-8 раз меньше японских.¹⁴⁹

Если колониальные власти и признавали необходимость уравнивания в правах корейцев и японцев, это делалось с оговорками о необходимости проведения «дополнительной работы» по «гармонизации» отношений между корейцами и японцами.¹⁵⁰ Одним из важнейших шагов к «гармонизации» было провозглашение равного доступа к образованию и возможности совместного обучения для корейцев и японцев.¹⁵¹ Однако вплоть до 1945 г. охват корейских детей даже начальным образованием оставался невелик.¹⁵² Совместное же обучение зачастую приводило к конфликтам между корейскими и японскими учащимися.

Насколько мы можем судить, под «гармонизацией» колониальные власти предполагали молчаливое согласие корейского населения с политикой генерал-губернаторства. Разрешение создания корейских общественных организаций компенсировалось тем, что создавались не только организации

---

¹⁴⁷ Brudnoy David. Japan's Experiment in Korea // Monumenta Nipponica. 1970. Vol. 25, No. 1/2. P. 155-195.

¹⁴⁸ Matsuda Toshihiko. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904-1919. Kyoto, 2011. p. 161.

¹⁴⁹ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 780.

¹⁵⁰ The New Administration in Chosen. Seoul, 1921. P. 8-12.

¹⁵¹ Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. P. 86-87.

¹⁵² Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // Asia Pacific Education Review. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 75-89.

корейского националистического толка, вроде «Союза самовоспитания», который в советских дипломатических документах прямо назван японофильским и поощряющим доносительство,¹⁵³ но и десятки открыто прояпонских организаций с не меньшим количеством членов.¹⁵⁴

Заметную роль в формировании нового образа Кореи стал играть зарождающийся рабочий класс, представители которого совместно с корейской интеллигенцией создавали профсоюзы и коммунистические организации, что было характерно в основном для 1920-х – начале 1930-х гг. Однако по мнению Пак Сунвона, специалиста в области изучения колониальной индустриализации, быстрый рост численности рабочих не сопровождался столь же быстрым ростом рабочего движения.¹⁵⁵ Пак Сунвон связывает это с репрессивной политикой колониальных властей в отношении профсоюзов и коммунистических организаций.¹⁵⁶ Представители отечественной историографии придерживаются аналогичного мнения.¹⁵⁷

За период 1912-1929 гг. количество только фабрично-заводских рабочих возросло с 49 тыс. до 99 тыс. человек. По данным «Компании корейских железных дорог», общее число наёмных рабочих в Корее насчитывало более 1 млн. человек. По этим же данным, число безработных в Корее колебалось в районе 100 тыс. человек. Для того чтобы сгладить негативные последствия, а также для повышения управляемости при содействии и под контролем японской администрации было создано несколько рабочих организаций, например, «Корейское общество рабочей взаимопомощи» в Сеуле, которое в течение года создало свои отделения в Пхеньяне, Тэгу, Инчхоне и Кванджу.¹⁵⁸

¹⁵³ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16. «Политическое состояние Кореи (пер. с корейского языка), 1924 г.». Л. 40.

¹⁵⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵⁵ Colonial Modernity in Korea. Cambridge, MA and London, 1999. P. 153-154.

¹⁵⁶ Park Soon Won. Colonial Industrialization and Labor in Korea: The Onoda Cement Factory. Harvard University Asia Center, 1999. P. 34-35.

¹⁵⁷ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 799-800.

¹⁵⁸ Там же. С. 783.

Вообще, коммунизм и рабочее движение, с точки зрения японской колониальной администрации были в 1920-1930-е гг. угрозой номер один. Под предлогом пресечения «антиобщественной» и «коммунистической» деятельности могли закрыть любое общество и любую газету за малейшую провинность. Даже лояльная Японии корейская газета «Тонъя ильбо» чуть не была закрыта из-за проведения просветительской кампании «*пы народы*» (브나로드運動; корейская калька с русского «в народ»), суть которой заключалась в ликвидации безграмотности корейских масс. Колониальные власти посчитали выражение «ликвидация безграмотности» (ср. с «ликбез») и оформление плакатов в красных тонах коммунистической пропагандой и движение пришлось свернуть.¹⁵⁹

Дав корейцам возможность активно участвовать в развитии экономики полуострова, Япония продолжала контролировать все важнейшие отрасли промышленности и сельского хозяйства.¹⁶⁰ Один из наиболее распространённых тезисов о «колониальном ограблении Японии Кореей» относится к проблеме экспорта корейского риса в Японию. Действительно, при том, что урожай риса в Корее за период с 1919 по 1932 гг. вырос с 2,2 млн. *сок* (также *сом*, корейская традиционная мера объёма, аналогичная японскому *коку*; 1 *сок* = 180,39 л.) до 8,4 млн. *сок*, экспорт в Японию рос ещё быстрее: 2,2 млн. *сок* в 1919 г., 4,6 млн. *сок* в 1924 г. и 8,4 млн. *сок* в 1932 г. Учитывая рост численности населения Кореи, неудивительно, что потребление риса в год на душу населения постоянно падало: 0,68 *сок* в 1919 г, 0,6 *сок* в 1924 г. и 0,52 *сок* в 1932 г. Напомним, что традиционно *сок* определялся как количество риса, потребляемое одним взрослым человеком за год. В Японии, в основном за счёт импорта из Кореи, это правило

---

¹⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 36-119. «Обзор прессы за период с 1 января по 1 апреля 1928 г.».

¹⁶⁰ Chang Yunshik. Colonization as Planned Changed: The Korean Case // Modern Asian Studies. 1971. Vol. 5, No. 2. P. 161-186.

соблюдалось, и аналогичные показатели там были следующие: 1,1 *сок* в 1919 г., 1,12 *сок* в 1924 г. и 1,3 *сок* в 1932 г.¹⁶¹

Значительная часть корейских предпринимателей и магнатов сколотила своё состояние именно на вывозе риса в Японию. Большинство представителей крупного корейского бизнеса, так или иначе, участвовали либо в экспорте риса, либо в экспорте природных и горных ресурсов.¹⁶² И именно экспорт ресурсов и обеспечение его бесперебойных поставок были приоритетами развития Кореи, которые определило генерал-губернаторство. Справедливости ради, стоит сказать, что аналогичным путём развивалась и другая японская колония – Тайвань.¹⁶³ Однако после вторжения в Маньчжурию в 1931 г. для Кореи была определена роль базы для продвижения на континенте. Поэтому активная индустриализация Кореи началась только в 1931-1932 гг. Индустриализация Кореи подпитывалась приезжавшими из деревни крестьянами. Однако, до половины (!) из них оставались безработными или перебивались случайными заработками.¹⁶⁴ Причин тому было две: нехватка квалификации и несоответствие скорости миграции из деревни в город скорости строительства новых предприятий. Как следствие, в эти годы произошёл очередной всплеск миграции корейцев в Японию. Так как новые рабочие руки были постоянно, и корейские, и японские владельцы предприятий одинаково эксплуатировали своих работников, при этом, не давая им каких-либо прав на социальную защиту и выплачивая заработную плату в 1,5-2 раза меньше, чем японцам.

В качестве довольно любопытного факта можно упомянуть то, что в 1920-1930-е гг. в Корее активно культивировался опиный мак, и Корея была одним из крупнейших мировых поставщиков опиума. Контроль над

¹⁶¹ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 781.

¹⁶² Yi Seung-ryul. The Formation of Bourgeois Nationalism during Japanese Colonial Rule and Korean Capitalists // The Review of Korean Studies. 2005. Vol.8 No.2. P. 45-63.

¹⁶³ Ким Нанъён. Синминджиги Тэмангва Чосоный конъопхва пикё (Сравнение индустриализации Тайваня и Кореи в колониальный период) // Кёнъджесахакхе. 2000. № 29.1. С. 73-109.

¹⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 16. П. 156. Д. 72. «Доклад генконсула в Корее А. Иткина, 1932 г.». Л. 15.

выращиванием мака и производством опиума был отдан под контроль государственной монополии, что приносило Японии хороший доход. При этом нужно сказать, что с опиекурением в самой Корее власти боролись жёстко и тщательно.¹⁶⁵ Это неудивительно, ведь не в интересах Японии было одурманивание наркотиками корейцев, которые рассматривались как важный трудовой ресурс.

Помимо индустриализации и развития сельского хозяйства, колониальные власти в качестве своих достижений числили также успехи в области образования и здравоохранения.

Действительно достигнут ряд успехов в образовании, до 40% корейцев школьного возраста были охвачены *начальным* образованием,¹⁶⁶ был открыт первый императорский университет Кэйдзё (Сеул), увеличилось количество профессиональных училищ и вечерних школ. Также, генерал-губернаторство провело реформу корейской письменности – указом от 29 октября 1933 г. было одобрено использование в системе образования и печати стандартизированной корейской письменности *хангыль*. Однако учебные планы в школах по-прежнему отражали точку зрения колониальных властей, которую премьер-министр Японии Хара Такаси выразил словами о том, что создание «счастливой и развитой жизни для корейцев» должно происходить посредством создания из них «новых японцев».¹⁶⁷

С переходом к милитаризации и постепенном сворачивании политики «культурного управления», реформа системы образования также застопорилась, более того, было закрыто множество частных и вечерних школ.¹⁶⁸ Схожая ситуация наблюдалась и в сфере здравоохранения – при

¹⁶⁵ Jennings John M. The Forgotten Plague: Opium and Narcotics in Korea under Japanese Rule, 1910-1945 // Modern Asian Studies. 1995. Vol. 29, No. 4. P. 795-815; Jennings John M. The Opium Empire: Japanese Imperialism and Drug Trafficking in Asia, 1895-1945. Westport, 1997. 161 p.

¹⁶⁶ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 261-262; См. Приложение 11.

¹⁶⁷ Хангук кындэсахвева мунхва 3: 1920-1930 нёндэ Синминджиджок кындэва хангугиный тэынъ (Корейское общество и культура нового времени. Том 3: Колониальная модернизация 1920-1930-х гг. и реакция корейцев). Сеул, 2007. С. 24.

¹⁶⁸ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 382.

быстром росте абсолютного числа открытых больниц, охват ими населения был невысок. Даже по результатам исследования, проведённого генерал-губернаторством, в северной провинции Канкё (совр. Хамгён, КНДР) на одного врача приходилось от 1 до 17 тыс. человек, в зависимости от местности.¹⁶⁹ Среди корейцев заметно снизилась смертность, особенно детская, а также выросла средняя продолжительность жизни.¹⁷⁰ Но большинству же корейцев было не по карману обстоятельное лечение. Нельзя не признать, что противозидемические мероприятия генерал-губернаторства были относительно эффективны. Однако заболеваемость дизентерией, тифом и дифтерией в Корее к концу 1930-х гг. оставалась выше, чем в Японии в 3-5 раз.¹⁷¹

В городах в 1920-1930-е гг. произошли заметные визуальные перемены. Телеграфная и телефонная связь использовалась всё активнее, хотя и оставалась дорогим удовольствием для большинства корейцев.¹⁷² В эти же годы в Корее появились первые универмаги, самым известным из которых был филиал японской сети «Мицукоси» в Сеуле.¹⁷³ В наши дни в этом здании в центре южнокорейской столицы расположен торговый центр «Синсеге». Вплоть до наших дней в Корее сохранилось немало зданий, построенных в колониальные годы, хотя одно из самых известных – резиденция генерал-губернатора Кореи, в центре Сеула, было снесено в 1996 г.¹⁷⁴

Всё большую роль, в том числе и как средство пропаганды, в Корее играло радио, развитие которого шло параллельно с процессом

¹⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 20. П. 182. Д. 64. Л. 242-348. «Обзор прессы за 7.06.1937-7.01.1938». Л. 243.

¹⁷⁰ Kimura Mitsuhiro. Standards of Living in Colonial Korea: Did the Masses Become Worse Off or Better Off Under Japanese Rule? // The Journal of Economic History. 1993. Vol. 53, No. 3. P. 629-652

¹⁷¹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 259.

¹⁷² Кан Ёньсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. Ильдже сиги кындэджок ильсанъгва синминджи мунхва (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). Сеул, 2008. С. 57.

¹⁷³ Там же. С. 133.

¹⁷⁴ Чон Тхэхон. Ильджесидэ мунхваюсаньиль чхаджасо (Найдя культурное наследие колониального периода). Сеул, 2012. 292 с.

электрификации Кореи. Главной стала, открытая в 1927 г. Центральная радиостанция Кэйдзё, осуществлявшая вещание на корейском и японском языках.¹⁷⁵ Охват аудитории стремительно увеличивался – если в 1926 г. японская статистика сообщала о 1 829 радиослушателях, то в 1927 г. их было уже 5 122, а к 1942 г. их число достигло почти 280 тыс. человек.¹⁷⁶

Можно сказать, что годы, когда генерал-губернатором Кореи был Сайто Макото (1919-1927, 1929-1931) были периодом максимального уровня развития гражданских свобод в Корее, при сохранении ряда некоторых ограничений. Но важной оговоркой здесь будет – «лишь по сравнению с «сабельным режимом» Тэраути Масатакэ». Период правления следующего генерал-губернатора Угаки Кадзусигэ (1931-1936) ознаменовался постепенным свёртыванием гражданских свобод и возвращением предварительной цензуры печати, что ознаменовалось «Законом об охране безопасности» 1929 г. Именно Угаки начал активно поощрять ассимиляционные процессы,¹⁷⁷ что было связано, в первую очередь, со стремлением Японии создать себе надёжный плацдарм для действий на континенте. Окончательно курс на ассимиляцию корейцев и милитаризацию полуострова взял следующий генерал-губернатор Минами Дзиро.

Военные годы: мобилизация и индустриализация (1937-1945). По мере роста напряжённости между Японией и Китаем, и усиления, с японской помощью, Маньчжоу-Го, Корею всё больше отводилась роль не просто «плацдарма на континенте», а «второй Японии». После ряда военных операций в Северном Китае и начала в 1937 г. японо-китайской войны, Минами Дзиро, вступивший на пост генерал-губернатора Кореи в 1936 г., объявил в качестве приоритета курс на японизацию корейцев и создания из них «верных подданных императора». Политика эта проходила под лозунгом *Найсэн иттай* (內鮮一體, яп. «внутренние земли (Япония) и Корея - едины»),

¹⁷⁵ Seo Jaekil. Dual Broadcasting and Diglossia in the Japanese Colonial Period // Seoul Journal of Korean Studies. 2010. Vol.23, No.2. P. 173-194

¹⁷⁶ Colonial Modernity in Korea. Cambridge, MA and London, 1999. P. 60.

¹⁷⁷ Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration. Seoul, 1935. P. 79-93.

кор. *Нэсон ильчхе*). Принятый в 1938 г. в Японии «Закон о мобилизации» (國家總動員法; яп. *кокука со:до:инхо:*; кор. *кукка чхонъдонъвонбон*) передал под полный контроль государства промышленность, ценообразование и СМИ.

Корея отныне становилась не только источником природных ресурсов, продуктов сельского хозяйства и трудовых ресурсов, но также источником призывных и мобилизационных ресурсов и важным индустриальным центром. При этом вывоз ресурсов из Кореи не прекращался – в конце 1930-х гг. Корея обеспечивала следующие потребности промышленности Японии: 83% вольфрама, 77% олова, 100% кобальта, 100% графита и слюды, 97% молибдена, 50% золота и т.д.¹⁷⁸ Как мы видим, для Японии Корея играла крайне важную роль не только для военно-промышленного комплекса, но и для благосостояния всей империи. При этом зарплаты корейцев, в том числе и корейских рабочих, по-прежнему составляли 50-75% от зарплаты японцев на аналогичных должностях.¹⁷⁹ Кроме того, для корейских крестьян ситуация стала ещё тяжелее – порой им приходилось отдавать до 70% урожая, после чего жить впроголодь.¹⁸⁰ В военные годы ширилась средневековая практика отправки, а фактически продажи, детей для работы на фабриках, т.к. корейцам кормить большие семьи было всё тяжелее.¹⁸¹

Важной новой приметой времени стало проведение различных мобилизационных мероприятий: создание групп обороны (преимущественно из женщин), военная подготовка учащихся.¹⁸² Работе с учащимися уделяли особое внимание – помимо обязанности разговаривать в школе только на японском языке, корейские школьники были обязаны участвовать в синтоистских ритуалах, которые отныне стали частью «гражданского долга

¹⁷⁸ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 796.

¹⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 20. П. 182. Д. 64. Л. 242-348. «Обзор прессы за 7.06.1937-7.01.1938». Л. 452-454.

¹⁸⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 25. П. 244. Д. 75. «Политико-экономический обзор по Корее (сост. 15.01.1943, Сеул, Корея) А. Полянский». Л. 262.

¹⁸¹ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 319.

¹⁸² АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 20. П. 182. Д. 64. Л. 242-348. «Обзор прессы за 7.06.1937-7.01.1938». Л. 301-305.

подданных императора».¹⁸³ Заметным элементом политики японизации стала кампания по «смене имён» (創氏改名, яп. *со:си каймэй*, кор. *чханъсси кэмёнъ*), проводившаяся с 1939 г. и предполагавшая смену корейцами имён и фамилий на японские. Кроме того, на корейцев в возрасте от 18 до 35 лет, а также для учащихся средних школ была введена обязательная трудовая повинность.¹⁸⁴

После того, как в 1938 г. корейцам было разрешено добровольно поступать на службу в японскую армию, и особенно после начала войны на Тихом океане, когда было принято решение ввести в Корею с 1944 г. всеобщую воинскую повинность, колониальные власти поставили системе образования задачу подготовки будущих призывников.¹⁸⁵ Для этих целей в школах было резко увеличено количество часов для занятий по японскому языку, этике (где прививалась «верность императору») и физической подготовке с военно-прикладными элементами.¹⁸⁶ У этого решения имелась и небольшая положительная сторона. Так как задачей колониальной системы образования была скорейшая японизация Кореи, охват корейских детей начальным образованием несколько вырос, но по-прежнему едва доходил до 40%.

Для осуществления контроля над выполнением мобилизационных предприятий и предотвращения распространения «неблагонадёжных мыслей» среди населения, Япония в 1938 г. создала, по принципу фашистских организаций, «Союз по мобилизации национального духа» (國民精神總動員聯盟; яп. *кокумин сэйсин со:до:ин рэнмэй*), который в 1940 г. был переименован в «Союз по мобилизации всех сил нации» (國民總力聯盟;

¹⁸³ Хиура Сатоко. Тё:сэн дзингу: то гакко: кангакусай о тю:син ни (Синтоистские храмы и школы в колониальной Кореи: рассмотрение ритуала кангакусай) // Historical research of education: bulletin of the Society for Historical Research of Education. 2006. № 49. С. 110-122.

¹⁸⁴ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 21. П. 189. Д. 50. «Обзор прессы за март-июнь 1938 г.». Л. 159.

¹⁸⁵ Palmer Brandon. Imperial Japan's Preparations to Conscript Koreans as Soldiers, 1942–1945 // Korean Studies. 2007. Vol. 31, No. 1. P. 63-78.

¹⁸⁶ Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэнъхваль согый синминджиджуый (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. С. 114-117.

яп. *кокумин со:рёку рэнмэй*, кор. *кунъмин чхонънёк ёнмэнь*). Корейское отделение «Союза» охватывало своим контролем всё население Кореи, которое было разделено на ячейки – «патриотические группы» (по 10 дворов в каждой), члены которых должны были следить друг за другом и сообщать в полицию в случае необходимости. С января 1938 г. членство в «патриотических группах» стало обязательным.¹⁸⁷ Здесь мы видим прямой аналог традиционной системы круговой поруки, существовавшей в Японской империи до 1938 г. лишь на Тайване.¹⁸⁸ По данным Л.В. Овчинниковой, в 1939 г. в Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп» этой организации, а к 1940 г – уже 438 тыс. Численность их была соответственно 4,6 млн. и 7,1 млн. человек (учитывались только главы семей).¹⁸⁹

Схожие функции выполняли и сформированные в 1939 г. «отряды помощи полиции» (警防團; кор. *кёнъбандан*, яп. *кэйбо:дан*), которые выполняли функции полицейских информаторов.¹⁹⁰ В состав *кёнъбандан* входили как корейцы, так и японцы. Помимо «Союза» в Корее действовали десятки других организаций: для учащихся и взрослых, для юношей и девушек и т.п.

В мобилизационных мероприятиях активно принимали участие и корейские предприниматели, которые хоть и потеснились, уступив ещё больше места японским монополиям, сумели сохранить значительную часть своего капитала, и интегрироваться с капиталом японским. Крупнейшие корейские магнаты, вроде Пак Хынсика (1903-1994) или Ким Сонсу (1891-1955) расширили сферу своей деятельности за счёт промышленности, требующей всё больше продукции для японской армии. При этом возникали

¹⁸⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 141.

¹⁸⁸ Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970. Vol. 30. P. 126-158.

¹⁸⁹ Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение. 2009. № 3. С.57-70.

¹⁹⁰ Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 495.

и конфликты интересов между японскими и корейскими предпринимателями и генерал-губернаторством.

В последние годы войны предпринимателям приходилось отправлять часть рабочих, или, при содействии «Союза по мобилизации всех сил нации» членов их семей, в т.ч. женщин, для работы на промышленных предприятиях в северной части Кореи или в Японии.¹⁹¹ Насколько мы можем судить, это происходило под давлением колониальных властей, т.к. сами предприниматели не были заинтересованы в снижении количества рабочих рук на своих собственных предприятиях.

К августу 1945 г. было мобилизовано для работы на территории Японских островов, Южного Сахалина и островах Тихого океана было почти 750 тыс. корейцев.¹⁹² Всего же на этих территориях проживало более 2 млн. корейцев.¹⁹³ Кроме того, около 200 тыс. корейских юношей были зачислены в японскую армию. Таким образом, Корея и её население несло на себе все тяжести войны, которую Япония вела на Тихом океане и во всей Восточной Азии. Но, всё же большинство мобилизованных корейцев были заняты в промышленности и на строительстве, даже если формально они числились вспомогательным армейским персоналом.¹⁹⁴

Генерал-губернаторство периодически предпринимало меры, призванные сгладить негативную реакцию корейцев, однако, как пишет в своих мемуарах Ф.И. Шабшина, большинство корейцев воспринимали это как подачки.¹⁹⁵ Например, в конце 1944 – начале 1945 гг. корейцам были предоставлены избирательные права (с имущественным цензом), на 10-30%

---

¹⁹¹ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 120-121.

¹⁹² Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 498.

¹⁹³ Korean Permanent Residents in Japan // Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan. Center for US-Japan Comparative Social Studies. URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014).

¹⁹⁴ Palmer Brandon. Fighting for the Enemy: Koreans in Japan's War, 1937-1945. 2013. P. 145, 147, 149.

¹⁹⁵ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 135.

были повышены зарплаты рабочим, солдатам-корейцам, которые погибли на войне, устраивались пышные похороны, а их семьям оказывалась значительная материальная помощь.¹⁹⁶

Однако подобные меры не могли улучшить отношение большинства корейцев к Японии. Помимо мобилизации, одной из главных причин тому были продовольственные реквизиции, из-за которых голодала значительная часть населения, при этом ещё в 1944 г. генерал-губернатор Коисо Куниаки (1880-1950) сказал: «Чтобы победить в войне нужно есть корни трав и почки деревьев».¹⁹⁷ Понятно, что в первую очередь это высказывание относилось к беднейшей части населения полуострова – корейцам.

В целом, хотя в период 1937-1945 гг. индустриализация, интенсификация развития сельского хозяйства и развитие инфраструктуры Кореи являются неоспоримым фактом, приоритетной целью всего этого развития было обеспечение Японии всем необходимым для ведения войн с Китаем, США и их союзниками. Обеспечение корейцев какими-либо благами осуществлялось по остаточному принципу. По мнению Ф.И. Шабшиной, в 1944-1945 гг. генерал-губернаторство опасалось массового восстания корейцев, которое могло бы обернуться крахом всей японской военной машины.¹⁹⁸ Поэтому ужесточая контроль над населением, колониальные власти периодически пытались, также используя в качестве посредников корейских бизнесменов и общественных деятелей, уверить корейцев в том, что в будущем условия их жизни улучшатся. Но реальная ситуация сильно отличалась от японской пропаганды и условия жизни корейцев становились всё хуже и хуже.

Модернизационная политика, проводимая генерал-губернаторством, хоть и проводилась без особого учёта мнения и запросов корейцев, всё же оказала сильное влияние и на их повседневную жизнь, и на их

---

¹⁹⁶ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 129.

¹⁹⁷ Там же. С. 109.

¹⁹⁸ Там же. С. 128-129.

самосознанием. Из-за того, что основные промышленные мощности были сконцентрированы на севере Кореи, в конце 1940-х гг. у новообразованной КНДР, имелся значительный промышленный потенциал, при ограниченных запасах продовольствия, в то время как на преимущественно сельскохозяйственном Юге сложилась полностью противоположная ситуация.

По итогам параграфа мы можем сделать вывод, что несмотря на неоднозначные исторические обстоятельства, колониальная модернизация Кореи является неоспоримым фактом, поскольку по всех четырёх сферах – экономической, политической, социальной и культурной – наблюдается переход от традиционного общества к современному. Учитывая то, что колониальная модернизация Кореи, как модернизация неорганического типа, проходила под эгидой и прямым управлением Японии, неудивительно, что многие элементы были заимствованы из японских образцов. Однако, как было доказано, в модернизацию Кореи внесли значительный вклад сами корейцы, что оставляет пространство для дискуссии относительно справедливости определения колониальной модернизации Кореи как исключительно японского достижения.

1.2. Японцы как участники процессов культурной и экономической модернизации Кореи в первой половине XX в.

Одной из главных проблем изучения колониальной модернизации Кореи является определение степени участия в модернизационных процессах собственно корейцев и японцев, проживавших на территории Кореи (在朝日本人; яп. *дзайтё*: *нихондзин*, кор. *чэджо ильбонин*), в первой половине XX в. До аннексии Кореи в 1910 г. японцы, как и большинство иностранцев, пользовались правом экстерриториальности, и старались, по множеству причин, селиться отдельно от корейцев. В 1910 г. права корейцев во многом уравнивали с японцами, однако бытовое, повседневное отчуждение

никуда не исчезло. Как следствие этого, на первых порах больше всего модернизация Кореи была заметна в тех городах и кварталах, где проживало много японцев. В течение 1920-1930-х гг. значительно изменился облик всей Кореи. Какую же роль в этом сыграли японцы? Автор далёк от мысли, что модернизация Кореи произошла исключительно благодаря японским «цивилизаторам», однако на наш взгляд было бы неправильно не учитывать их влияния и однозначно противопоставлять их всему корейскому обществу. Как складывались отношения между двумя крупнейшими группами населения Кореи (иностранцев, преимущественно китайцев было в колониальной Корее сравнительно немного) и как они повлияли друг на друга? Может быть совместные интересы корейцев и японцев, перевешивая разногласия, помогли модернизации Кореи?

Первые японские поселенцы в Корее. Годы протектората (1905-1910). После насильственного «открытия» западными державами и начала реформ Мэйдзи в Японии резко изменилась социальная и экономическая обстановка. В новых условиях для Японии было крайне важно самой поддерживать самостоятельные отношения (не обязательно паритетные) с другими странами, в том числе и с ближайшими соседями. По образцу западных держав Япония отправила к берегам Кореи группу кораблей с солдатами на борту, и принудила её в 1876 году заключить неравноправный договор. Впредь для свободной торговли с Японией были открыты Пусан (яп. Фудзан), Вонсан (яп. Гендзан) и Инчхон (тогда - Чемульпо). Также японцы получили право экстерриториальности и право покупки и владения землёй в Корее.

Основная масса японских переселенцев в Корею шла с северной части о. Кюсю, юго-западной части о. Хонсю и района Токио. Некоторые японцы прожили в Корее большую часть своей жизни, например торговец западной одеждой и униформой Кобаяси Гэнроку (1867-1940), который в возрасте 24

лет приехал в Пусан, где и прожил последующие годы.¹⁹⁹ Японские торговцы и зарождающийся класс промышленников первыми воспользовались плодами договора. В Пусане появился целый район, застроенный складами и домами в японском стиле. Вскоре схожий район появился и в Инчхоне. По словам многих западных путешественников, посещавших Пусан на рубеже XIX-XX вв., город выглядел совершенно по-японски, и японцев в нём было чуть ли не больше, чем корейцев.²⁰⁰

Хотя утверждения о преобладании японского населения довольно сомнительны, вполне вероятно, что городское планирование портовых и привокзальных районов в Корее с начала XX века осуществлялось, преимущественно японцами, либо при их активном участии. Например, современный южнокорейский город Тэджон вырос из небольшого поселения до крупного железнодорожного узла в первую очередь благодаря проложенной японцами железной дороге и своему стратегическому положению внутри страны.

Ещё с 1880-х гг. японское правительство и спонсируемые им колонизационные общества поощряли эмиграцию населения. В конце XIX века основными направлениями миграции были Гавайские острова, США, Бразилия.²⁰¹ Японо-китайская война 1894-1895 гг. открыла для колонизации Тайвань и, частично, Корею. Нужно отметить, что необходимо различать «японца колониального» (жителя колонии) и «Японию-колонизатора». Несмотря на то, что интересы Японии и японцев, проживавших в колониях, зачастую совпадали, не стоит считать, что все японцы были исключительно проводниками политики японского правительства или местного генерал-губернаторства. Американская исследовательница Дзюн Утида прямо пишет,

---

¹⁹⁹ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 1.

²⁰⁰ Schmid Andre. *Two Americans in Seoul: Evaluating an Oriental Empire, 1905-1910 // Korean Histories*. 2010. Vol. 2.2. P. 7-23.

²⁰¹ Young Louise. *Japan's Total Empire Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism*. University of California Press, 1998. P. 312-314.

что поселенцы часто вступали в конфликт с представителями японских властей в Корее, если, так или иначе, наносился ущерб их интересам.²⁰²

С началом русско-японской войны Япония высадил свои войска в Корею и полностью подчинила себе всю внешнюю и большую часть её внутренней политики. 23 февраля 1904 г. Япония принудила корейское правительство подписать протокол, который позволил японцам оставаться на полуострове «для защиты независимости Кореи».²⁰³ В ноябре 1905 года Япония вынудила Корею подписать новый договор о протекторате, который действовал до 1910 года. Согласно этому договору, Корея уполномочивала Японию контролировать всю внешнюю и часть внутренней политики Кореи. К тому моменту (1905 г.) в Корею проживали свыше 42 тыс. японцев, преимущественно мужчины.²⁰⁴ Большинство японцев в те годы проживали в Пусане (яп. Фудзан), Вонсане, Инчхоне и Сеуле (тогда – Кёнъсон, яп. Кэйдзё). Если в городах у моря, японские селтльменты были расположены, как правило, недалеко от порта, то в Сеуле в те годы «главным» японским районом стал Ёньсан (совр. Ёньсан-гу в центре Сеула), где проживало большинство «сеульских» иностранцев, в т.ч. европейцев.²⁰⁵ Ёньсан в 1900-е гг. был, пожалуй, одним из самых «модернизированных» районов Кореи – с электрификацией, трамваем и телефонной связью.²⁰⁶ Но и Пусан не сильно отставал от него, поскольку к 1910 г. в центре Пусана проживали практически одни японцы. За считанное десятилетие количество японских резидентов там выросло с 2500 до 27 тысяч человек.²⁰⁷

---

²⁰² Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 8.

²⁰³ *Korea, treaties and agreements*. Washington, 1921. P. 36

²⁰⁴ Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндо (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 130-131.

²⁰⁵ Пак Чхансын. Роиль чонджэнь иху Соурый ильбонин корюджи хвакчань квадзонь (Расширение японских селтльментов в Сеуле после русско-японской войны) // Чибаньсава чибаньмунхва. 2002. № 5.2. С. 117-163.

²⁰⁶ Кан Ёньсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. Ильдже сиги кындэджок ильсанъква синминджи мунхва (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). Сеул, 2008. С. 29

²⁰⁷ *Корея глазами россиян (1895-1945)*. Тула, 2008. С. 234.

В 1907 году Кореей был подписан ещё один кабальный договор, согласно которому, по всем сколько-нибудь значимым внутривластным решениям - реформы, принятие новых законов, назначение и увольнение высших чиновников - правительство Кореи обязывалось получать инструкции от японского генерал-резидента. Согласно меморандуму, приложенному к договору, не менее половины служащих судебных, полицейских и ряда административных органов должны были быть подданными Японии.

Японо-корейский договор о протекторате 1905 г. и новый японо-корейский договор о сотрудничестве 1907 г., а также присутствие значительных сил японской армии обеспечили фактическую неподсудность японцев корейским властям. Японские официальные лица, действовавшие на полуострове с 1905 г. зачастую сквозь пальцы смотрела на преступления соотечественников, которые, пользуясь безнаказанностью, грабили, а порой и убивали, корейцев. Дополнительным фактором, усиливавшим взаимную ненависть между корейцами и японцами, были боевые действия между корейскими партизанами *ыйбён* с одной стороны, и японскими войсками, жандармерией и сформированными из корейцев «отрядами самообороны» (自衛團; кор. *чавидан*). Корейские партизаны нападали на железнодорожные станции, разрушали дороги, убивали японцев и тех корейцев, которых обвиняли в сотрудничестве с оккупантами-японцами. Японские войска и жандармы, в свою очередь, расстреливали партизан без суда и следствия, брали заложников и сжигали целые деревни.²⁰⁸ Пик деятельности *ыйбён* пришёлся на 1907-1909 гг., но к 1910 году – году аннексии – в Корею уже не осталось значительных сил, могущих угрожать японскому населению.

Пользуясь поддержкой правительства и колониционных компаний, всё больше японцев уезжало в Корею. При этом большая часть японцев принадлежала к бедным слоям населения. В 1910 г. на 170 тысяч японцев,

---

²⁰⁸ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 550-555.

проживавших в Корее, приходилось лишь 5 600 домов. Что примечательно, стоимость земельных и лесных участков принадлежавших японцам (частным лицам) оценивалась приблизительно в 10 млн. иен, в то время как имущество 750 японских компаний в Корее оценивалось в 9,7 млн. иен.²⁰⁹ Многочисленные свидетельства прямо указывают на то, что в Корею во множестве предпочитали переселяться японские люмпены и маргиналы, зарабатывавшие, в том числе и грабежами, пользуясь прикрытием в виде японской армии и жандармерии.²¹⁰

Возникает вопрос, а где именно жили японские переселенцы? На протяжении всего колониального периода корейцы и японцы старались жить отдельно. Даже по более поздним данным японского исследователя Хасия Хироси (приведено по книге Марка Каприо) во второй половине 1920-х гг. около 80% корейцев и японцев, проживавших в Корее, жили в отдельных, моноэтнических кварталах, предпочитая не соседствовать с представителями другой национальности.²¹¹

До 1914 г. японские селтльменты обладали самоуправлением, которое находилось в руках у т.н. «корпораций резидентов» или «земляческих групп» - *кёрю:миндан* (居留民團; кор. *корюминдан*). *Кёрюминдан* обсуждали вопросы строительства на территории селтльмента, инфраструктуры, образования, общественной гигиены, религии и т.д.²¹² Корейские исследователи Ким Дэрэ и Ким Хобом на примере Пусана (пожалуй, самого «японского» города Кореи) показали, что под контролем *кёрюминдан* могли находиться тысячи людей: в 1908 г. – ок. 20 тыс. японцев, в 1914 г. – свыше

---

²⁰⁹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 75.

²¹⁰ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 181, 198, 243.

²¹¹ Caprio, Mark. Japanese assimilation policies in colonial Korea, 1910-1945. Seattle, 2009. P. 133.

²¹² Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 132.

28 тыс. человек.²¹³ Хотя с 1908 г. в Сеуле проживало больше японцев, чем в Пусане, там действовало несколько *кёрюминдан*.

С 1905 г. *кёрюминдан* были включены в органы местной администрации, что позволило японскому генерал-резиденту улучшить контроль над ними, поскольку интересы жителей селтльментов не всегда совпадали с государственными интересами Японии, особенно по части статей расходов.²¹⁴ На первых порах именно посредством *кёрюминдан* генерал-резидентство, и затем и генерал-губернаторство осуществляло развитие местной инфраструктуры и проведение мероприятий по улучшению общественной гигиены. Последнее зачастую проводилось при поддержке полиции, которая чуть ли не вламывалась в дома корейцев, проверяя помимо санитарных условий, заодно и «благонадёжность» жителей дома.²¹⁵

Подобное отношение к корейцам не вызывало у них любви и уважения к японцам. В японских поселенцах видели в первую очередь проводников влияния Японии и исполнителей воли японского генерал-резидента. Однако и сами японцы были недовольны тем, что генерал-резидентство всё активнее вмешивалось в их жизнь, нарушая их права и вынуждая *кёрюминдан* быть бессловесными проводниками их воли. Особенно сильно *дзайтё: нихондзин* раздражала их дискриминация, в сравнении с теми японцами, которые проживали в метрополии.²¹⁶

Пользуясь разногласиями между японскими властями и японскими поселенцами в Корее, некоторые корейские предприниматели, которые

²¹³ Ким Дэрэ, Ким Хобом. Пусан ильбон корюминдан чэджонь ёнгу (1907-1914) (Исследование финансов японского селтльмента в Пусане (1907-1914)) // Чибаньджоньбуёнгу. 2006. № 10.2. С. 181-202.

²¹⁴ Пак Яньсин. Чэханильбонин корюминданный сонъниква хэчхе (Формирование и упразднение японских селтльментов в колониальной Корее) // Асия мунхва ёнгу. 2012. № 26. С. 241-272.

²¹⁵ Todd A. Henry. Sanitizing Empire: Japanese Articulations of Korean Otherness and the Construction of Early Colonial Seoul, 1905-1919 // Journal of Asian Studies. 2005. Vol. 64. No. 3. P. 639-675.

²¹⁶ Пак Яньсин. Тхоньгам чончхива чэхан ильбонин (Политика генерал-резидентства и японские поселенцы в Корее) // Ёксагёюк. 2004. № 90. С. 155-179.

могли брать подряды на снабжение японских войск, или же выступать посредниками для тех же целей.²¹⁷

Хотя в 1910 г. в Корее проживало уже более 170 тыс. японцев, план колонизации Кореи во многом провалился, т.к. Япония не учла всех трудностей, с которыми придётся столкнуться на практике. Созданная в 1908 г. Восточная колонизационная компания (東洋拓殖株式會社; яп. *То:ё:такусёку кабусики кайся*, кор. *Тонъянчхоксик чусик хвеса*) лишь в январе 1909 г. открыло своё представительство в Сеуле. Несмотря на уверенность руководителей компании в достижении быстрых результатов, вплоть до аннексии в августе 1910 г. работники успели лишь начать обследование и измерение земель, предназначенных для колонизации.²¹⁸

Первое десятилетие после аннексии Кореи (1910-1919). Хотя японцы стали занимать привилегированное положение в бизнесе и государственном управлении Кореей ещё в период протектората, при генерал-губернаторстве их положении ещё более упрочилось. Сразу после аннексии генерал-губернатор Тэраути обратился к японским резидентам в Корее с просьбой не совершать оскорблений в отношении корейцев, т.к. отныне Корея из иностранного государства стала частью империи, а корейцы – её подданными.²¹⁹ После 1910 г. японцы стали составлять около половины всего аппарата управления Кореей, японские бизнесмены и компании получали различные преференции, японцам, в отличие от корейцев, было куда проще устроиться на работу врачом или учителем (традиционно уважаемая на Востоке профессия). Однако именно бесцеремонное и открытое вытеснение корейцев из всех, сколько-нибудь значимых сфер экономики и общественной жизни, взрастило недовольство и, в конце концов, привело к восстанию в 1919 г.

---

²¹⁷ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 10-11.

²¹⁸ Moscovitz Karl. *The Creation of the Oriental Development Company: Japanese Illusions Meet Korean Reality // Occasional Papers on Korea*. 1974. № 2. P. 73-121.

²¹⁹ *Корея глазами россиян (1895-1945)*. Тула, 2008. С. 243-244.

Вскоре после аннексии, в октябре 1910 г. первый генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ в своём выступлении заявил, что цель японского управления Кореей – «поддержание порядка» и «освоение естественных богатств».²²⁰ С целью «освоения богатств» были изданы указы «О земельном обследовании» (1910 г.), «О лесных запасах» (1911 г.), и ряд других. О них мы уже упоминали в предыдущем параграфе, поэтому здесь мы лишь напомним, что в результате «земельного обследования» большая часть корейских крестьян превратилась в арендаторов, а земля формально стала принадлежать небольшому числу корейцев-землевладельцев или генерал-губернаторству.²²¹ Генерал-губернаторство, как правило, передавало управление землями, на которых жили и работали корейские крестьяне, японским предпринимателям и компаниям, одной из которых была и Восточная колонизационная компания. Компания планировала содействовать расселению на этих землях от 30 до 50 тыс. японцев ежегодно, чтобы к 1920 г. на территории Кореи проживало 350-500 тыс. японских фермеров.²²² Уточним, что среди тех 170 тыс. японцев, которые проживали в Корее в 1910 г. подавляющее большинство из них *не* было занято в сельском хозяйстве.

Однако планам Восточной колонизационной компании, как и аналогичным планам других, более мелких компаний, не было суждено осуществиться. Согласно отчёту самой компании, к концу 1926 г. лишь 3956 семей японцев-фермеров поселились в Корее на землях, предоставленных компанией и при её финансовой поддержке.²²³ Впоследствии большинство этих переселенцев стали нанимать на работу корейских батраков, в т.ч. и тех, кому эти земли принадлежали ранее. Одними из причин такой сокрушительной неудачи были как переоценка земельной проблемы в самой Японии, так и нежелание японцев, уезжавших в Корею работать в сельском

---

²²⁰ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 762.

²²¹ Там же. С. 762.

²²² Moscovitz Karl. The Creation of the Oriental Development Company: Japanese Illusions Meet Korean Reality // Occasional Papers on Korea. 1974. № 2. P. 73-121.

²²³ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 9. П. 122. Д. 51. «Доклады консула СССР в Корее Шаманова». Л. 84.

хозяйстве, наравне с корейцами. Тем не менее, Восточная колонизационная компания, выступая в роли лендлорда, получала значительные доходы и без посредничества японских поселенцев.²²⁴

Восточная колонизационная компания продолжала свою деятельность вплоть до 1945 г., однако никогда так и не смогла выполнить планы 1910 г. Поэтому основным источником доходов на протяжении всего колониального периода для компании стали выплаты от арендаторов-корейцев. Очень характерно деятельность Восточной колонизационной компании описана в корейской газете «Тонъя ильбо». Пользуясь относительной мягкостью цензуры периода «культурного управления» в 1924 г. публицист Ён Муннан писал о том, что компания вынуждает корейцев-арендаторов тратить более половины произведённой продукции на арендные платежи.²²⁵

При этом зачастую земельные участки арендовались японцами, а корейцы становились субарендаторами. Разумеется, подобное подчинённое положение не могло не пробудить в корейских крестьянах чувств неприязни или даже ненависти к японцам. При этом напомним, что крестьяне составляли большинство корейского населения полуострова – около 85% к концу 1910-х гг.²²⁶ Крупные корейские землевладельцы в целом одобряли земельную реформу генерал-губернаторства, считая, что это придавало поземельным отношениям «современную» форму.²²⁷ Однако, насколько мы можем судить как по научным исследованиям, так и по воспоминаниям корейцев, земельная реформа воспринималась множеством рядовых корейцев как грабительская.²²⁸

Несмотря на то, что генерал-губернаторство предоставляло компаниям широкое поле действия, рядовые японцы всё более ограничивались в правах. Так как с 1910 г. управление Кореей полностью перешло в руки генерал-

---

²²⁴ Prospectus of the Oriental Development Company. Tokyo, 1921. P. 13-17; 19-20.

²²⁵ Тонъя ильбо. 28.03.1924.

²²⁶ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 80.

²²⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 76.

²²⁸ Kang Hildi. Under the black umbrella: voices from colonial Korea, 1910-1945. New York, 2001. P. 12-13.

губернаторства, органы местного самоуправления японских сэтльментов – *кёрюминдан* – были уже не нужны. Отныне все те функции, которые они выполняли – развитие местной инфраструктуры, обеспечение образования и здравоохранения для японцев и т.п. – переходило в руки чиновников генерал-губернаторства. Не желая терять привилегии, *кёрюминдан* пытались отстаивать свои права и отказывались безропотно выполнять распоряжения колониальных властей. По этой причине, уже в 1910-1912 гг. в официальной газете генерал-губернаторства «Мэиль синбо» поднимался вопрос о необходимости упразднения *кёрюминдан*.²²⁹ Публикации вызвали у японцев бурю недовольства, поэтому на время об этих планах было забыто, но спустя два года колониальный аппарат уже почувствовал, что обладает достаточной силой для проведения своей политики на всей территории Кореи, и в апреле 1914 г. *кёрюминдан* были упразднены.²³⁰ Насколько нам известно, это не вызвало заметных волнений или общественного возмущения, хотя японцы по-прежнему старались проживать и решать свои дела в пределах бывших сэтльментов, поскольку с корейцами у них были очень напряжённые отношения.²³¹

Очень важную роль японцы играли в экономике колониальной Кореи. Препятствуя развитию корейской промышленности и коммерции, на *этом* этапе, Япония предпочитала развивать только те отрасли, которые были ей выгодны. В первую очередь это было развитие транспортной инфраструктуры: строительство железных дорог, обустройство портов. Однако это развитие осуществлялось в первую очередь силами и на деньги корейцев. Зачастую корейских крестьян, проживавших в районе прохождения железной дороги, сгоняли на работу, а земли в полосе отчуждения конфисковали в пользу государства. Японцы же, даже работая на

---

²²⁹ Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 134.

²³⁰ Там же. С. 135.

²³¹ Пак Кванъхён. Чэджоильбониный чэкёнсонъ ыйсикква Кёнсон пхёсанъ (Самосознание японцев, проживавших в колониальном Кёнсоне (Сеуле), и изображение Кёнсона) // Санъхохакпо. 2010. № 29. С. 41-80.

предприятиях, получали заработную плату в 1,5-2 раза выше, чем корейские рабочие. Кроме того, большинство японцев предпочитали работать в высокооплачиваемых сферах, оставляя «чёрный» труд корейцам. По данным за 1910 г. 25,3% японцев, проживавших в Корее, были заняты в торговле, 23,2% - в мелких промыслах, 11,8% – в промышленности, 10,9% - были рабочими, 8,7% – управленцами, и лишь 2,7% были заняты в сельском хозяйстве.²³² К 1914 г. в ряде городов японцы составляли около половины всего населения: Пусан (51%), Кунсан (57%), Чхонджин (52%), Синминджу (49%). В Сеуле, японцы составляли только четверть населения, а в большинстве остальных городов их присутствие не превышало 20-30%.²³³

В 1915-1916 г. генерал-губернаторство допустило для корейской буржуазии ряд послаблений. Кроме того, наконец-то были объединены воедино большинство японских и корейских торговых палат, ранее предпочитавших действовать по отдельности.²³⁴ Японцы, помимо управления транспортом и добычей ресурсов, предпочитали действовать в банковской сфере и заниматься морскими перевозками. Корейские же предприниматели, преимущественно действовали в сельскохозяйственной сфере и связанным с ней экспортом риса, лёгкой промышленности (текстиль, табак), и незначительно, в банковской сфере.²³⁵ Большую же часть экономики держали под контролем японцы и японские компании. При этом если в первые пять лет после аннексии японское население полуострова выросло со 170 до 303 тысяч, то в дальнейшем рост замедлился (347 тыс. в 1920 г.).²³⁶ Причин тому

---

²³² Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 137.

²³³ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 63; См. Приложение 6.

²³⁴ Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 160.

²³⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. *История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М.*, 2011. С. 81-82.

²³⁶ Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 131.

было немало, и одной из них было нежелание японцев работать на «чёрных» должностях вместе с корейцами, к которым они относились неприязненно.

В течение первого десятилетия обучение корейских и японских детей проходило в разных школах и по разным программам. Также, из-за того, что среди *дзайтё*: *нихондзин* большинство было «белыми воротничками», торговцами и чиновниками, среди японских школьников в Корее была очень высокая конкуренция на экзаменах, чтобы в дальнейшем они могли получить хорошую должность или устроится на хорошую работу.²³⁷ Корейские же школьники могли с трудом освоить «японские» программы, как по причине слабой начальной подготовки, так и по той причине, что многие предметы преподавались на японском языке, т.к. учителя по ним тоже были японцами.

Проблема системы образования Кореи заключалась не только в низком уровне владения корейцами японским языком. Большой проблемой, на протяжении всего колониального периода, оставался очень слабый охват корейских детей общим образованием. Хотя за первые десять лет колониального периода количество учебных заведений начального и среднего образования выросло вдвое, но этот рост обуславливался увеличением количества проживавших в Корее японцев. По данным корейских исследователей О Сонъчхоля и Ким Гисока, в период с 1912 по 1919 гг. соотношение корейцев и японцев в начальных школах составлял 2:1, а в средних - 2,5:1,5.²³⁸

Напомним, что даже по официальной японской статистике, в 1905-1945 гг. количество японцев никогда не превышало 3% от всего населения Кореи.²³⁹ Учитывая это, а также то, что в новооткрытых школах подавляющее большинство учителей составляли японцы, и преподавание велось на японском, можно уверенно сказать, что колониальное образование

²³⁷ Квон Сугин. Синминджибэги Чосон нэ ильбонин хаккё (Японские школы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхонъгвон. 2008. № 77. С. 57-91.

²³⁸ Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // Asia Pacific Review. Seoul, 2000. Vol. 1. No. 1. P. 75-89.

²³⁹ Grajdanzev, Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 76; См. Приложение 7.

было ориентировано преимущественно на японское население, а не на корейское. Если в 1916 году у японцев на 10 000 человек приходилось 1062 ученика начальной школы, то для корейцев – только 41.²⁴⁰ Дополнительным раздражающим фактором для корейцев было то, что школьные учителя, вели занятия в мундире и при сабле, висевшей на поясе, что было одной из множества иллюстраций, почему режим управления Кореей в 1910-1919 г. был прозван «сабельным».

Однако роль японцев не сводилась лишь к роли угнетателей и притеснителей. И до, и тем более, после аннексии в Корее сотни и тысячи японцев работали как учителями, так и врачами. По официальным данным генерал-губернаторства Кореи, в 1911 г. в школах Кореи работали 370 японцев и 888 корейцев.²⁴¹ Со временем корейцев в школах работало всё больше, однако на руководящие должности, как правило, назначались японцы. Кстати, замена японского директора корейским будет в 1920-х гг. одним из основных требований корейских школьников, которые даже устраивали забастовки по этому поводу. Что же касается здравоохранения, то, несмотря на стабильный рост количества больниц и госпиталей, обеспечение населения Кореи находилось на недостаточном уровне, т.к. врачей-японцев явно не хватало, а врачей-корейцев было крайне мало.²⁴²

Помимо вышеуказанных категорий в Корее активно действовали христианские²⁴³ и буддистские²⁴⁴ священники-японцы. Однако, насколько нам известно, они не пользовались большим доверием у корейцев, хотя в условиях колониального режима любым священникам любой религии

²⁴⁰ Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Review*. Seoul, 2000. Vol. 1. No. 1. P. 75-89; См. Приложение 11.

²⁴¹ Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11). Keijo (Seoul), 1911. P. 204.

²⁴² Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 260.

²⁴³ Takiguchi S. The Japanese Protestants in Korea, Part One: The Missionary Activity of the Japan Congregational Church in Korea // *Modern Asian Studies*. 1979. Vol. 13, No. 3. P. 401-429.

²⁴⁴ Hur Nam-lin. The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea // *Japanese Journal of Religious Studies*. 1999. Vol. 26. P. 107-134.

следовало быть внимательным в своих речах, на проповеди или публичных выступлениях. Японские религиозные деятели пропагандировали мирное сосуществование корейцев и японцев, и активно пытались способствовать их примирению в дни Первомартовского восстания 1919 г.²⁴⁵ Однако слова японских протестантов расходились с делами генерал-губернаторства, которое силами полиции, жандармерии и армии жестоко расправилось с восставшими корейцами. Тем не менее, Первомартовское движение привело к смягчению колониального режима, и ознаменовало новый этап взаимоотношений между корейцами и японцами.

«Золотой век» колониального периода (1919-1937). После Первомартовского восстания 1919 года колониальные власти Кореи пошло на смягчение режима и новый генерал-губернатор Сайто Макото провозгласил начало политики «культурного управления». Помимо прочего, в рамках этой политики предусматривалось активное привлечение корейцев к работе в государственных учреждениях, полиции, школах. Это было необходимо ещё и потому, что, как мы уже говорили, доля японцев в населении Кореи никогда не превышала 3%, поэтому они физически не могли единолично управлять всей Кореей. Вплоть до 1945 г. около половины всех японцев, проживавших за пределами Японских островов (но в пределах границ Японской империи), находились на территории Кореи. В 1915 г. таких было около 300 тысяч человек, а к 1924 г. – 410 тысяч. Остальное приходилось на Тайвань, Южный Сахалин (Карафуто) и Маньчжурию.²⁴⁶ Однако далеко не все японцы оседали в Корее – некоторые предпочитали возвращаться в Японию. Даже среди 3270 японских семейств, которые переселились в Корею при поддержке Восточной колонизационной компании за период с 1911 по 1917 г., почти 400 из них вернулись в

---

²⁴⁵ Takayoshi Matsuo, Takiguchi S. The Japanese Protestants in Korea, Part Two: The 1st March Movement and the Japanese Protestants // Modern Asian Studies. 1979. Vol. 13, No. 4. P. 581-615.

²⁴⁶ АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 4. Д. 54. «Колонии Японии». Л. 3.

Японию.²⁴⁷ По нашему мнению, это один из ярких показателей того, что для японцев Корея не была «раем на земле», где все они могли ощущать себя господами и «командовать» корейцами.

В Корее, в отличие от колоний Франции или Великобритании, основная активность колонизаторов – японцев – была сконцентрирована в коммерции, торговле, сфере обслуживания, что составляло малую часть доходов колонии, поэтому они представляли собой лишь дополнительную составляющую колониальной экономики. Также, в отличие от, скажем, французов в Алжире, японцы предпочитали не сгонять корейцев с их земель, а жить на доходы от земельной ренты.²⁴⁸ Поэтому всё же не стоит излишне переоценивать вклад японцев в экономику Кореи. Кроме того, хотя на бытовом и, частично, законодательном уровне, японцы в Корее имели ряд преимуществ, колониальный статус Кореи ставил их ниже, чем японцев, проживавших в метрополии. Эта ситуация начала исправляться лишь с середины 1930-х гг.

Очень сильно на взаимоотношения между корейцами и японцами повлияли погромы и избиения корейцев в сентябре 1923 г. После катастрофического землетрясения Канто корейцев обвиняли в том, что они убивают и грабят японцев и устраивают поджоги. Это вызвало всплеск обратной миграции корейцев на полуостров. Генерал-губернаторство опасалось, что это приведёт к всплеску преступности на территории Кореи. Эти опасения могут подтвердить слова генерального инспектора Кореи (заместителя генерал-губернатора) Ариёси Тюити, который наблюдал за прибытием корейцев-беженцев в Пусан: «У некоторых из корейцев было по пять карманных часов или по дюжине колец. Вероятно множество из них [корейцев] занимались грабежом домов. Я могу полностью понять японцев,

---

²⁴⁷ АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 4. Д. 54. «Колонии Японии». Л. 5.

²⁴⁸ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 22.

которые из негодования подвергали корейцев преследованиям».²⁴⁹ Он же высказывал опасение, что корейцы, узнав об убийствах корейцев в Японии, начнут убивать японцев в Корее, поскольку на полуострове проживало 17 млн. корейцев, и всего лишь 400 тыс. японцев, плюс к тому там были расквартированы всего две армейские дивизии.²⁵⁰

Однако обошлось без серьёзных инцидентов, чему помогло активное участие как японских, так и корейских общественных деятелей и политиков, которые наконец-то получили возможность активно высказывать своё мнение на страницах газет, для которых были смягчены цензурные ограничения. Растущий корейский национализм вступил в конфликт с интересами японцев, и поэтому поселенцам пришлось менять линию поведения. Одним из способов сблизить корейцев с японцами было сотрудничество между японскими и корейскими предпринимателями. Это было выгодно как для японцев, которые получили в руки дополнительный инструмент влияния на экономику Кореи, так и для корейцев, для которых сотрудничество с японцами сулило большую выгоду и повышало социальный статус.²⁵¹

Однако, давая корейской буржуазии возможность заработать, японские бизнесмены и представители правящих кругов никогда не теряли контроля над всеми сферами экономики, предпочитая контролировать корейские предприятия либо посредством владения акциями, либо посредством банков, которые практически полностью принадлежали японцам.²⁵² Ещё раз уточним, что под «японцами» мы подразумеваем здесь не только колониальные власти и не аппарат генерал-губернаторства, но и японских бизнесменов всех уровней, а также представителей остальных слоёв японской общины Кореи.

---

²⁴⁹ Lynn Hyung Gu. Ariyoshi Chuichi and Colonial Period Korea // Transactions of the International Conference of Eastern Studies. 1998. Vol. 43. P. 73-89.

²⁵⁰ Ibid. P. 73-89.

²⁵¹ Uchida Jun. Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 28.

²⁵² АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 220-260. «Записка советнику полпредства СССР в Японии тов. Майскому. 20.10.1928». Л. 228-229.

Японии пришлось уступить и в сфере местного самоуправления, позволив корейцам наравне с японцами принимать участие в формировании и работе городских и районных советов. Имущественный ценз работал одинаково и в отношении японцев, и в отношении корейцев, допуская до участия в, фактически, совещательных органах лишь «благонадёжных» и обеспеченных подданных. Но, стоит признать, что в течение 1920-1930-х гг. у множества корейцев появился шанс сделать карьеру на государственной службе или в бизнесе, поскольку многие дискриминационные ограничения были сняты. Ещё больше увеличилось количество корейцев, занятых в управлении, после создания Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го – туда были направлены не только японские, но также корейские чиновники, работники прессы и т.д.²⁵³

Несмотря на все проблемы, к началу 1930-х гг. в крупных городах Кореи трения между корейцами и японцами постепенно уступали место трениям между богатыми и бедными.²⁵⁴ Как мы уже говорили ранее, японская и корейская буржуазия довольно быстро нашли общий язык. Значительная часть корейских религиозных и общественных деятелей также заняли прояпонские позиции, но подробнее процессы ассимиляции и прояпонской деятельности мы разобрали во второй и третьей главах данной работы. Кроме того, проживавшие в Корее японские предприниматели, отстаивая в первую очередь свои интересы, зачастую действовали в интересах Кореи, поскольку рассматривали её как свой новый дом.

Порой экономические споры между предпринимателями из колонии и предпринимателями из метрополии принимали очень серьёзный характер.²⁵⁵

---

²⁵³ Uchida Jun. The Public Sphere in Colonial Life: Residents' Movements in Korea under Japanese Rule // Past & Present. 2013. № 220. P. 217-248.

²⁵⁴ Мун Ёнджу. Синминджиги чонтхонь тоси Сунчхоный кындэхва кваджонь чиёнъминный тэынъ (Процесс модернизации традиционного города Сунчхон в годы колониального режима и реакция местных жителей) // Хангуксахакбо. 2011. № 42. С. 201-224.

²⁵⁵ Ки Юджон. Синминджи тэ могук кан кёнджемачхальгва чэджоильбонин сахвёый тэынъ (Экономический конфликт между колонией (Кореей) и метрополией и реакция японцев, проживающих в Корее) // Сахвева ёкса тхоньгвон. 2009. № 82. С. 323-359.

Пожалуй, главной точкой конфликта интересов был вопрос экспорта корейского риса в Японию.²⁵⁶ Однако конфликты здесь всё же носили преимущественно экономический характер, и местная («корейская») японская буржуазия могла поддерживать корейскую даже против метрополии.²⁵⁷

Формирование корейской буржуазии современного типа также относится к периоду 1920-1930 гг. Ряд предпринимателей, в союзе с общественными деятелями, неоднократно пытались проводить кампании «покупай корейское», а точнее, «покупай произведённое на полуострове», чтобы избежать в обвинений в антигосударственной деятельности.²⁵⁸ Но результативность подобных кампаний была незначительна, поскольку колониальные власти внимательно следили как за самими кампаниями, так и за реакцией населения и, если здесь появлялся политический момент, то цензура и полицейские органы всячески препятствовали дальнейшему продолжению кампании. Поэтому для корейской буржуазии ключ к процветанию заключался в обязательном и тесном сотрудничестве с японскими предпринимателями и колониальной администрацией.²⁵⁹

Подобное «приспособленчество» осуждало большинство корейцев, и их можно понять, ведь предприниматели-корейцы выступали не меньшими, а порой большими эксплуататорами, чем японцы. Так или иначе, именно в среде этих предпринимателей создавалась будущая экономика Кореи. Ярчайшими представителями этой группы были Ким Сонсу, его брат Ким Ёнсу, Чхве Джун, Хён Джунхо. Однако, несмотря на активный

²⁵⁶ Ки Юджон. Синминджи Чосоный ильбонингва чиёк ыйсигый чонъчхихёгва (Японцы в колониальной Корее и политический эффект местного самосознания) // Хангук чончхихакхвебо. 2011. № 45. С. 197-218.

²⁵⁷ Ки Юджон. Синминджи тэ могук кан кёнджемачхальгва чэджоильбонин сахвёый тэынъ (Экономический конфликт между колонией (Кореей) и метрополией и реакция японцев, проживающих в Корее) // Сахвева ёкса тхонъгвон. 2009. № 82. С. 323-359.

²⁵⁸ Wells K.M. The Rationale of Korean Economic Nationalism under Japanese Colonial Rule, 1922-1932: The Case of Cho Man-Sik's Products Promotion Society // Modern Asian Studies. 1985. Vol. 19, No. 4. P. 823-859.

²⁵⁹ Juhn Daniel S. Nationalism and Korean Businessmen under Japanese Colonial Rule // Korea Journal. 1977. Vol. 17, No.1. P. 4-11.

промышленный рост и рост объёмов экономики, к концу 1930-х годов доля корейских предпринимателей в общем объёме частного капитала составляла лишь 18%.²⁶⁰

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. в Корее ознаменовалось также бурным ростом строительства железных и автомобильных дорог. При этом, вплоть до 1945 г. машин на полуострове было крайне мало, поэтому дороги предназначались в первую очередь для военных нужд. После 1931 г. Корея, как и Квантунский полуостров стала базой для размещения и снабжения войск. По этой же причине Япония стала всячески содействовать строительству в Корее заводов, горнодобывающих предприятий и т.п. Кроме того, колониальные власти пропагандировали среди корейцев и, в меньшей степени, среди японцев возможность переселения в Маньчжурию. В отношении корейцев, насколько нам известно, это дало определённый результат, ввиду существовавшей тогда проблемы аренды земли в самой Корее.

Несмотря на начавшийся процесс модернизации, большая часть корейцев (80,6%) по-прежнему была занята в сельском хозяйстве. В 1930 г. среди японцев лишь 8,7%, из более чем 500 тыс. человек, занимались аналогичным трудом. 25,7% японцев были торговцами, против 5,1% у корейцев. Наконец, находились на государственной службе (в т.ч. работали в школе) или занимались свободными профессиями 31,8% японцев и лишь 1,2% корейцев.²⁶¹ С учётом того, что вышеуказанная статистика открыто публиковалась в японских изданиях, мы можем быть уверены, что реальное положение вещей было никак не лучше.

Хотя суть колониальной модернизации является дискуссионным вопросом, определённая модернизация жизни Кореи всё же неоспорима. В

---

²⁶⁰ Тихонов В.М., Кан Мангиль История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 116-120.

²⁶¹ Ли Гюсу. Чэджоильбониный чхуива чонджэхёнътхэ (Сложившиеся формы существования и перемены в среде японцев, проживавших в Корее) // Ёксагёук. 2013. № 125. С. 37-64

первую очередь, большие перемены произошли в городах, во многом, под влиянием японцев. Например, как и в японском обществе 1920-1930-х гг., корейские женщины всё чаще стали устраиваться на работу, а не заниматься исключительно домашним хозяйством.²⁶² При этом в крупных городах в те годы наблюдалась стабильно высокая безработица, т.к. только промышленность ещё не была в состоянии создать рабочие места для множества крестьян, приезжавших в город на заработки.²⁶³ К середине 1930-х гг. в Сеуле работали почти все женщины.²⁶⁴ Стремительная урбанизация сильно изменила облик корейского общества за считанные годы.

В том, что женщины играли всё более значимую роль в корейском обществе, мы видим отчётливое влияние не только западных христианских миссионеров, но и японцев. По этой же причине, «японизированные» и «вестернизированные» горожане, в первую очередь женщины подвергались критике со стороны консервативной части общества, представители которой видели в этом нарушение вековых устоев и потерю корейцами своей идентичности.²⁶⁵ Однако процесс «феминизации» множества профессий, например, телефонистов,²⁶⁶ уже было не остановить, особенно с 1940-е гг., когда трудовая и военная мобилизация вынуждала корейских женщин работать на заводах и фабриках.

Корейско-японские отношения не ограничивались одним лишь японским влиянием на корейцев. Довольно любопытно, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Японии, и среди японцев, прошла волна интереса к корейской культуре. Эту волну инициировала перепетая на японском языке

---

²⁶² Хангук кындэсахвева мунхва 3: 1920-1930 нёндэ Синминджиджок кындэва хангугиный тэынъ (Корейское общество и культура нового времени. Том 3: Колониальная модернизация 1920-1930-х гг. и реакция корейцев). Сеул, 2007. С. 174-176.

²⁶³ Там же. С. 129-131.

²⁶⁴ Там же. С. 186.

²⁶⁵ Ким Суджин. Синёсонъ, кындэый кваинъ («Новая женщина» в колониальной Корее: чрезмерная модернизация). Сеул, 2009. С. 279-290.

²⁶⁶ Кан Ёнъсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. Ильдже сиги кындэджок ильсанъгва синминджи мунхва (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). Сеул, 2008. С. 79-81.

корейская народная песня «Ариран», которую транслировали по японскому радио и выпускали на пластинках. Перевод и многочисленные адаптации «Арирана» для японцев совпали по времени с волной их интереса к зарубежным песням и стилям музыки. Впоследствии, в военные годы различные версии «Арирана» использовались для пропаганды как в Корее, так и в Японии.²⁶⁷

Одним из способов «связать вместе» корейцев и японцев были межнациональные браки. Удивительно, но японские власти весьма благосклонно относились к идее таких брачных союзов, во многом потому, что корейцы представлялись им наиболее близкими к японцам по «биологическим качествам» среди остальных представителей «жёлтой расы». Андрей Ланьков в своей заметке для газеты «Сеульский вестник» приводит один из примеров подобных браков на «высшем уровне», которые были призваны продемонстрировать «союз» Японии и Кореи: Ли Ын, сын бывшего вана Кореи Коджона, женился на японской принцессе Масако 28 апреля 1920 г.²⁶⁸ Эта свадьба также ознаменовала амнистию нескольких тысяч заключённых-корейцев, арестованных во время подавления Первомартовского движения.²⁶⁹

Однако, несмотря на упрощение процедуры заключения брака между корейцами и японцами, вплоть до конца 1930-х гг. ежегодно заключалось не более 1000 подобных брачных союзов. Можно частично согласиться со словами Ланькова о том, что «ни корейцы, ни японцы не горели тогда особым желанием смешиваться: для корейцев японцы были наглыми захватчиками-колонизаторами, а японцам корейцы представлялись такими

---

²⁶⁷ Atkins E. Taylor. The Dual Career of “Arirang”: The Korean Resistance Anthem That Became a Japanese Pop Hit // *The Journal of Asian Studies*. 2007. Vol. 66, No. 3. P. 645-687.

²⁶⁸ Ланьков А.Н. Корейско-японские браки. / Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.kr/articles/gorizonty/2910.html> (26.01.2008).

²⁶⁹ Atkins E. Taylor. *Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945*. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 34.

дикими аборигенами».²⁷⁰ Лишь в начале 1940-х гг. ситуация переменилась, чему больше способствовала массовая миграция корейцев в Японию. В те годы количество межнациональных браков исчислялось уже тысячами, однако заключались они, как правило, на территории Японии. Однако корейские писатели в 1930-е гг. активно использовали описание жизни вымышленных корейско-японских, или даже корейско-русских пар, для того, чтобы попытаться взглянуть на суть противоречий между корейцами и другими народами.²⁷¹

Хотя даже к концу 1930-х гг. японцы и корейцы предпочитали жить и работать отдельно, реалии модернизации и индустриализации Кореи, а также проводимая государством японизация корейцев привела к тому, что бедные и среднеобеспеченные социальные группы японцев становились всё ближе к корейцам.²⁷² Группы богатеющей корейской буржуазии также стремились встать вровень с японцами. Нужно сказать, что *дзайтё: нихондзин*, являясь жителями колонии, были несколько ограничены в правах, по сравнению с жителями метрополии. Поэтому в борьбе за политическое равноправие боролись не только корейцы, но и те японцы, которые проживали в Корее.²⁷³

Хотя взаимная неприязнь, дискриминация и частичная сегрегация сохранялись, в 1920-1930-е гг. была заложена *возможность* преодоления разрыва между корейскими и японским населением полуострова. К сожалению, экспансионистская политика, которую избрало правительство Японии в начале 1930-х гг., и милитаризация всей империи, которая достигла пика в 1941-1945 гг. перечеркнула большинство начинаний в этой сфере.

---

²⁷⁰ Ланьков А.Н. Корейско-японские браки. / Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.kr/articles/gorizonty/2910.html> (26.01.2008).

²⁷¹ Kim Su Yun. Racialization and Colonial Space: Intermarriage in Yi Hyosok's Works // Journal of Korean Studies. 2013. Vol. 18. No. 1. P. 29-59.

²⁷² Чхве Бёнътхэк, Е Джисук. Кёнъсонъ рипхотхы (Кёнсонский репортаж). Сеул, 2009. С. 230-251.

²⁷³ Ки Юджон. Ильбон синминсахвей чонъчхихвальдонъгва Чосонджуыйе кванхан ёнгу: 1936 нён иджоньль чунъсимыро (Исследование прокорейской идеологии («чосонизма») и политической активности японских жителей колониальной Кореи): дис. ... PhD в политологии. Сеул, Сеульский национальный университет, 2011.

Последние годы японского правления (1937-1945). К концу 1930-х гг. японцы по-прежнему сохраняли за собой доминирующее положение в экономической и политической сферах жизни Кореи. Политика японизации, распространение синто и кампания по смене имён не привели к реальному улучшению ситуации. Кроме того, по отношению к корейцам сохранялось презрительное отношение как со стороны японцев, так и со стороны колониальных властей и полиции (где служили как японцы, так и корейцы). Существует множество свидетельств жестокого и грубого их обращения с корейцами и их неприятия политики японизации.²⁷⁴ Но существует не меньше свидетельств того, что далеко не все корейцы истово противились японизации и каким-либо образом конфликтовали с японцами.²⁷⁵ Мы можем утверждать, что в плане межличностных отношений в колониальной Корее легко можно было встретить обе крайности.

Во многом, именно военные годы сформировали у корейцев образ японцев на последующие десятилетия. Генерал-губернаторство в рамках политики *найсэн иттай* предполагало «поглотить» корейцев, в японскую нацию. Практические же различия (фактически - дискриминация) объяснялись тем, что в «японской семье» «жители полуострова» (半島人; яп. *ханто:дзин*), т.е. корейцы должны были занимать положение «младших братьев», в то время как японцы – «старших братьев».²⁷⁶ Хотя важную роль в политике японизации играли и сами корейцы (учителя, публицисты, религиозные деятели и т.д.), фактически линию «нравственного воспитания» «верных подданных императора» вырабатывали и претворяли в жизнь японцы.²⁷⁷

²⁷⁴ Kang Hildi. *Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945*. Ithaca and London, 2005. P. 101-106.

²⁷⁵ Caprio Mark E. *Japanese Narratives on Life in Late-Colonial Korea: From Wartime to Repatriation* // *Journal of Korean Studies*. 2009. Vol. 14, No. 1. P. 117-132.

²⁷⁶ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 390.

²⁷⁷ Кан Ёньсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. *Ильдже сиги кындэджок ильсанъгва синминджи мунхва* (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). Сеул, 2008. С. 89-90, 100-109.

Но последние годы колониального периода были примечательны не только проведением политики японизации. Именно в те годы корейский бизнес получил возможность зарабатывать на военных заказах и развивать отрасли промышленности, связанной с военным производством. Именно корейские предприниматели были одними из тех, кто громче всех высказывался за реальное уравнивание в правах японцев и корейцев и наделение корейцев правом голоса и отправки своих депутатов в парламент.²⁷⁸ Хотя далеко не все японцы были согласны с подобными требованиями, наиболее здравомыслящие понимали, что ценность корейских предпринимателей заключалась как минимум в том, что они могли относительно успешно контролировать рабочих-корейцев. Даже по сведениям работницы генконсульства СССР в Сеуле Ф.И. Шабшиной в 1940-1942 гг. отмечался рост прояпонских настроений среди рабочих.²⁷⁹ И в этом была заслуга не только японской пропаганды, но и корейских предпринимателей и промышленников.

В условиях военной и трудовой мобилизации колониальные власти с 1944 г. начали делать первые шаги по выравниванию заработной платы корейцев (в первую очередь работавших на военном производстве) и японцев, однако подобные меры проводились крайне осторожно.²⁸⁰ Причиной тому было не только вполне естественное желание сэкономить, но и недовольство японских служащих и рабочих, которые видели в этом угрозу своему положению. При этом всё же не стоит забывать, что тяготы войны поразному ощущали не только корейцы, но и японцы – как в Корее, так и в метрополии.

По-видимому, развитие системы образования, жизненно важной для проведения политики японизации, также являлось угрозой для «особого»

²⁷⁸ McNamara Dennis L. Entrepreneurship in Colonial Korea: Kim Yon-su // *Modern Asian Studies*. 1988. Vol. 22. No. 1. P. 165-177.

²⁷⁹ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 58.

²⁸⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 132-150. «Краткий политический обзор по Корее за апрель-октябрь 1944 г.». Л. 139.

положения японцев в Корее. Пак Чхансын приводит замечательный факт: почти 100% охват корейцев начальным образованием был достигнут в течение 15 лет после освобождения Кореи в 1945 г.²⁸¹ При этом, эти 15 лет были отмечены экономическими неурядицами, расколом Кореи и кровопролитной войной. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что даже в тех условиях, когда увеличение охвата образованием корейского населения играло на руку генерал-губернаторству, развитие системы образования было минимальным. И основные причины тому: 1) отказ в необходимости «излишнего» образования для «рабочей силы»; 2) нежелание видеть в корейцах не то что равных, но даже «младших братьев»; 3) в условиях тотальной экономии, экономить предпочитали в первую очередь на корейцах. И если в «мирные» 1920 – 1-ю половину 1930-х гг. подобное отношение Японии и японцев к корейцам могло быть частично завуалировано, то в 1940-е гг. подобное пренебрежительное отношение проявило себя во всей красе.²⁸²

Неудивительно, что когда император Японии объявил о капитуляции своей страны, множество корейцев, по воспоминаниям японцев, «ожесточились» и начали вымещать свою злость на всех видимых символах японского владычества, например «сжигая синтоистские храмы, в которые они сами ходили молиться днём ранее».²⁸³ Подобные свидетельства ярко демонстрируют то, что японизация корейцев, проводимая весьма грубыми методами, и в авральном режиме, была лишь поверхностной, но не изменила самосознания корейцев.

Капитуляция Японии в августе 1945 г. принесла большие перемены и для Японии и для Кореи. 9 августа Советский Союз объявил войну Японии и вторгся в Маньчжурию, а также высадил десанты в ряд корейских портов. 15

²⁸¹ Park Chan Seung. Japanese Rule and Colonial Dual Society in Korea // Korea Journal. 2010. Vol.50, No.4. P. 69-98.

²⁸² Квон Сугин. Синминджи Чосоньй ильбонин (Японцы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхоньгвон. 2008. № 80. С. 109-139.

²⁸³ Caprio Mark E. Japanese Narratives on Life in Late-Colonial Korea: From Wartime to Repatriation // Journal of Korean Studies. 2009. Vol. 14, No. 1. P. 117-132.

августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. Удивительно, но известие о капитуляции не спровоцировало погромов, хотя многие японцы не без оснований опасались за свою жизнь. Расквартированные в Корее части японской армии старались не вмешиваться в происходящее и лишь обеспечивали безопасность японцев.²⁸⁴ За те 2-4 недели, которые последовали с момента объявления о капитуляции и до высадки американских войск в южную часть Кореи, под контролем армии Японии в массовом порядке вывозилось японское население, оборудование с заводов, и всевозможные ценные ресурсы. То, что не удавалось вывезти, уничтожали.²⁸⁵

На Севере, благодаря активному противодействию армии СССР, подобного не произошло и всё ограничилось лишь вывозом японского населения в метрополию. Большая часть из почти 700 тыс. японцев покинула Корею в первые месяцы после капитуляции. Некоторая часть японцев осталась, так как на первом этапе оккупации американские войска предпочитали японцев в качестве переводчиков, полицейских и чиновников.²⁸⁶ Возможно, это было связано с предубеждением американского командования в Корее о том, что корейцы неспособны должным образом управлять своей страной. В результате доходило даже до открытой конфронтации между местными корейскими органами самоуправления и американской администрацией, при поддержке японских чиновников и полицейских. Тем не менее, к 1948 году – году создания Республики Корея и КНДР – японцы были вытеснены из управления и общественной жизни, и в Корее их практически не осталось.

Сохранение отношения генерал-губернаторства к корейцам как к «объектам управления», высокомерное и презрительное отношение к ним со стороны японцев (чего совсем не пытались изменить колониальные власти) были для корейского народа очевидным и постоянным индикатором того,

---

²⁸⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 345-348.

²⁸⁵ Там же. С. 348.

²⁸⁶ Там же. С. 359-367.

какое место было уделено им в Японской империи. И если бы Япония не потерпела поражение в 1945 г., нам представляется очень сомнительным гипотетическое изменение этого положения. Модернизация Кореи, безусловно, является доказанным фактом. Но в первую очередь плодами модернизации пользовалась небольшая часть корейского общества и японцы, проживавшие в Корее. Индустриализация Кореи также проходила в первую очередь с целью развития экономики Японии.

При этом среди корейцев и японцев существовало множество групп с общими интересами. В первую очередь это касается торгово-промышленных кругов. И для японского, и для корейского бизнеса основная масса корейцев рассматривалась как источник доходов. И хотя японизация корейской верхушки была весьма заметной, всё же нельзя отрывать её от корейского общества. В конечном счёте, возможность установления нормальных отношений между корейцами и японцами на массовом уровне не была реализована ни правительством Японии, ни колониальными властями, ни, тем более, частными акторами. Это противоречило как экономическим и геополитическим интересам Японской империи, так и сложившимся у японцев убеждениям и предрассудкам в отношении корейцев, которые они, во многом, пытались продолжать культивировать.

1.3. Оценки японского колониализма в Корее в первой половине XX в. и в конце XX – начале XXI вв.

Споры о плюсах и минусах японского господства в Корее велись с начала XX в. как в самой Корее, так и за её пределами. Пять лет протектората и 35-летний колониальный период для корейцев стали одними из самых мрачных страниц новой и новейшей истории. Но, несмотря на это, колониальный период нельзя однозначно определить как «тёмное», «скорбное» время, когда весь корейский народ страдал от японского господства. Как и большинство подобных периодов в мировой истории,

1905-1945 гг. сочетали в себе множество аспектов, которые по-разному освещались в исторических источниках и научной литературе. Поэтому здесь мы проанализируем основные направления оценок японского колониализма в Корее: сначала применительно к периоду 1905-1945 гг., а затем – к 1990-2010-м гг., чтобы выявить изменения и зависимость содержания материалов от политических и мировоззренческих факторов.

Японские оценки колониальной политики в Корее (1905-1945). В предыдущих параграфах было показано, что представляла собой колониальная модернизация Кореи. Здесь же мы в первую очередь попытаемся рассмотреть очень любопытные попытки Японии выстроить свой образ как успешного государства-колонизатора, владеющего собственными колониями и успешно управляющего ими. В первую очередь это было рассчитано на западные державы, под которыми здесь мы, помимо Европы, также подразумеваем США и Канаду. Хотя впервые подобную тактику Япония опробовала после колонизации Тайваня в 1895 г., Корея представлялась более удачным предметом для пропаганды, поскольку большую часть своей истории она была независимым государством, в отличие от Тайваня, который был глухой китайской провинцией.

В данной работе мы решили выделить группу англоязычных публикаций генерал-губернаторства Кореи, а также публикации «центрального» Банка Кореи и Восточной колонизационной компании. Несомненно, зачастую достоверность данных, приводимых в таких изданиях могут показаться сомнительными, но стремление Японии вписаться в колониальный дискурс начала XX века вынуждало её придерживаться определённой степени откровенности.²⁸⁷ Многие данные, приведённые в этих, на первый взгляд, исключительно рекламных изданиях, подтверждаются сторонними источниками. Для нас же здесь задачей является выявление тех аспектов колониальной политики Японии, которые представлялись важными

---

²⁸⁷ Ильдже синминджи сигий тхончхи чхедже хёнсонъ (Формирование системы управления Кореей в колониальный период). Сеул, 2006. С.317-321.

для колониальных властей и японского бизнеса, и которые они считали нужными рекламировать за рубежом.

В первую очередь мы уделили внимание «Ежегодным отчётам о реформах и развитии в Корее, которые публиковались вплоть до 1937 г., когда надобность в подобной презентации для Японии отпала. Для того чтобы показать смену акцентов колониционной политики мы выбрали два издания: за 1910-1911 гг. и за 1921-1922 гг. Общие различия между изданиями, по всей видимости, полностью продиктованы переходом к т.н. политике «культурного управления» в Корее. В годовом отчёте за 1910-1911 гг. один из первых разделов называется «Мир и порядок». Довольно объёмный раздел посвящён не только вопросам обороны и полиции, но подробно описывает результаты контроля над различными собраниями и обществами, контроля над распространением нелегальной прессы и борьбой с «незаконным освоением земель» (т.е. борьба с *хваджонминами*) и «бандитами».²⁸⁸ В целом первый отчёт после аннексии явно отражает цели и стремления Японии – подавляющее большинство глав так или иначе уделены «наведению порядка» либо развитию экономики, в особенности в области добывающей промышленности. Глава «Образование», состоящая из 23 страниц (общий объём издания – 268 страниц) красноречиво была расположена в конце книги.²⁸⁹

Со временем, однако, теме образования колониальной власти стали уделять всё больше внимания, акцентируя внимание на сложностях, с которыми приходилось сталкиваться в ходе «просвещения» корейцев. В «Справочнике по образованию в Корее» 1920 г. подробно расписывалась поддержка государством развития школ самых разных направлений, однако если внимательно сопоставить официально заявленные объёмы развития системы образования с ростом населения Кореи, результаты получатся не столь впечатляющие. Тем не менее, стоит признать успехи властей в деле

---

²⁸⁸ Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11). Keijo (Seoul), 1911. P. 78-90.

²⁸⁹ Ibid. P. 222-234.

привлечения корейцев к преподаванию в школах – если в 1911-1912 гг. около 80% учителей и преподавателей были японцами, то к 1918 г. их число снизилось до 50-60%.²⁹⁰ Однако даже по официальным данным департамента образования генерал-губернаторства, охват корейского населения полуострова образованием был просто ничтожным, в сравнении не только с Японией, но даже с японским населением Кореи.²⁹¹

Первомартовское восстание 1919 года, помимо необходимости введения послаблений в самой Корее, поставило генерал-губернаторство перед необходимостью улучшения своего имиджа, в первую очередь в США. В годовом отчёте за 1921-1922 гг. поставил образование третьим пунктом оглавления, вслед за административными и финансовыми реформами. Главу, посвящённую полиции (ужатую до всего 10 страниц) переместили практически в самый конец отчёта. Также в отчёте появился подробный раздел, посвящённый распространению религии в Корее, в особенности христианства, где японское генерал-губернаторство в недвусмысленных выражениях дало понять, что оно готово к сотрудничеству с христианскими церквями, если их миссионерская работа не будет выходить за рамки, определённые колониальными властями.²⁹²

Вероятно, выраженное здесь отношение к христианству во многом объясняется желанием улучшения отношений между Японией и Великобританией с США, в том числе в свете проходившей незадолго до выхода книги в свет (1923 г.) Вашингтонской конференции 1921 – 1922 гг., во время которой, помимо прочего, был подписан договор между США, Великобританией, Францией и Японией, который предусматривал взаимное уважение прав на территории в Тихоокеанском регионе, принадлежавшие этим державам. Таким образом, Япония пыталась обезопасить себя от иностранного вмешательства в корейские дела. Кроме того, нас есть

---

²⁹⁰ Manual of education in Chosen. Seoul, 1920. P. 48-49.

²⁹¹ См. Приложение 11.

²⁹² Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. P.107-113.

основания утверждать, что Япония не только на бумаге, но и на деле стала уделять намного больше внимания религиозной политике, в первую очередь в отношении христиан.

В отчёте за 1921-22 гг. не только стали фигурировать данные по количеству корейцев, владеющих японским языком, но и признаётся необходимость знания корейского языка для японских чиновников, постоянно контактирующих с корейцами. Правда успехи в деле обучения чиновников генерал-губернаторства корейскому языку были более чем скромные – в 1922 году корейским владело лишь 674 чиновника-японца.²⁹³

Другая, наиболее многочисленная, группа официальных изданий – тематические сборники, посвящённые какой-то определённой проблеме – например, административным или образовательным реформам. Первое издание, которое мы здесь рассмотрели – 95-страничная брошюра «Результаты трёхлетнего управления Кореей с момента аннексии», в основе которой лежит, как сказано в её предисловии, доклад, представленный первым генерал-губернатором Тэраути Масатакэ в 1914 году императору Японии. С первых страниц автор излагает официальную цель Японии: «Превратить обветшалое королевство в процветающую и богатую страну».²⁹⁴ Подобный оборот почти дословно использовался не только в официальных изданиях генерал-губернаторства, но и в публикациях зарубежных публицистов и исследователей, в частности американских.

Далее автор брошюры кратко упоминает о наличии «проблемы бунтовщиков» и, не сказав ничего об их целях, заверяет читателей, что к моменту написания книги эта проблема сошла на нет, благодаря усилиям жандармерии и полиции.²⁹⁵ Затем следует переход к длинному и подробному описанию экономических вложений Японии в развитие Кореи. Особо отмечаются успехи в развитии транспорта. Тем не менее, надо отметить, что

²⁹³ Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. P. 104-105.

²⁹⁴ Result of three years' administration of Chosen since annexation. Seoul, 1914. P. 1-2.

²⁹⁵ Ibid. P. 8-10.

глядя на впечатляющие показатели вложений в развитие экономики Кореи нельзя не учитывать тот факт, что к тому моменту значительная часть крупной промышленности и инфраструктуры была в руках японских подданных. Также, можно вспомнить о грабительской земельной реформе, когда отсутствие письменных доказательств владения землёй приводило к потере наделов. Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что вкладывая деньги в Корею, Япония в первую очередь улучшала то, что напрямую принадлежало её собственным подданным. ●

Центральная идея следующих двух изданий – административные и общественные реформы в начальный период проведения «культурной политики». В первой книге, изданной непосредственно генерал-губернаторством – «Новая администрация в Корее» (1921 г.) – красной нитью проходит тема «гармонизации отношений между японцами и корейцами».²⁹⁶ Упоминается также необходимость знания корейского языка для тех, кто работает с корейцами «на местах» - за это полагались надбавки к окладу.²⁹⁷ Провозглашалось «уважительное отношение к корейским обычаям и культуре», а также необходимость доступности образования для корейцев, как начального, так и высшего.²⁹⁸ Здесь мы можем отчётливо увидеть смену риторики – если издание 1914 года говорило о «необходимости просвещения и развития отсталого государства», в целом нелестно характеризуя корейцев, то издание 1921 года уже относится к ним как к достойным идти своим собственным путём развития (правда, лишь в области религии и традиций) под прямым руководством Японии. Что интересно, развитию экономики и промышленности суммарно уделено не более половины от всего объёма издания – своеобразный рекорд для генерал-губернаторства, которое предпочитало демонстрировать свои успехи используя преимущественно статистические выкладки.

---

²⁹⁶ The new administration in Chosen. Seoul, 1921. P. 8-12.

²⁹⁷ Ibid. P. 67-70.

²⁹⁸ Ibid. P. 20-30.

Другое издание – «Административные реформы в Корее» – представляет собой сборник статей из англоязычной газеты «The Seoul Press», издаваемой генерал-губернаторством. Не вдаваясь в подробности, здесь стоит сказать лишь то, что статьи откровенно рекламируют политику «культурного управления» Сайто Макото, стараясь играть на чувствах читателей, зачастую занимаясь словесной эквилибристикой. Данный сборник, в отличие от описанных выше, можно привести как пример издания, ориентированного на относительно массового зарубежного читателя. В нём полностью отсутствуют какие-либо цифры и статистические выкладки – создание положительного образа Японии осуществляется лишь за счёт ничем не подкреплённых деклараций о намерениях.²⁹⁹

Издания Банка Кореи являются очень ценным историческим источником, так как в них, преобладает описание экономических достижений в развитии Кореи – одна из главных тем японских публикаций, посвящённых генерал-губернаторству. Однако, в данном случае нам интересны не статистические таблицы. Представляются любопытными то и дело проскальзывающие высказывания о необходимости использовании корейцев не только для развития самой Кореи, но и для развития Японии. Например, в книге «Экономические очертания Кореи и Маньчжурии» идёт упоминание о сырьевом характере корейского экспорта, который практически полностью шёл в Японию, несмотря на вложение крупных средств в развитие промышленности.³⁰⁰ Или же довольно простодушный (особенно с современной точки зрения) пассаж в другом издании – «Иллюстрированные Корея и Маньчжурия», в котором говорится о «большой физической силе корейцев», которые, однако «презирают труд», что является «проклятием Кореи». Тем не менее, по словам издания «в последнее время эта привычка уходит в прошлое, работают не только мужчины, но и женщины, которые

---

²⁹⁹ Administrative reforms in Korea. Seoul, 1919. 74 p.

³⁰⁰ Economic outlines of Chosen and Manchuria. Seoul, 1918. P. 26-30.

показывают замечательные результаты» и в целом «умелый труд будет одной из важнейших ценностей в будущей Корее».³⁰¹

Насколько известно, информацией из подобных изданий активно пользовались не только в США, например в солидных журналах («The Outlook», «Scribner's Magazine», «Political Science Quarterly», «The Nation», «The Review of Reviews» и др.),³⁰² но и советские исследователи.³⁰³ Однако напомним, что использование официальных данных не подразумевает автоматического принятия их на веру, поэтому переоценивать значимость этих публикаций тоже не стоит.

Можно с уверенностью сказать, что использование официальных публикаций генерал-губернаторства Кореи на английском языке может заметно помочь в реконструкции изменений во внутренней и внешней политике Японии в Корее и Маньчжурии. По ним можно проследить как проведение жёсткой колониальной политики в 1910-х гг., так и её смягчение в 1919-1929 гг., что во многом обуславливалось изменением внешнеполитической ситуации. Если в 1910-х гг. Япония нужна была Англии, а затем и США как союзник в Первой мировой войне, то после окончания мировой войны в англо-японских и японо-американских отношениях стала усиливаться напряжённость. Наконец, очередная смена политической конъюнктуры прослеживается в первой половине 1930-х гг.

Мы полагаем, что подобные издания вполне могли играть заметную роль в формировании общественного мнения англофонных стран. Зачастую в англоязычных изданиях, которые предназначались для чтения за пределами Кореи, можно встретить более открытые высказывания на тему эксплуатации Кореи как колонии, по той причине, что колониальный дискурс в США и Англии вполне благоприятствовал такому положению дел до начала

---

³⁰¹ Pictorial Chosen and Manchuria. Seoul, 1919. P. 37.

³⁰² Ильдже синминджи сигий тхончхи чхедже хёнсонъ (Формирование системы управления Кореей в колониальный период). Сеул, 2006. С. 326-327.

³⁰³ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. С. 178-179.

открытого столкновения с Японией. В этом свете использование англоязычных изданий генерал-губернаторства Кореи, на наш взгляд, представляется необходимым как при проведении исследований, посвящённых внешней политике Японии, так и при исследовании внутренней политики, проводимой Японией в колониальный период на Корейском полуострове.

Западный дискурс о колониальной Корее (1905-1945). Под западным дискурсом, в данной работе, мы подразумеваем англоязычный дискурс. В англоязычном дискурсе о колониальной Корее в указанный период можно выделить прояпонское, прокорейское и умеренное направления. Представители первого направления как правило рассматривали корейцев как «колониальных аборигенов», но далеко не всегда их взгляды формировались под воздействием японцев. Основная проблема заключалась в том, что зачастую сторонники «колониального» взгляда на корейцев находились в Корее недолго, проездом, посетив перед этим Японию, вследствие чего Корея представлялась им «сонным царством», жители которого – «прирожденные лодыри, скандалисты» ведущие «летаргическое, бесцельное существование». ³⁰⁴ Стоит отметить, что немало авторов подобных опусов не были специалистами по Востоку, поэтому их обзорные работы и путевые записки крайне субъективны. Однако даже в подобных работах встречается объяснение подобного поведения корейцев и их неприязни к японцам. Как правило, авторы писали про отношение японцев к корейцам как к людям второго сорта и про жестокие репрессии в отношении корейцев-христиан. ³⁰⁵

«История Кореи», написанная бывшим британским консулом в Японии Джозефом Генри Лонгфордом (1849-1925), состоит из более сдержанных

---

³⁰⁴ Terry T. Philip. Japanese Empire Including Korea and Formosa. Boston, New York, London, Tokyo, 1914. P. 718-724.

³⁰⁵ Cameron W.H. Morton, Feldwick W. Present day impressions of Japan; the history, people, commerce, industries and resources of Japan and Japan's colonial empire, Kwantung, Chosen, Taiwan, Karafuto. Chicago, 1919. P. 843-844.

выражений. Однако Лонгфорд, не скрывавший своих прояпонских взглядов, не удержался от критики в адрес корейских министров и чиновников.³⁰⁶ Для японофила Лонгфорда довольно необычно детальное упоминание о жёстких и жестоких мерах осуществления Японией протектората над Кореей: переселение в Корею «отребья из своей страны» (т.е. из Японии), оправдание оккупации «пустыми фразами о военной необходимости», «разграбление домов и земель [японскими] солдатами и чиновниками».³⁰⁷ Однако тут же находится объяснение – неумелую колониальную политику Японии в Корее Лонгфорд сравнивает с аналогичной политикой Великобритании в Египте, разумеется, не в пользу первой.

Среди известных прояпонски настроенных работ, хотелось бы отметить книгу американца Джорджа Трамбалла Лэдда (1842-1921) «В Корее с маркизом Ито», которая, как и многие тогдашние работы по Корее была сборником путевых записок.³⁰⁸ Лэдда, который был известен как философ и богослов, в 1906-1907 преподавал в Японии, где был награждён орденом Восходящего солнца. Весной 1907 г. Лэдд, по приглашению своего знакомого генерал-резидента Ито Хиробуми, посетил Корею. Не вдаваясь в подробности, мы можем сказать, что хотя Лэдд изначально был настроен скорее «за японцев», чем «против корейцев», но он неоднократно отмечал «леность», «упрямство» и «глупость», сравнивая Корею с колониальной Индией. После отъезда из Кореи Лэдд не изменил своих взглядов и неоднократно публиковал статьи, которые, хоть и не имели большой научной ценности, оказывали на общественное мнение США заметное влияние.³⁰⁹

Если у Лэдда впечатление о Корее сложилось в течение недолгого путешествия в компании японцев, то американский миссионер Гомер Халберт (1863-1949), проживший в Корее почти 20 лет (1886-1907) смог

³⁰⁶ Longford Joseph H. The story of Korea. London, 1911. P. 357-359.

³⁰⁷ Ibid. P. 362-363.

³⁰⁸ Ladd George Trumbull. In Korea with Marquis Ito. London, New York, 1910. 519 p.

³⁰⁹ Ladd George Trumbull. Economic and Social Changes in Korea // The Journal of Race Development. 1910. Vol. 1. P. 248-253; Ladd George Trumbull. The Development of Korea in Most Recent Times // The Journal of Race Development. 1918. Vol. 8. P. 431-438.

составить о корейцах более беспристрастное мнение. В одной из своей самой известной работе «Уходящая Корея», Халберт прямо пишет, что оформление японского протектората стало для Кореи «началом конца».³¹⁰ Активная общественная деятельность Халберта, призванная прояснить для западной общественности всю неприглядность сложившейся ситуации привела к тому, что в 1907 г. при непосредственном участии японского генерал-резидентства, он был выслан из Кореи, куда смог вернуться лишь в 1948 г. Хотя Халберт и поддерживал Первомартовское движение, однако считал, что в ближайшем будущем Корея не смогла бы добиться независимости своими собственными силами, без поддержки извне.³¹¹

Причиной настороженного отношения генерал-губернаторства Кореи к христианам были, помимо прочего, их активные связи за рубежом. Кроме того, именно христиане-корейцы, в первую очередь в США, вели активную антияпонскую пропаганду. Например, член методистской церкви и активный участник Первомартовского движения Син Хынъу (1883-1959), в книге «Возрождение Кореи» разъяснял причину и суть Первомартовского восстания для англоговорящей аудитории, не жалея чёрных красок для описания японского колониализма.³¹² Стоит отметить, что как и многие видные религиозные деятели колониального периода, в конце XX в. Син Хынъу был включён в «списки *чхинильпха*» (прояпонских деятелей).

Наконец, стоит упомянуть и работах канадского журналиста Фредерика Маккензи (1869-1931), который получил известность в первую очередь благодаря посещения им лагеря *ыйбён* - корейских партизан, где он помимо прочего, сделал известный снимок группы партизан во главе с командиром, одетым в форму корейской армии.³¹³ Маккензи, который в разное время побывал в Японии, Корее и Китае, честно отмечал, что многие иностранцы, в

³¹⁰ Hulbert Homer B. The Passing of Korea. New York, 1906. P. 208.

³¹¹ Hulbert Homer B. Japan in Korea // Journal of International Relations. Worcester, 1920. Vol.10, № 3. P. 270-277.

³¹² Cynn Hugh Heung-wo. The rebirth of Korea: the reawakening of the people, its causes, and the outlook. New York, 1920. 272 p.

³¹³ McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. New York. 1908. P. 197-208.

том числе он сам (по его словам, «на тот момент») приветствовали приход японцев, в надежде, что под управлением Японии Корея избавится от «коррупции и поборов *янбанов* и высокопоставленных корейских чиновников».³¹⁴ Однако обстоятельства заключения договора о протекторате и первые карательные мероприятия японцы окончательно убедили Маккензи в исключительно эгоистических интересах Японии в Корее.³¹⁵

Впоследствии Маккензи активно критиковал колониальную политику Японии, за что его сильно невзлюбили в японской прессе.³¹⁶ После Первоапрельского восстания в Корее он призвал американское общество обратить внимание на Корею и не поддаваться «коварной японской пропаганде», внушавшей, что корейцы не способны к самоуправлению. По его словам, хотя старое корейское правительство «было коррумпировано и заслуживало гибели», но сами корейцы, в массе своей, «проявляли свои способности при первой возможности» и заслуживали того, чтобы их мнение учитывалось.³¹⁷ К сожалению, Первоапрельское восстание, как и публикация данной работы пришлось на 1919-1920 гг., когда западный мир обращал куда больше внимания на Европу, где только что закончилась Первая мировая война, и на Россию, где шла гражданская война.

Отдельное внимание хочется уделить замечательному труду А.И. Гражданцева (1898/1899-?), который с 1924 г. жил в Харбине, некоторое время преподавал в Тяньцзине, посещал Корею и Японию, а с 1937 г. обосновался в США.³¹⁸ Будучи экономистом по образованию, Гражданцев, на основе своей диссертации, в 1944 г. опубликовал работу «Современная Корея», в которой, используя обширные статистические данные, выступал с критикой японского режима управления Кореей.³¹⁹ Ценность его работы

³¹⁴ McKenzie F.A. The colonial policy of Japan in Korea. London, 1906. P. 7-8.

³¹⁵ Ibid. P. 18-20.

³¹⁶ McKenzie F.A. Korea's fight for freedom. New York, Chicago, London, Edinburgh, 1920. P. 10-11.

³¹⁷ Ibid. P. 316-318.

³¹⁸ Oregon State College Catalog 1944-45. Corvallis, 1944. № 143. P. 30.

³¹⁹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. 330 p.

была признана даже в СССР, где после 1945 г. срочно понадобились качественные работы по Корее и её экономике, поэтому книга Гражданцева в 1948 г. была издана на русском языке, подвергшись при этом некоторой редактуре.³²⁰ Работу Гражданцева стоит выделить и потому, что он начал заниматься изучением Кореи задолго до того, как отношения между США и Японией значительно ухудшились, а затем прервались войной.

Специфика отечественных работ о Корее в 1905-1945 гг. во многом обусловлена тем, что Россия активно боролась за сохранение и усиление своего влияния в Корее. Однако после русско-японской войны (1904-1905) большая часть информации по Корее поступала либо от дипломатов, либо от путешественников (в т.ч. учёных и журналистов), побывавших в Корее проездом. По понятным причинам, у них не было иллюзий относительно японского колониального режима, но порой также присутствовала и некоторая его демонизация.³²¹ Для более подробного и детального ознакомления с историографией Кореи рассматриваемого периода мы можем порекомендовать монументальный труд М.Н. Пака «История и историография Кореи».³²² Здесь же мы лишь отметим общие тенденции отечественных работ, посвящённых Корее.

После окончания русско-японской войны Корею часто посещали русские журналисты, которые отмечали сильную японизацию крупных городов, особенно Сеула и Пусана. Причём, зачастую для Пусана использовали его японское название Фудзан (или, ошибочно, Фусан), подчёркивая этим его «японскость». При этом, отмечая развитие транспортной инфраструктуры и постепенно «осовременивание» городов, русские журналисты неоднократно отмечали «возмутительное отношение всех японцев к корейцам».³²³ Схожую картину отмечал П.Ю. Шмидт (1872-1949), который, посетив Корею в 1900 г., в 1927 г. отмечал «колоссальную

³²⁰ Гражданцев А.И. Корея. М., 1948. 448 с.

³²¹ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 162.

³²² Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. 911 с

³²³ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 268-261.

разницу» и «удивительное превращение» образа Кореи за эти 27 лет. Нужно отметить, что Шмидт нисколько не скрывает того, что фактически ему провели экскурсию японские чиновники, которые вряд ли хотели заострять внимание на проблемах Кореи. Поэтому неудивительно несколько предвзятое отношение Шмидта к японской «модернизации» Кореи.³²⁴

Аннексия Кореи в печати Российской империи рассматривалась негативно, а стремление корейцев освободиться от японского гнёта всячески одобрялось.³²⁵ После Октябрьской революции, образования СССР и создания Коминтерна, «страдания корейского народа под гнётом японского империализма» стали в Советском Союзе центральной темой. Активно писала о колониальной Корее нарождавшаяся в СССР 1920-х гг. корейская интеллигенция. Основное внимание при этом уделялось национально-освободительному и рабочему движению, аграрному вопросу и экономическому ограблению Кореи.³²⁶ В целом, вплоть до 1945 г. в СССР риторика в отношении колониальной Кореи оставалась прежней: японцы представлялись как оккупанты, расхищающие богатства Кореи, а корейцы – как народ, страдающий под пятой завоевателей. Дискурс о Корее в этом плане был аналогичен с советским дискурсом любой другой колонии, но специфическим фактором было то, что большинство авторов, писавших по этой тематике, были советскими корейцами.

Помимо советских корейцев, статьи о Корее публиковались также путешественниками, посетившими Корею проездом,³²⁷ или советскими дипломатами, которые с 1925 г. пребывали в Корее на постоянной основе.³²⁸ В них японское управление Кореей изображалось в исключительно чёрных красках, а «достижения по модернизации Кореи» оправдывались (и не без причин) лишь желанием Японии развивать ресурсодобывающую и

³²⁴ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 289-298.

³²⁵ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 165-167.

³²⁶ Колониальная Корея. Из публикаций в СССР 1920-1930-х гг. Тула, 2006. 408 с.

³²⁷ Там же. С. 302-309.

³²⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 165.

промышленную базу. Репрессии конца 1930-х гг. коснулись множества советских корейцев, вследствие чего специалистов по Корее осталось крайне мало.

В этом свете особо ценными для нас являются работы Ф.И. Шабшиной (Куликовой) (1906-1998), которая в 1940-1946 гг. работала в генеральном консульстве СССР в Сеуле. Находясь в Сеуле в годы войны, Шабшина получила возможность наблюдать за ситуацией в Корее в то время, когда остальных иностранцев там оставалось очень мало. В мемуарах Шабшиной заметна «прокорейская» и «антияпонская» позиция, однако Шабшина признаёт, что среди японцев было много здравомыслящих людей, которые умеренно критиковали политику колониальных властей.³²⁹ Используя как официальные источники на японском языке, так и беседы с корейским и японским населением полуострова (преимущественно Сеула), Шабшина в своих работах старается сохранять баланс между фактами и личными впечатлениями, в целом критически относясь к колониальному режиму. В целом же, в СССР, отношение к японскому колониальному режиму, по объективным, в том числе и политическим причинам, было резко негативным.

Конец XX – начало XXI вв. Современный дискурс колониального периода истории Кореи, хотя во многом сформировался в течение второй половины XX в., на данный момент имеет свою специфику. Для начала, мы изучили тенденции **современного южнокорейского дискурса** – в первую очередь научного. Хотя идеологическое и общественное давление присутствует, в определённой степени, и в Республике Корея, в КНДР позиция в отношении колониального периода, насколько нам известно, не изменилась с 1950-х гг. и рассматривается лишь мельком, как период оккупации и разграбления.³³⁰ На Юге колониальный период (кор.

³²⁹ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 56.

³³⁰ Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952. 191 с.

синминджиги/синмин сидэ) зачастую именуется «японским имперским периодом (кор. *ильдже сидэ/ильдже сиги*) или даже «периодом насильственной оккупации Японской империей» (кор. *ильдже канъджомги*). Однако изучается этот период куда подробнее, чем на Севере. Кроме того, немало южнокорейских специалистов активно ведут научную деятельность в других странах, в первую очередь в США, где у них есть возможность исследовать более широкий спектр тем, нежели у себя на родине.

Если рассматривать проблему колониальной модернизации, то в Республике Корея мы можем выделить три основных подхода, которые мы условно можем назвать «критическим», «умеренным» и «ревизионистским». В качестве яркого представителя первого подхода мы можем назвать профессора Сеульского государственного университета Син Ёнха (род. 1937), который в своих работах постоянно подчёркивает грабительскую политику Японии в отношении Кореи.³³¹ Стоит сказать, что Син Ёнха активно привлекает самые разнообразные источники, поэтому нельзя сказать, что его утверждения о грабительской земельной реформе 1910-х гг., выкачке продовольствия из Кореи и грубой политике японизации ничем не подтверждены.³³² Но совершенно очевидно, что в работах Син Ёнха, как и в работах других представителей этого направления, отдаётся предпочтение фактам, очерняющим колониальный период, в то время как неоднозначные положительные факты как правило обходятся стороной.³³³ Важную роль в дискурсе представителей этого направления, помимо «колониального ограбления» Кореи и «культурного геноцида», занимают вопросы трудовой и воинской мобилизации, которые, по их мнению, доказывают, что Корея для Японии была лишь средством обеспечения имперского могущества.³³⁴

³³¹ Син Ёнха. *Ильдже синминджи чонъчхэкква синминджи кындэхварон пипхан* (Японская колониальная политика и критика колониальной модернизации). Сеул, 2006. 613 с.

³³² Там же. С. 270-271, 331-332, 416-424.

³³³ Там же. С. 583.

³³⁴ Там же. С. 317-318, 355-360, 431.

Подобный подход в наше время является наиболее распространённым в южнокорейском общественном дискурсе и активно подогревается СМИ и общественными деятелями. Например, Ким Самун (род. 1943), публицист, профессор Университета Сонгюнган и директор музея независимости Кореи в 2004-2008 гг., в своей работе «Насколько же Япония навредила Корее?», красноречиво озаглавил пролог к своей книге «Гекатомба 8 миллионов корейцев».³³⁵ Мы полагаем, что заголовок книги достаточно описывает её суть, поэтому в целях экономии воздержимся здесь от подробного её разбора. Можно лишь упомянуть, что в ней, помимо стандартных тем, уделяется значительное внимание проблеме *вианбу* – «женщинам для комфорта», т.е. работницам военных борделей, многие из которых были завербованы принудительно.³³⁶ В патриархальном корейском обществе работа в борделях осуждалась вне зависимости от условий попадания в них, поэтому лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. тема *вианбу* была поднята в Корее как доказательство агрессивной политики Японии. Хотя проблема *вианбу*, как и проблема территориальной принадлежности островов Токто (яп. Такэсима, также Лианкур) представляются нам весьма интересными, в плане исследования наследия колониального периода, их изучение выходит за рамки данной работы, поэтому более подробно здесь мы их не рассматриваем.

В издаваемых в России переводных работах корейских авторов колониальный период как правило, рассматривается критически, преимущественно через призму «грабительской колониальной политики»³³⁷ или даже «военно-террористического режима японского империализма».³³⁸

Существуют и более сбалансированные, «умеренные» работы, где колониальный режим по-прежнему представлен как «тёмное время» истории

³³⁵ Ким Самун. Ильдже Чосоньль ольмана манъчхёссылькка (Насколько же Япония навредила Корее?). Сеул, 1998. С. 13.

³³⁶ Там же. С. 197-207.

³³⁷ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. 464 с.

³³⁸ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. 758 с.

Кореи, но авторы признают то, что колониальные годы оказали значительное влияние на дальнейшую историю Кореи. Действительно, мобилизационные меры 1930-1940-х гг. и милитаризация, вкуче с официально пропагандируемым антикоммунизмом во многом сформировали образ мышления людей, которые активно участвовали в политической и общественной деятельности после 1945 г. как на Юге, так и на Севере Кореи.³³⁹ Также нельзя отрицать того, что многие крупные южнокорейские компании и конгломераты-*чеболь* ведут свою историю с 1930-х гг., когда развивать свой бизнес корейцы могли только при условии определённого сотрудничества с колониальными властями.³⁴⁰ Наконец, не является секретом и то, что, несмотря на отрицание всего японского, система образования, пропаганда, общественные проправительственные организации на Юге формировались под сильным влиянием колониального периода и, во многом, по японским образцам. Но нельзя не отметить, что Корейская война 1950-1953 гг. оказала разрушительное воздействие на экономики Севера и Юга, а потому модернизация Кореи 1960-1970-х гг. вряд ли является заслугой Японии.³⁴¹

В изданных в 2000-х гг. японских учебниках для старших школ, отношения между японцами и корейцами в 1910-1940-е гг. представлялись преимущественно в положительном свете, а о существовании корейского национально-освободительного движения вообще умалчивалось.³⁴² Подобный подход корейскими учёными и общественностью был расценен как ревизионистский, и вызвал сильную критику. При этом корейцами было обнаружено «искажение истории» в учебниках не только в отношении

---

³³⁹ Пан Киджун, Чон Санъсук, Ли Чунсик и др. Синминджи пхасиджымый юсангва кыкпугый квадже (Наследие колониального фашизма и проблемы Дальнего Востока). Сеул, 2006. С. 128-134.

³⁴⁰ Там же. С. 154-163.

³⁴¹ Yang Jonghoe. Colonial Legacy and Modern Economic Growth in Korea: a critical examination of their relationships // *Development and Society*. 2004. № 33.1. P. 1-24.

³⁴² Чон Чэджон. Ильбонса кёгвасое кисультвен синминджи чибэва минджок ундонъ (Как описывается японская колониальная политика и корейское освободительное движение в японских учебниках) // *Ханиль квангеса ёнгу*. 2008. № 30. С. 245-293.

первой половины XX в., но и относительно древней истории Кореи и раннего средневековья, где неоднократно указывается на подчинённое положение корейских царств по отношению к Японии.³⁴³ Здесь можно провести явные параллели с работами 1920-1930-е гг. «Общества по составлению истории Кореи» (朝鮮史編修會; кор. *Чосонса пхёнсухве*), задачей которого являлось создание «единой» истории Японии и Кореи на основе древних корейских хроник.

Однако подобные взгляды представляют собой крайности, в то время как возможно больше внимания стоит уделять «умеренно» настроенным специалистам – как корейским, так и японским (о которых речь пойдёт чуть позднее). В этом плане стоит сказать о довольно взвешенной работе профессора Католического университета Кореи Чон Ёнтхэ «Корейская современность и споры о колониальной модернизации». В ходе критического осмысления колониального периода и модернизационных процессов в Корее, Чон Ёнтхэ пришёл к выводу, что в сложносоставном обществе колониальной Кореи существовало множество социальных групп, которые, взаимодействуя между собой, модернизировали Корею. В эти группы входили как корейцы, так и японцы.³⁴⁴ По мнению Чон Ёнтхэ, который соглашается с фактом колониальной эксплуатации Кореи, колониальный период, как и всю современную корейскую историю, следует рассматривать с позиции корейского национализма. При этом, что важно, корейский национализм не должен базироваться на антияпонской платформе, поскольку это, по словам Чон Ёнтхэ, неконструктивно и искажает представление о корейской истории.³⁴⁵

---

³⁴³ Чхве Хеджу. Кындэ ильбоный хангуксагва ёксавэгок (Взгляды на историю Кореи в современной Японии и искажение истории) // Хангук тонънип ундонъса ёнгу. 2010. № 35. С. 273-313; Сиротко-Сибирская Н.С. Проблема японских школьных учебников: Корея, Китай и «Фусося» // Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.kr/articles/3185.html> (27.06.2005).

³⁴⁴ Чон Ёнтхэ. Хангук кындэва синминджи кындэхва нонджэнь (Корейская современность и споры о колониальной модернизации). Сеул, 2011. С. 518.

³⁴⁵ Там же. С. 519-520.

Завершая обзор южнокорейского исторического дискурса, мы обращаем внимание на третий, «ревизионистский» подход, который, по понятным причинам не особо распространён в Корее. Сторонники этого подхода склонны критически оценивать корейский националистический подход к истории, считая, что он искажает восприятие исторической реальности. Однако, учёные Республики Корея, выступавшие с подобными заявлениями, подвергались и подвергаются обструкции, вплоть до наших дней. Поэтому большинство сторонников «ревизионистского» подхода в Южной Корее являются публицистами и не связаны напрямую с академической наукой.

Примером носителя такой точки зрения может служить Ким Вансоп (род. 1963), который активно участвовал в демократическом восстании в Кванджу (18-27 мая 1980 г.), которое было жестоко подавлено правительственными войсками. Мы считаем, что это оказало решающее влияние на формирование мировоззрения Ким Вансопа, который критикует современную южнокорейскую власть, считая, что очернение колониального периода является попыткой замолчать неприглядные факты. За это его неоднократно обвиняли в «прояпонском» взгляде на историю и «гламуризации» колониального периода.

Нельзя не согласиться с мнением Ким Вансопа относительно того, что современные острые вопросы в японо-корейских отношениях сформировались преимущественно в 1990-е гг., в том числе проблему *вианбу*.³⁴⁶ Также, по словам Ким Вансопа, японцы «всею лишь унаследовали от династии ванов владение Кореей», т.к. ван не захотел опереться на простой народ.³⁴⁷ Кроме того, Ким Вансоп считает, что «по-видимому, в 1904-1905 гг. Япония была единственной силой, способной провести реформы в Корее», поскольку консолидирующие силы внутри самой Кореи отсутствовали.³⁴⁸ Хотя значительная часть этих утверждений представляются

³⁴⁶ Ким Вансоп. *Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ* (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. С. 82-83.

³⁴⁷ Там же. С. 141.

³⁴⁸ Там же. С. 29.

нам весьма спорными, стоит отметить, что многие западные исследователи, не склоняясь к корейской националистической точке зрения, частично разделяют мнение Ким Вансопа, не используя при этом столь резкие формулировки.

В Республике Корея к началу XXI в. изучение проблемы колониальной модернизации остаётся преимущественно уделом учёных, в то время как официальная точка зрения корейских властей и корейской системы образования состоит в том, что было лишь колониальное разграбление. Аналогичный подход используется и в отношении ассимиляционной политики Японии в Корее и проблемы ведения множеством корейцев прояпонской деятельности в колониальные годы, что мы подробнее рассмотрели во второй и третьей главах данной работы. Помимо проблемы *вианбу*, и компенсаций им, а также насильственно мобилизованным корейцам, в Республике Корея на государственном уровне «подняты на знамя» территориальный спор вокруг островов Токто (Такэсима, Лианкур), который является скорее плодом 1950-х гг., проблема «искажения истории» в японских учебниках, проблема «женщин для комфорта» (*вианбу*) и проблема демонстративного посещения японскими чиновниками храма Ясукуни - синтоистского святилища, где проводится поклонение душам погибших воинов, в число которых вошли и те, кто был признан военными преступниками международным трибуналом.³⁴⁹

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в настоящее время в Республике Корея «на виду» лишь некоторый ряд проблем, «раскрученных» СМИ и южнокорейскими властями, в то время как фундаментальные проблемы остаются уделом специалистов, среди которых распространён не слишком широкий спектр взглядов на колониальный период.

---

³⁴⁹ The Historical Perceptions of Korea and Japan: Its Origins and Points of the Issues Concerning Dokdo-Takeshima, Yasukuni Shrine, Comfort Women, and Textbooks. Nanam, 2008. 465 p.; Hundt David, Bleiker Roland. Reconciling Colonial Memories in Korea and Japan // Asian Perspective. Vol. 31, No. 1 (2007). P. 61-91.

Используя публикации японских авторов на английском и корейском языках, мы смогли выделить два основных направления в **японском дискурсе колониального периода**: «националистическое» и «умеренное». Если для первого характерно возвеличивание японской модернизации Кореи, благотворного влияния на неё и отрицание негативного влияния, то вторые, зачастую в сотрудничестве с корейскими специалистами, стараются выработать более взвешенный подход к изучению и восприятию колониального периода.

Яркими представителями японского «националистического» подхода к оценке колониального управления Кореей являются члены «Общества по распространению исторических фактов», которое возглавляет Касэ Хидэаки (род. 1936). Отец Хидэаки, Касэ Тосикадзу (1903-2004), служил чиновником в МИД Японии и участвовал в подписании акта о капитуляции в 1945 г. По мнению членов общества, нельзя говорить о насильственной аннексии Кореи, поскольку в начале XX в. правительство Кореи было явно неспособно управлять страной и защищать её суверенитет. Кроме того, идея аннексии Кореи, по их словам, пользовалась поддержкой значительной части корейского общества (в первую очередь образованной части корейского общества).³⁵⁰ Нельзя не согласиться с тем, что Япония действительно вкладывала огромные средства в строительство железных дорог в Корею,³⁵¹ однако в качестве контраргумента можно привести тот факт, что строительство осуществлялось преимущественно силами корейцев, в том числе и тех, кто проживал в районе строительства дороги и кого насильно сгоняли на строительство. Говоря о «земельной реформе» 1910-х гг. авторы бездоказательно утверждают, что результате реформы лишь 6% земель перешло во владение к японцам,³⁵² чему мы не смогли найти никакого объяснения.

---

³⁵⁰ A New Look at the Annexation of Korea. Japan, 2010. URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/89_S4.pdf (30.07.2010). P. 61-62.

³⁵¹ Там же. P. 69-71.

³⁵² Там же. P. 69-72.

Хотя члены «Общества по распространению исторических фактов» выдвигают немало тезисов, которые весьма неприятны большинству корейцев, например, тезис о том, что, все *вианбу*, на самом деле были добровольными проститутками, которые обслуживали как японских, так и корейских солдат, и они ничем не отличаются от *яньгоньджу* (корейских проституток, обслуживавших американских солдат в Республике Корея).³⁵³ Кроме того, Мацуки Кунитоси, один из членов «Общества» задаёт вопрос: как в Корее, и по сей день известной своими тесными семейными связями, ни разу не происходило беспорядков из-за вербовки в *вианбу*?³⁵⁴ Проблема *вианбу* является очень спорной и, поскольку её рассмотрение выходит за рамки данного исследования, мы лишь заметим, что насколько нам известно, даже в военные годы корейцы в случае крайней нужды порой явно выражали своё недовольство (например, проводили забастовки на заводах), поэтому тот факт, что вербовка *вианбу* не вызывала никаких *инцидентов*, представляется нам весьма странным.

На стороне «ревизионистов» выступает также довольно неоднозначная личность – уроженец Тайваня, с 1964 г. постоянно проживающий в Японии, Ко Буню (кит. Хуан Вэньсюн; род. 1938), который одобряет колониальную политику Японии, критикуя корейцев за то, что они считают трагедией «просвещённого корейского народа» (стоящего вровень с японским) аннексию Кореи, в то время как аннексия Тайваня им представляется лишь как присоединение острова, на котором жили «обыкновенные варвары».³⁵⁵ Помимо этого, заслуживающего внимания тезиса, стоит упомянуть и о том, что «Общество по распространению исторических фактов» совершенно справедливо напоминает о том, что антияпонские настроения в Корее постоянно подогреваются корейским государством

³⁵³ Kase Hideaki. Comfort Women in Korea. URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/98_S4.pdf (3.04.2014).

³⁵⁴ Matsuki Kunitoshi. Japan's Annexation of Korea. URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/76_S4.pdf (3.04.2014).

³⁵⁵ Ko Bunyu (Huang Wenxing). Truth about the Annexation of Korea after One Hundred Years. URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/72_S4.pdf (3.04.2014).

Несмотря на неоднозначную интерпретацию фактов и статистических данных, стоит ознакомиться с «националистическим» подходом для того, чтобы понять его аргументацию и конфликтные точки соприкосновения с корейским националистическим подходом. Более заметным в Японии, по нашему мнению, является всё же «умеренный» подход, основанный на всестороннем и, насколько возможно, нейтральном изучении колониального периода. Одним из самых известных представителей подобного подхода, которого признают и в Корее является Мидзуно Наоки (род. 1950), профессор и декан гуманитарного факультета Киотского университета. Пожалуй, главным тезисом, который отстаивает Мидзуно Наоки, и с которым мы можем полностью согласиться, это то, что необходимо уйти от модели «Япония как управитель, а Корея как управляемый», поскольку иначе нам не понять множество факторов влиявших на политико-экономическое развитие Кореи.³⁵⁶

При сотрудничестве с профессором сеульского университета Кунмин Чон Сонтхэ (род. 1963), ряд работ Мидзуно Наоки, в том числе посвящённых «кампании по смене имён» 1939-1940-х гг., переведены на корейский язык.³⁵⁷ Ценность работ Мидзуно Наоки заключается в том, что он не отдаёт предпочтение какой-либо из сторон, но при этом аргументирует свою позицию, основываясь на тех же фактах, которыми оперируют как корейские, так и японские учёные. Также на базе Киотского университета развилась площадка для обсуждения проблем колониального периода с привлечением учёных из Кореи и Японии. В целом, участники этой площадки сходятся во мнении, что в ходе колониальной модернизации (существование которой они признают) корейцы не были пассивными участниками, но напротив, активно

³⁵⁶ Mizuno Naoki. Research regarding the History of Japanese Government Policies during Colonial Rule // Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). 2002. P. 61-67.

³⁵⁷ Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбоный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. 331 с; Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджужуй (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. 202 с.

принимали участие в модернизации своей страны, реализуя себя в самых различных областях: предпринимательстве, научной работе (в т.ч. инженерной направленности), управлении (в т.ч. в работе в колониальной администрации) и даже военном деле (в т.ч. на службе в японской армии).³⁵⁸

При этом обычно отмечается, что настоящая модернизация Южной Кореи, в том виде, в котором мы наблюдаем её в наши дни, проходила всё же в 1960-1970-х гг. в годы президентства Пак Чонхи. Мы должны признать, что подобная позиция наиболее близка для нас, в том числе поскольку она выработана посредством тесного сотрудничества учёных Кореи и Японии.

Однако достойные внимания современные работы по колониальному периоду существуют не только в Корее и Японии. Немало работ посвящённых самым различным аспектам колониального периода публикуется в **странах Запада, в первую очередь в США**. Помимо явных геополитических связей, причиной тому является существование в США большой корейской диаспоры, а также то, что многие корейские учёные получают образование в США, после чего либо возвращаются в Республику Корея, либо продолжают работать в американской науке и системе образования.

Значительную часть американских работ по колониальному периоду написана японистами, которые активно используют источники и работы как на японском, так и на корейском языках. Однако довольно сильно распространён именно японский колониальный взгляд на историю, поскольку американские японисты пользуются преимущественно японскими источниками и документами. К таким исследователям, можно отнести Питера Дууса, автора книги «Абак и меч: японское проникновение в Корею,

---

³⁵⁸ Chung Jae-jeong. Looking at the Economy and Society of Korea under Japanese Rule: Beyond the “Theory of Development” and “Theory of Exploitation” // Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research (Kyoto, International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). 2002. P. 39-60.

1895-1910»,³⁵⁹ который по его собственным словам, «не может читать по-корейски».³⁶⁰ При этом нельзя сказать, что использование преимущественно японских источников автоматически ставит авторов на прояпонские позиции.

Например Марк Каприо, профессор японского университета Риккё (Токио) в работе, посвящённой японской ассимиляционной политике в Корее, явно придерживается нейтральной позиции.³⁶¹ Также стараются придерживаться нейтральной позиции корейист Деннис Л. МакНамара,³⁶² специалист по корейской и японской истории Алексис Дадден,³⁶³ и многие другие.

Независимость американских исследователей от корейской или японской идеологии позволяет им открыто выражать свои мысли, что порой приводило к конфликтам. Например, работа известного специалиста по Корее Брюса Камингса «Истоки Корейской войны» в начале 1980-х гг. вызвала негативную реакцию южнокорейских властей, которые потребовали от Камингса опровержения ряда его утверждений о том, что деколонизация Кореи, а вернее её отсутствие, была одной из важнейших причин Корейской войны.³⁶⁴ Отказ Камингса привёл к тому, что распространение его книги было запрещено властями Юга. Однако после демократизации в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в Республике Корея стали свободно распространять и «Истоки Корейской войны», и схожую по содержанию работу «Место Кореи под солнцем».³⁶⁵

---

³⁵⁹ Duus Peter. *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910*. Berkeley and Los Angeles, 1998. 480 p

³⁶⁰ Schmid Andre. Colonialism and the "Korea Problem" in the Historiography of Modern Japan: A Review Article // *The Journal of Asian Studies*. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 951-976.

³⁶¹ Caprio Mark E. *Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945*. Seattle and London, 2009. 320 p.

³⁶² McNamara Dennis L. *The Colonial Origins of Korean Enterprise: 1910-1945*. Cambridge, 1990. 208 p.

³⁶³ Dudden Alexis. *Japan's colonization of Korea: discourse and power*. Honolulu, 2006. 215 p.

³⁶⁴ Choi Chungmoo. *The Discourse of Decolonization and Popular Memory: South Korea* // *Positions Spring*. Duke University Press. 1993. Vol. 1, No. 1. P. 77-102.

³⁶⁵ Cumings B. *Korea's Place in the Sun*. New York, London, 1997. 527 p

Помимо обстоятельств аннексии Кореи, развития корейского предпринимательства в колониальных условиях, всё большую роль в американских исследованиях играет изучение истории повседневности колониального периода и гендерные исследования. Изучение повседневности может проводиться через восприятие корейцами японской культуры или наоборот, а также межличностных отношениях между японцами и корейцами.³⁶⁶ Гендерные исследования, которые в последнее время набирают популярность и в Корее, зачастую также затрагивают роль женщин в модернизации Кореи в 1920-1930-е гг. и феномен появления *модонголь* (или «современной корейской женщины»)³⁶⁷ Немало корейских учёных проводят исследования в этой области на территории США, поскольку у американских учёных имеется в этом плане заметный опыт.³⁶⁸

Совместные работы американских, корейских и японских специалистов (т.е. одновременно представителей этих трёх стран) в области истории и экономики Восточной Азии на данный момент не настолько многочисленны, в отличие от двухсторонних исследований. В таких работах стараются избегать переоценки влияния Японии на Корею, как в негативном, так и в позитивном ключе.³⁶⁹ Тем не менее, не нужно переоценивать нейтральность американской историографии, и при работе с литературой стоит учитывать ряд факторов, в том числе и личность автора.

Завершая параграф, мы хотели бы уделить внимание **современной отечественной историографии и дискурсу колониального периода**. Сразу

---

³⁶⁶ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. 262 p.

³⁶⁷ Yoo Theodore Jun. The Politics of Gender in Colonial Korea: Education, Labor, and Health, 1910–1945. University of California Press, 2008. 330 p.

³⁶⁸ Kim Young-Sun. Patriarchy and the Making of Colonial Modernity on Colonial Korea: Colonialism, Nationalism and Modern Korean Female Subjectivities During 1920-37: Ph.D. in Sociology diss., Graduate School of Binghamton University, State University of New York, 2006.

³⁶⁹ Haggard Stephan, Kang David, Moon Chung-In. Japanese colonialism and Korean development: A critique // World Development. 1997. Vol. 25, No. 6. P. 867-881; Lim Timothy C. The Origins of Societal Power in South Korea: Understanding the Physical and Human Legacies of Japanese Colonialism // Modern Asian Studies. 1999. Vol. 33, No. 3. P. 603-633.

же можно сказать, что общественный дискурс о Корее в России, как правило, ограничивается отношениями Севера и Юга, ядерной программой КНДР и, в лучшем случае, ещё и корейско-японскими отношениями. Эпизодически, в основном ретранслируются СМИ, сообщения о проблеме островов Токто (Такэсима, Лианкур), посещениях японскими чиновниками храма Ясукуни и обращениях Республики Корея к Японии с требованием официально извиниться за «преступления совершённые в годы оккупации», в т.ч. за насильственную мобилизацию в войска, трудовые отряды и *вианбу*, причём последняя категория упоминается гораздо чаще.

Большую роль в формировании отечественной историографии колониального периода сыграли работы И.И. Василевской, В.И. Шипаева, Ф.И. Шабшиной, а позднее С.О. Курбанова, М.Н. Пака, В.М. Тихонова и других. При неоспоримом идеологическом влиянии, в советской историографии колониального периода, рассматривалось множество различных аспектов, с использованием литературы и источников на корейском, японском, китайском, английском и других языках. Помимо обильного фактического материала, множество выводов в этих работах в целом совпадает с оценками современных авторов. Следовательно, ценность этих работ до сих пор неоспорима.

В течение 1990-2010-х гг. колониальный период в отечественных работах рассматривался, как правило, в общих работах по истории Кореи,³⁷⁰ поскольку главной темой тогда являлись межкорейские отношения, которым уделяется основное внимание и сейчас. Однако стоит отметить, что в последние годы больше внимания стали уделять изучению влияния колониального периода на формирование Республики Корея и КНДР. В частности, К.В. Асмолов рассматривает влияние колониального периода на трансформацию корейского общества и корейской политической культуры,

---

³⁷⁰ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. 911 с.; Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. 680 с.; Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М., 2011. 533 с., 499 с.

например, в аспекте мобилизационных мероприятий, к которым прибегали как на Севере, так и на Юге.³⁷¹ Значимость наследия колониального периода во внутрикорейской политической борьбе отмечает и Н.Н. Ким.³⁷² Однако к началу 2010-м гг. колониальному периоду истории Кореи в отечественной историографии по-прежнему уделяют мало внимания, рассматривая преимущественно отдельные, наиболее заметные аспекты, например касающиеся формирования в Японии корейской диаспоры или же истории корейского национально-освободительного движения.

***

Проблема колониальной модернизации Кореи: самого факта её существования, её оценки и её наследия в современной Корее на данный момент не решена окончательно. Тем не менее, в ходе данного исследования был сделан вывод о том, что несмотря на то, что благосостояние современной Республики Корея является скорее результатом модернизации 1960-1970-х гг., факт проведения колониальной модернизации неоспорим. При этом процесс модернизации Кореи осуществлялся не только руками японцев, но руками корейцев, для которых было важно не только сохранение своего национального самосознания, но и развитие своей родины. Как среди корейцев, так и среди японцев существовало множество социальных групп, интересы которых зачастую совпадали, вступая при этом в противоречие с политикой колониальных или имперских властей. Наконец, в заключение данной главы, мы постарались дать краткий обзор противоречий дискурса о колониальной Корее в течение колониального периода и в наши дни. В результате можно сделать вывод о том, что полноценное исследование в этой области может быть проведено лишь при сотрудничестве учёных из разных

---

³⁷¹ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М., 2009. С. 26-33, 85.

³⁷² Ким Н.Н. Эпоха освобождения Кореи в современной южнокорейской историографии // Восток (Oriens). Москва. 2012. № 2. С. 181-188.

стран и при обязательном учёте всех существующих подходов к изучению и оценке колониального периода, какими бы неудобными и неправильными они ни казались на первый взгляд.

ИВАНОВ К.В.

2. ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ КОРЕЙЦЕВ В РАМКАХ ЯПОНИИ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

2.1. Особенности японской колониальной политики в Корее в сравнении с Тайванем и западными колониальными практиками второй половины XIX – первой половины XX в.

Для получения более полного представления о проблемах истории Кореи, рассматриваемые в данной работе, нам представляется необходимым рассмотреть японскую колониальную политику в Корее используя компаративистский подход. Это поможет нам лучше понять не только особенности японского колониализма, но и выделить в японской колониальной политике ряд черт, характерных исключительно для территории генерал-губернаторства Корея (или Тёсэн). Хотя постколониальные связи между бывшей колонией и метрополией представляются нам весьма интересной темой, в данном параграфе, в рамках сравнения, мы не будем её затрагивать, и ограничимся освещением ряда моментов корейско-японских отношений после 1945 г. в других параграфах.

В качестве объекта сравнения здесь выступает колониальная политика Японии в Корее в 1905-1945 гг. В качестве средств сравнения были выбраны колониальные практики Японии на острове Тайвань (1895-1945 гг.), Великобритании в Индии (1858–1947) и Франции в Алжире (1848–1962). Критериями для выбора в качестве объектов сравнения послужило, во-первых, то, что Великобритания и Франция в начале XX в. были крупнейшими колониальными империями (по площади территории колоний). При этом, Индия для Великобритании, как и Алжир для Франции были «витринами» их успехов в колониальной политике. Во-вторых, выстраивая свою колониальную политику, Япония ориентировалась на опыт, западных держав, в том числе Великобритании и Франции. Наконец, в-третьих, колонизация Тайваня была для Японии первым опытом проведения

колониальной политики современного типа, в отличие от государства Рюкю (Окинава), которое было в 1879 г. присоединено к Японии на правах префектуры, а не отдельной административной единицы, как Тайвань и Корея.

Хотя Великобритания контролировала ряд территорий в Индии с 1757 г., в качестве нижней хронологической планки мы взяли 1858 год – год, когда в соответствии с Актом о лучшем управлении Индией управление колонией перешло от Ост-Индской компании к Британской короне. Для Алжира в качестве нижней хронологической планки мы взяли 1848 г., когда на севере Алжира были образованы три департамента, которые вошли в состав Франции.

В XIX-XX вв. для Великобритании Индия являлась важнейшей из всех колоний, «жемчужиной британской короны». Аналогичные слова можно сказать и про Французский Алжир, который был не только ресурсной, но и переселенческой колонией.³⁷³ Если же рассматривать Тайвань, то он не только стал первой японской колонией, но и наряду с Кореей был важной частью экономики Японской империи. Стоит отметить, что с некоторыми условностями, первой японской колонией можно считать государство Рюкю (Окинава), присоединённое к Японии в 1879 г., поскольку, несмотря на статус префектуры, до 1912 г. на Окинаве действовало законодательство, отличное от метрополии, взимались более высокие налоги, а префектура не могла отправлять своих представителей в японский парламент.³⁷⁴ Тем не менее, стоит согласиться с американским японистом Стивом Рабсоном о том, что хотя в течение некоторого времени «Окинавой управляли скорее как колонией, чем как префектурой, ситуация там была совершенно не похожа на

³⁷³ Babicz Lionel. Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism // Japanese Studies, 2013. Vol. 33, No.2. P. 201-211.

³⁷⁴ Rabson Steve. Assimilation Policy in Okinawa: Promotion, Resistance, and "Reconstruction" // JPRI Occasional Paper. 1996. No. 8. URL: <http://www.jpri.org/publications/occasionalpapers/op8.html> (3.04.2014).

корейскую».³⁷⁵ Поэтому в данной работе в качестве средства сравнения всё же был выбран именно Тайвань.

В рамках данной работы, с учётом поставленных нами задач, проведено сравнение колониальной Кореи с японским Тайванем, британской Индией и французским Алжиром по следующим пунктам: **1) обстоятельства колонизации; 2) система управления колониями; 3) политическое развитие и интеграционная политика.** Хотя сравнение экономических взаимоотношений колоний и метрополий представляется нам достаточно интересным, в рамках данной работы основное внимание уделено в первую очередь политическим аспектам. Целью этого сравнения является демонстрация того, что хотя Корею можно считать японской колонией европейского типа, по ряду параметров она значительно отличалась не только от колоний западных держав, но и от японского Тайваня.

Обстоятельства колонизации. Процесс колонизации Кореи Японией уже рассматривался в первой главе данной работы. Для более подробного ознакомления мы можем порекомендовать работы И.И. Василевской «Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.)» и В.И. Шипаева «Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917)», а также монографию В.М. Тихонова и Кан Мангиля.³⁷⁶ Здесь же будут упомянуты лишь ряд ключевых моментов. Япония начала оказывать существенное экономическое и политическое влияние на Корею ещё с момента заключения Канхваского договора в 1876 г., когда японским подданным были предоставлены льготы и право экстерриториальности.³⁷⁷ По результатам японо-китайской войны 1894-1895 гг. и последующего договора с Россией о разделе сфер влияния, Япония получила право размещать в

³⁷⁵ Rabson Steve. Assimilation Policy in Okinawa: Promotion, Resistance, and "Reconstruction" // JPRI Occasional Paper. 1996. No. 8. URL: <http://www.jpri.org/publications/occasionalpapers/op8.html> (3.04.2014).

³⁷⁶ Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. 119 с.; Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. 242 с.; Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М., 2011. 533 с. (Т. 1), 499 с. (Т. 2).

³⁷⁷ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 404.

Корее войска и отряды жандармов для защиты японских селтльментов, телеграфных линий и иной собственности японских подданных.³⁷⁸ В феврале 1904 г., вскоре после начала русско-японской войны, корейский император Коджон под давлением японцев подписал договор, по которому Япония могла дислоцировать свой войска в Корее на время войны с Россией.³⁷⁹

17 ноября 1905 г. под нажимом японцев министр иностранных дел Кореи Пак Чесун подписал Договор о протекторате. Его необходимость японский посланник Ито Хиробуми аргументировал тем, что Япония «была вынуждена дважды браться за оружие для защиты корейской независимости», поэтому Корея «обязана» подписать договор, уполномочивающий Японию контролировать корейскую внешнюю политику.³⁸⁰ Император Коджон и премьер-министр Хан Гюсоль отказались подписывать документ, что впоследствии дало повод корейцам заявлять о недействительности договора. Однако, как убедительно доказала в своей статье Д.Н. Козлова, установление протектората над Кореей не только вписывалось в норму международных отношений начала XX века, но и было вполне легитимным точки зрения международного права тех лет.³⁸¹

Согласно договору о протекторате, отныне Корея делегировала Японии право вести все внешнеполитические действия от её имени. Корейские послы из третьих стран отзывались на родину и их функции переходили японским дипломатам. В Корее учреждался пост японского генерал-резидента, который осуществлял контроль над корейской внешней политикой, а также над всеми японскими подданными, пребывающими в Корее. Подчинялся генерал-

³⁷⁸ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 21-22.

³⁷⁹ Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. С. 16.

³⁸⁰ Кузнецов С. И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945). Иркутск, 1996. С. 15

³⁸¹ Козлова Д.Н. Установление протектората Японии над Кореей с точки зрения международного права // Вестник российского корееведения, 2011. № 3. С. 5-14.

резидент напрямую императору Японии.³⁸² Первым генерал-резидентом стал Ито Хиробуми, который пробыл на своём посту до 1909 года.

Помимо общеизвестных причин подчинения Японией Кореи – недостаточное экономическое развитие, слабость корейской армии, неспособность к быстрому общественному развитию, - стоит отметить пассивность корейской верхушки, и императора Коджона лично. Мы склонны согласиться с В.М. Тихоновым, который считает, что корейские правящие круги не опирались на своих подданных и не видели в них граждан страны, которые были способны оказать двору поддержку и помочь отстаивать независимость Кореи.³⁸³ Японцы же напротив, сумели найти опору в средних слоях населения Кореи, умело используя существовавшие в нём прояпонские настроения, посредством общества *Ильджинхве* (一進會), возглавляемого корейским предпринимателем Сон Бёнджуном.³⁸⁴ Мы склонны согласиться с мнением Льюиса Ганна, который считает, что колонизация Кореи для Японии была скорее вопросом международного престижа, чем насущной необходимостью.³⁸⁵

Хотя император Коджон объявил недействительным Договор о протекторате и даже отправил своих личных представителей на Гаагскую конференцию летом 1907 г., западные державы предпочли их проигнорировать.³⁸⁶ Для одних стран Япония была союзником, другие же защищали свои экономические интересы. По-видимому, с учётом выросшей роли Японии на мировой арене, а также умеренно прояпонского общественного мнения в странах западной Европы и США, делегаты конференции, в том числе и представитель России А.И. Неклюдов, предпочли игнорировать заявления представителей «нецивилизованной»

³⁸² Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 55-56.

³⁸³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 26-27.

³⁸⁴ Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. С. 364-376.

³⁸⁵ The Japanese Colonial Empire: 1895 – 1945. Princeton, 1984. P. 502.

³⁸⁶ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 440.

страны. Генерал-резидент Кореи Ито Хиробуми воспользовался этим инцидентом и 21 июля 1907 г. заставил Коджона отречься в пользу своего сына (посмертное имя - Сунджон), а 24 июля подписал с корейским премьер-министром Ли Ванёном Новый японо-корейский договор о сотрудничестве, по которому независимость Кореи стала лишь фикцией. Остатки корейской армии должны быть распущены, по всем сколько-нибудь значимым внутривластным решениям правительство Кореи обязывалось получать инструкции от генерал-резидента, не менее половины служащих судебных и административных органов должны быть подданными Японии.³⁸⁷

В течение трёх последующих лет Япония, так или иначе, обсудила возможную аннексию с крупнейшими мировыми державами и заверила, что будет учитывать их экономические интересы в Корее.³⁸⁸ В самой Корее именно на период 1907-1909 гг. пришёлся пик антияпонского движения *ыйбён* («Армия справедливости»). Однако корейское правительство не оказывало повстанцам никакой помощи, и к 1909 г. движение жестоко было подавлено, а остатки отрядов *ыйбён* ушли на территорию Маньчжурии и России.³⁸⁹ Наконец, воспользовавшись поддержкой *Ильджинхве*, Япония добилась подписания 22 августа 1910 г. Договора о присоединении Кореи к Японии, по которому Корея отныне именовалась «генерал-губернаторством Тёсэн». С корейской стороны его подписал премьер-министр Ли Ванён, с японской — генерал-резидент, и будущий генерал-губернатор Тэраути Масатакэ.³⁹⁰

На момент аннексии Корея была моноэтничной страной, с незначительным количеством иностранцев (преимущественно китайцев и японцев). На Тайване же аннексия проходила в иных обстоятельствах. Если на западе и севере Тайваня большую часть населения составляли китайцы и

³⁸⁷ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 58-59.

³⁸⁸ Макаруч О.И. Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. // Вопросы истории, 2010. № 3. С. 153–158.

³⁸⁹ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. С. 150-153.

³⁹⁰ Korea: treaties and agreements. Washington, 1921. P. 64-68.

т.н. равнинные аборигены Тайваня (которые были сильно китаизированы), то восточная и центральная часть острова во многом принадлежала горным племенам, контроль над которыми был затруднён.

Хотя легитимность оформления протектората и аннексии Кореи является дискуссионным вопросом, нельзя отрицать, что Япония заключала эти договоры непосредственно с корейским правительством, которое представляло единую и формально независимую Корею.³⁹¹ В случае с Тайванем ситуация была несколько иная. Тайвань с рядом близлежащих островов был включён в состав империи Цин в 1683 г. как часть провинции Фуцзянь. И лишь угроза захвата острова Францией побудила китайское правительство выделить его в отдельную административную единицу в 1885 г. Присоединение цинского Тайваня к Японии было результатом японо-китайской войны 1894-1895 гг., в ходе которой на остров высадились японские войска, а Симоносекский договор 17 апреля 1895 г. официально оформил передачу китайской провинции Тайвань и близлежащих Пескадорских островов Японии.

Отличия присутствуют и в формах организации национально-освободительного движения. Если в Корее сопротивление отрядов *ыйбён* было, по большей части, неорганизованным, то на Тайване сопротивление возглавил бывший губернатор острова Тан Цзинсун. Вскоре после подписания Симоносекского договора, в мае 1895 г. была провозглашена Тайваньская республика, которую и возглавил Тан Цзинсун. Однако, к октябрю 1895 г. организованное сопротивление на острове было жестоко подавлено. Показательно, что представители стран Европы и США относились к подавлению сопротивления жителей Тайваня с завидным равнодушием, при этом подчёркивая жестокость китайской администрации, в период её владычества на Тайване.³⁹² Вероятно, Япония казалась им вполне

³⁹¹ Park Pae-Keun. Discussions Concerning the Legality of the 1910 Annexation of Korea by Japan // Korea Journal, 2010. Vol.50, No.4. P. 13-41.

³⁹² Rutter Owen. Through Formosa: an account of Japan's island colony. London, 1923. P. 222-225.

достойным «цивилизатором» этих земель, которого не следовало подвергать критике за действия, схожие с теми, которые западные державы регулярно проделывали в своих колониях.

Сравнивая Корею с британской Индией стоит сказать, что хотя первые британские фактории в Индии появились ещё в XVII веке, формирование значительных колониальных владений под управлением Британской (до 1707 г. - Английской) Ост-Индской компанией всё же стоит отнести к периоду 1757-1858 гг. На протяжении этого периода Ост-Индская компания, используя систему непрямого контроля (которую мы рассмотрим чуть позже), не достигла сколь-нибудь заметного прогресса в развитии подконтрольных территорий. Лишь после восстания сипаев 1857-1858 г. и его жестокого разгрома британский парламент взял управление Индией в свои руки, а в кабинете министров появилась должность государственного секретаря по делам Индии. Позднее, в 1876 г. британская королева Виктория была коронована как первая императрица Индии.³⁹³ Одно из важнейших отличий Индии от Кореи состоит в том, что фактически к 1858 г. Индия не была единым государством, но состояла из нескольких сотен княжеств, связанных запутанной иерархичной системой с формальным главенством падишаха Могольской империи в Дели. Как мы видим, в этом плане Индия разительно отличалась от Кореи.

В отличие от Индии, которая стала британской колонией в первую очередь в ходе экономической экспансии, Алжир был захвачен Францией в первую очередь по мотивам международного престижа.³⁹⁴ На протяжении всего XVIII и начала XIX вв. Алжир был одним из центров торговли невольниками и базой для берберских пиратов. Используя как силовые, так и

---

³⁹³ Khaled Mortuza. Aspects of Colonialism in Asia: A Comparative Study of the Japanese in Korea (1910-1945) and the British in India (1757-1947) // The Materials of the 1st World Congress of Korean Studies, Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Seoul: The Academy of Korean Studies, 2002. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358731305.pdf (3.04.2014). (3.04.2014).

³⁹⁴ Babicz Lionel. Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism // Japanese Studies, 2013. Vol. 33, No.2. P. 201-211.

дипломатические методы, Франция, Великобритания и ряд других стран смогли обеспечить для своих кораблей относительную безопасность плавания, однако любой конфликт в Европе, который приводил к ослаблению армии и флота европейских стран, позволял пиратам активизировать свою деятельность. Тем не менее, к 1830 году Алжир не представлял серьёзной военной угрозы для европейских стран, и Франция, пользуясь дипломатическим конфликтом с властями Алжира, провела операцию по захвату города Алжир, а затем и ряда других прибрежных областей. Завоевание Алжира растянулось до 1847 г., а гражданской администрации управление передали только в 1871 г. Тем не менее, в 1848 г. в прибрежной части Алжира в декабре 1848 г. были образованы три департамента - Алжир, Оран и Константина, которые вошли в состав Франции. Можно сделать вывод о том, что мотивы аннексии Кореи Японией имели схожие черты с захватом Алжира Францией. Однако сопротивление, которое встретила Япония совершенно несопоставимо с тем, с которым столкнулась Франция.

Система управления колониями. Далее, в соответствии с планом, мы переходим к сравнению систем управления колониями, в частности: административного деления, законодательства и административного аппарата. В Корею на протяжении периода 1905-1910 гг. новообразованный аппарат японского генерал-резидента постепенно «перетягивал» полномочия у корейского правительства, заменяя корейцев японцами на важнейших полицейских, судебных и прочих чиновных должностях.³⁹⁵

После аннексии в 1910 г. аппарат генерал-губернаторства был сформирован за счёт расширения бывшего генерал-резидентства Кореи и передачи японским чиновникам тех функций, которые ранее выполняли корейцы. Генерал-губернатор Кореи отныне сосредотачивал в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть в колонии,

---

³⁹⁵ Jones George Heber. Some Aspects of Reform in Korea // The Journal of Race Development, 1910. Vol. 1. P. 18-35.

разделённой на 13 провинций.³⁹⁶ Кроме того, за исключением отставного адмирала Сайто Макото (занимал должность генерал-губернатора Кореи в 1919-1927 и 1929-1931 гг.) все генерал-губернаторы Кореи находились на действительной службе и занимали высшие командные должности.³⁹⁷ Это позволяло им контролировать не только гражданский аппарат, но и японские войска, дислоцированные в Корее. Хотя после 1923 г. генерал-губернатор Кореи формально был ответственен перед новообразованным Министерством по делам колоний, на практике власти в Корее обладали куда большей автономией, чем другие японские колонии.³⁹⁸

В ходе реализации «политики культурного управления» Сайто Макото в 1920-х гг., в Корее был поднят вопрос о развитии местного самоуправления и вовлечении Кореи в политическую жизнь метрополии, а именно – возможности отправлять представителей имперский парламент.³⁹⁹ Однако вплоть до 1945 г. возможность участия корейцев в парламентских выборах оставалась нерешенным вопросом. В вопросе развития местного самоуправления генерал-губернаторство всё же пошло на уступки и в 1920 г. учредило советы при провинциальных управах, городах, приравненных к провинциям и сельских районах.⁴⁰⁰ Но какой-либо значимой роли в управлении Кореей эти выборные органы не играли. Стоит упомянуть, что члены органов самоуправления не получали никакого жалования и действовали на общественных началах. В целом, мы можем согласиться с мнением генконсула СССР в Сеуле И.А. Чичаева, который в 1930 г. писал, что «если бы японское правительство решило создать органы самоуправления на

³⁹⁶ Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. С. 213.

³⁹⁷ Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 473.

³⁹⁸ The Japanese Colonial Empire: 1895 – 1945. Princeton, 1984. P. 243.

³⁹⁹ Chosen of To-day. Keijo (Seoul), 1929. P. 55-57.

⁴⁰⁰ Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970. Vol. 30. P. 126-158.

основе широкого выборного начала, то первым актом таких органов могло бы быть требование о независимости Кореи».⁴⁰¹

Участие корейцев в административном управлении Кореей также было довольно незначительным – как правило их уделом оставались низовые должности секретарей и переводчиков. Аналогичная ситуация сложилась и в полиции, где в период с 1920 по 1938 гг. соотношение количества японцев и корейцев было 2:1.⁴⁰² В конце 1930-х гг. в связи с проведением политики радикальной ассимиляции, ситуация несколько изменилась. Кроме того, корейцам было позволено служить в японской армии. Однако этому вопросу мы уделим внимание чуть позже.

Наконец, если рассматривать систему законодательства Кореи, то мы увидим, что почти всё уголовное и гражданское законодательство (за исключением законов, касающихся армии) базировалось на особых законах, созданных специально для Кореи, которые обобщались японским термином *сэйрэй* (政令), что позволяло генерал-губернаторству решать дела, подпадающие под эти законы, в особом порядке.⁴⁰³ На Тайване аналогичные особые законы назывались *ришурэй* (律令) однако в большинстве областей права напротив, использовалось японское законодательство (за исключением уголовного права). Ли Сынъиль в своей статье приводит мнение, что колониальная система на Тайване формировалась японцами во многом по британскому образцу, а в Корею – с учётом как британского опыта, так и опыта, полученного в управлении Тайванем.⁴⁰⁴

Напоследок нужно отметить, что в отличие от колоний стран Запада, где суды для «белых» и «чёрных» были разделены, в Корею и корейцы и японцы

⁴⁰¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 13. П. 142. Д. 10. Л. 6-7.

⁴⁰² Ильсидонъингва чхабёльчхольпхейй сонджон (Пропаганда равноправия и уничтожения дискриминации) // Хангук тонънип ундонъый ёкса (История корейского движения за независимость). URL: <https://search.i815.or.kr/Degae/DegaeView.jsp?nid=148> (3.04.2014).

⁴⁰³ Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970. Vol. 30. P. 126-158.

⁴⁰⁴ Lee Seung-il. Characteristics of Japan's Annexation of Korea and the Japanese Colonial System // Korea Journal, 2010. Vol.50. No.4. P. 42-68.

находились в одинаковой юрисдикции и дела их рассматривались в одних и тех же судах.⁴⁰⁵

Марк Каприо условно выделяет два типа управления колониями: «британский» и «французский». Первый тип предполагает установление системы непрямого управления колониями с сохранением за метрополией контроля над местными правителями, а также отдельным колониальным законодательством. Второй тип предусматривает включение колонии в состав империи на правах провинции/департаментa, с распространением имперского законодательства на её территорию.⁴⁰⁶ По мнению Каприо, японский подход к колонизации Тайваня и Кореи был гибридным, сочетающим в себе аспекты как британского, так и французского подходов. Мы склонны согласиться с этой точкой зрения, и полагаем, что она достаточно хорошо обоснована.

В чём именно заключался японский подход к управлению колониями? Япония взяла Корею и Тайвань под прямой контроль и назначала там своих генерал-губернаторов (в Корею в 1905-1910 гг. генерал-резидентов), подчинявшихся непосредственно императору. При этом, несмотря на то, что Тайвань вошёл в состав империи как генерал-губернаторство ещё в 1895 г. интеграционная политика там долгое время носила скорее «цивилизаторский» характер. Это объясняется несколькими факторами: географической удалённостью от Японии; значительными культурными различиями Японии и Тайваня; наличием большого количества аборигенов, не находившихся ранее под заметным влиянием китайской культуры. Во многом именно наличие «дикарей» на Тайване определило цивилизаторский подход в колониальной политике Японии на протяжении первых 10-15 лет. К тому же подобный подход позволял показать западным колониальным державам, что обладать и успешно управлять колониями могут не только они.

---

⁴⁰⁵ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 24.

⁴⁰⁶ Caprio Mark E. *Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945*. Seattle and London, 2009. P. 6-7.

До 1919 года во властных кругах Японии был более популярен «британский» подход, который предусматривал установление отдельной системы управления колониями, использование особого законодательства и установление особого административного деления. Уже на этом этапе можно выделить ряд отличий между Кореей и Тайванем. Во-первых, Корея изначально была поделена на 13 провинций (яп. 道; то:), а дальнейшие реформы ограничивались изменением числа уездов в составе провинций. Административное деление Тайваня, в свою очередь, на протяжении почти трёх десятилетий (1895-1926 гг.) постоянно подвергалось изменениям и, в конце концов, установилось в виде 8 префектур, 5 из которых назывались термином *сю:* (州), а 3 – *тё:* (廳). Термином *тё:* обозначали малонаселённые или слабо развитые регионы, такие как Пескадорские острова и горные районы восточного Тайваня. В отличие от *сю:*, в *тё:* деревни и поселения управлялись напрямую администрацией префектуры, а система уездов отсутствовала.⁴⁰⁷

Среди особенностей управления Тайванем необходимо упомянуть о сохранении японцами системы круговой поруки – *хоко:* (保甲, кит. *баоцзя*), которая до этого применялась китайскими чиновниками на протяжении нескольких сотен лет. Сохранение данной системы дало хорошие результаты – к 1930-м годам инциденты, регулируемые системой круговой поруки, практически исчезли.⁴⁰⁸ Однако, в отличие от Кореи, Тайвань ещё долго беспокоил Японию периодически возникающими «инцидентами». Самые крупными были т.н. «инцидент Та-па-ни» (совместное восстание китайцев и аборигенов Тайваня в 1915 году) и «инцидент У-шэ» 1930 года, когда конфликт между японским патрулём и племенем атаялов разросся до масштабов локальной войны продлившейся два месяца.

---

⁴⁰⁷ Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970. Vol. 30. P. 126-158.

⁴⁰⁸ Ibid.

При этом стоит отметить любопытный факт, что в отличие от Кореи, где почти все генерал-губернаторы были военными (кроме отставного адмирала Сайто Макото), то на Тайване в период с 1919 по 1936 гг. генерал-губернаторы были штатскими (в 1895-1919 гг. – также только военные).⁴⁰⁹ Мы можем объяснить это тем, что на Тайване основной задачей генерал-губернаторов было управление «цивилизованными» районами, в то время как в горных районах, населённых преимущественно аборигенами, куда большую роль играла японская армия.

В британской Индии сложилась совершенно иная система управления. Заключая субсидиарные договоры и используя систему непрямого контроля, Великобритания установила косвенный контроль над несколькими сотнями т.н. туземных княжеств, которые занимали чуть менее половины всей территории Индии. Одним из крупнейших и занимающим привилегированное положение было княжество Хайдарабад. Контроль над правительствами туземных княжеств осуществлялся британскими полномочными органами – резидентствами и агентствами. Остальная территория Индии находилась под непосредственным британским управлением и была разделена на провинции и президентства (вторые занимали более высокое положение в региональной иерархии).⁴¹⁰

Как мы видим, британская система управления Индией во многом завязана на сотрудничестве с местными элитами. Феодальная система управления в Индии разительно отличалась от установленного в Корее централизованного управления. Мы можем указать на то, что в Индии британские власти в определённой мере поддерживали местных аристократов, поскольку нуждались в как в управленцах. В Корее же

---

⁴⁰⁹ Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970. Vol. 30. P. 126-158.

⁴¹⁰ Khaled Mortuza. Aspects of Colonialism in Asia: A Comparative Study of the Japanese in Korea (1910-1945) and the British in India (1757-1947) // The Materials of the 1st World Congress of Korean Studies, Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Seoul: The Academy of Korean Studies, 2002. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358731305.pdf (3.04.2014).

генерал-губернаторством не признавалось никаких альтернативных или параллельных органов власти, и вся «пирамида власти» собиралась в одной точке – аппарате генерал-губернаторства. Как следствие, после аннексии 1910 г. японские власти видели в корейской знати (и образованных слоях населения вообще) лишь *вспомогательный* инструмент управления колонией, которые мог действовать только в рамках административной системы генерал-губернаторства. Подобную мысль выразил в одном из своих отчётов генконсул СССР в Сеуле И.А. Чичаев: «Ничтожная кучка корейских аристократов и чиновников, работающих с японцами, никакого авторитета в Корее не имеет, более того, их ненавидят больше японцев (в отличие от Индии, где местная аристократия ещё пользуется доверием части населения)».⁴¹¹

Колониальная система управления во французском Алжире имела больше сходных черт с Кореей и Тайванем. Во-первых, в отличие от Индии, Алжир (точнее три департамента, образованные из прибрежных областей) не управлялся колониальной администрацией и рассматривался Францией как неотъемлемая часть страны.⁴¹² В свою очередь, хотя Корея и управлялась колониальной администрацией, корейцы считались прямыми подданными императора Японии, наравне с японцами, проживавшими в Корее.

Во-вторых, как и Корея, Алжир стал для Франции не только стратегически важной территорией, но и переселенческой колонией. Однако стоит отметить, что хотя в процентном соотношении (в сравнении с коренным населением) европейцев, проживавших в Алжире, был заметно больше, чем японцев в Корее, в Алжире для европейцев (и приравненных к ним алжирских евреев) и «арабов» (туземного населения) применялось разное законодательство.⁴¹³ В колониальной Корее, хотя в законах и

⁴¹¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 13. П. 142. Д. 10. Л. 6-7.

⁴¹² Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 107.

⁴¹³ Babicz Lionel. Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism // Japanese Studies, 2013. Vol. 33, No.2. P. 201-211.

существовали оговорки касательно японцев и корейцев, система законов была одна для всех.

Разумеется, и в Корее, и в Алжире обстоятельства постоянно изменялись. Переломным моментом в обоих случаях послужила Вторая Мировая война, когда в Корее японские власти развернули т.н. политику радикальной ассимиляции, а в Алжире, на волне развившегося национально-освободительного движения, в 1945 г. произошло восстание алжирцев.

Политическое развитие и интеграционная политика. Особенности социально-экономического развития Кореи в данной работе уже были рассмотрены, поэтому в процессе сравнения мы будем учитывать только ряд характерных моментов, которые выделяют как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Политическую историю колониальной Кореи (после аннексии) можно разделить на три периода: 1) 1910-1919 гг.; 2) 1919-1937 гг. и 3) 1937-1945 гг. Для первого периода был характерен жандармский контроль над обществом, который позволял генерал-губернаторству проводить крайне непопулярные реформы. Ярким примером может служить принятие и претворение в жизнь генерал-губернатором Тэраути Масатакэ указов «О лесных запасах» (1911 г.) и «О земельном обследовании» (1910 г.), согласно которым создавался земельный кадастр, а подтвердить право владения землёй можно было только документально. В результате множество корейских крестьян, которые обрабатывали землю в рамках обычного права и не смогли документально подтвердить право владения, стали безземельными, после чего большая часть их превратилась в бесправных арендаторов (земли которых генерал-губернаторство, как правило, передавало японским компаниям) или отправилась на заработки в город. В отечественной историографии, в первую очередь советской, уже очень подробно изучены как изменения в жизни

корейских крестьян и формирование рабочего класса, так и процесс захвата земель и предприятий японцами при помощи генерал-губернаторства.⁴¹⁴

Второй этап (1919-1937 г.) начался с того, что недовольство корейцев ограничением своих прав и грабительская экономическая политика японских властей вылились в Первоапрельское восстание 1919 г. Хотя восстание было подавлено, новый генерал-губернатор Сайто Макото объявил о смене курса и проведении т.н. «политики культурного управления». Корейцам был предоставлен ряд гражданских свобод, однако на практике их положение всё же оставалось ниже, чем у японцев (как проживавших в Корее, так и жителей метрополии). Правильнее сказать, что политический контроль не ослаб, но лишь стал менее заметным. Сами корейцы называли новую политику «политикой бархатной кошачьей лапы».⁴¹⁵ Хотя корейцы получили право создавать общественные объединения и акционерные общества, в случае возникновения подозрений в благонадёжности общества реакция генерал-губернаторства следовала незамедлительно. Аналогичная политика проводилась в области цензуры корейской прессы. Особенные опасения колониальных властей вызывали разного рода прокоммунистические организации.⁴¹⁶

На протяжении всего колониального периода истории Кореи, японские власти всегда уделяли значительное внимание полицейскому контролю над населением. Первоапрельское движение 1919 г. лишь вынудило власти несколько сместить акцент с прямого жандармского надзора к негласному полицейскому наблюдению.⁴¹⁷ Тем не менее, сторонние наблюдатели отмечали презрительное, а порой бесчеловечное отношение японских властей к корейцам. Например, генеральный консул СССР в Корее А. Иткин

⁴¹⁴ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 762-763.

⁴¹⁵ Кузнецов С.И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945). Иркутск, 1996. С. 64.

⁴¹⁶ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 64-65.

⁴¹⁷ Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение, 2009. № 3. С.57-70.

приводит эмоциональное описание ареста корейцев подозреваемых в ведении подпольной деятельности: «Один полицейский ведёт по улице 3-4 человек, держа их за верёвку, которая привязана к рукам всех арестованных. Лица их закрыты тряпками. Более варварского обращения с живыми людьми, которое происходит ежедневно на глазах у всех, трудно себе представить».⁴¹⁸

Впрочем, подобные ситуации вполне соответствовали реализации представления о корейцах как о «нецивилизованном народе». Подобные настроения в тем годы присутствовали как в самой Японии, так и в «просвещённых» странах Западной Европы и США, что весьма подробно описал Андре Шмид, сравнив взгляды на Корею «кореефила» Гомера Халберта и умеренного «японофила» Джорджа Грамбалла Лэдда.⁴¹⁹

Стоит сказать, что скрытое сопротивление колониальным властям, так или иначе, наблюдалось на протяжении всего периода японского владения Кореей.⁴²⁰ Косвенным образом, это признавали и сотрудники аппарата генерал-губернаторства.⁴²¹ Репрессивная политика японских властей лишь загнала в тень национально-освободительное движение, но не смогла его уничтожить.

Пропагандируя «гармонизацию» отношений между корейцами и японцами, Япония, в лице чиновников и учёных, распространяла мысль о том, что только ассимиляция корейцев позволит обеспечить корейцам политическое и социальное равенство.⁴²² На протяжении 1920-1940-х гг., несмотря на официально провозглашённый курс вливания корейцев в состав японской нации, многие японцы (и чиновники, и обычные люди) полагали,

⁴¹⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 16. П. 156. Д. 72. Л. 15.

⁴¹⁹ Schmid Andre. Two Americans in Seoul: Evaluating an Oriental Empire, 1905-1910 // Korean Histories, 2010. Vol. 2.2. P. 7-23.

⁴²⁰ Hechter Michael, Matesan Ioana Emy, Hale Chris. Resistance to alien rule in Taiwan and Korea // Nations and Nationalism, 2009. №15 (1). P. 36–59.

⁴²¹ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. П. 130. Д. 59. Л. 88-96.

⁴²² Miura C. The Problem of Korean Assimilation // The Japan Magazine, 1921. Vol. 12, № 2-3. p. 130-134.

что не стоит «чересчур» ассимилировать корейцев.⁴²³ Поэтому, в большинстве случаев, корейцам отводилась роль «людей второго сорта». Для корейцев одним из способов улучшить жизненные условия, «выбиться в люди» было переселение в Японию.

Для третьего периода (1937-1945 гг.), для которого характерен ряд мероприятий по «радикальной ассимиляции» корейцев. Во-первых, одним из важнейших направлений работы генерал-губернаторства в этой области была сфера образования. Однако в Корее успехи японцев были достаточно скромными – рост охвата населения начальным и средним образованием увеличивался в первую очередь за счёт японских детей. В конце 1930-х гг. почти каждый японский ребёнок школьного возраста посещал начальную школу. Среди корейских детей лишь один из трёх учился в начальной школе.⁴²⁴ Статистика по средней школе, профессиональным училищам и, тем более, университетам ещё более удручающая.

Ассимиляционная политика, проводимая в Корее в конце 1930-х гг. под лозунгом *Найсэн иттай* (内鮮一體, яп. «внутренние земли (Япония) и Корея - едины»), включала в себя, помимо прочего, мероприятия по распространению японского языка, религии синто и использованию корейцами японских имён. Действительно, одним из основных препятствий для ассимиляции было незнание большинством корейцев японского языка. Гражданцев приводит данные, что в 1939 г. лишь 13,9% корейцев могли сносно разговаривать по-японски.⁴²⁵ Синтоизм также не получил в Корее особенного распространения, хотя синтоистские обряды были встроены во многие сферы общественной жизни.⁴²⁶ Хотя «кампания по смене имён» прошла более успешно, и почти всё население Кореи к 1940 г. в документах числилось под японскими фамилиями и именами, известно, что в обиходе

⁴²³ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 98.

⁴²⁴ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 261-266.

⁴²⁵ Ibid. P. 269.

⁴²⁶ Ibid. P. 273.

многие корейцы предпочитали использовать корейские имена. Причиной тому были не только неприязнь ко всему японскому, но и незнание японского языка.

Культурная и расовая близость корейцев были для властей Японии одними из важнейших факторов, повлиявших на то, что именно корейцы стали первыми кандидатами на «превращение» в японцев. Подобное мнение высказывали как современники колониальной Кореи, так и современные исследователи.⁴²⁷ В отношении Тайваня в 1919 г. также был взят официальный курс на ассимиляцию, однако, как для японцев, проживавших в колонии, так и для местной администрации тайваньские китайцы и, особенно, аборигены Тайваня находились намного ниже по социальной лестнице.⁴²⁸ Стоит сказать, что и западные исследователи и путешественники видели в Тайване во многом «остров дикарей» с незначительным присутствием китайской культуры. Хотя подобные мнения не слишком соответствовали реальности, предубеждения против «дикарей», «умиротворяемых» японскими войсками в начале XX в. были сильны не только в Японии, но и в странах Запада (в т.ч. США).⁴²⁹

По ряду параметров японский Тайвань заметно опережал Корею. Марк Каприо приводит данные, по которым в 1944 г. начальные школы посещали почти 96% японских и около 71% тайваньских детей (в Корею – лишь 39,4%).⁴³⁰ При этом оценки владения тайваньцев японским языком значительно разнятся. Дело в том, что основная масса тайваньцев, учитываемых колониальной статистикой (особенно в сфере образования),

⁴²⁷ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 11.

⁴²⁸ Tsurumi E. Patricia. Education and Assimilation in Taiwan under Japanese Rule, 1895-1945 // Modern Asian Studies, 1979. Vol. 13, No. 4. P. 617-641.

⁴²⁹ Cameron W.H. Morton, Feldwick W. Present day impressions of Japan; the history, people, commerce, industries and resources of Japan and Japan's colonial empire, Kwantung, Chosen, Taiwan, Karafuto. Chicago, 1919. P. 870-871.

⁴³⁰ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 77.

была ханьцами (китайцами).⁴³¹ Аборигенное население в подобной статистике учитывалось колониальной администрацией весьма избирательно. Стоит сказать, что как и корейцы, представители ханьского населения Тайваня зачастую предпочитали обучаться в Японии, что предполагало необходимость хорошего владения японским языком. Попытки заставить всех говорить на «государственном» (японском) языке вызывали сопротивление, как в Корее, так и на Тайване.⁴³² Тем не менее, генерал-губернаторство Тайваня настойчиво продолжало проводить политику *Ко:минка ундо* (яп. 皇民化運動, Движение интеграции в империю).⁴³³ Важную роль в интеграции как Кореи, так и Тайваня, особенно в рамках Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания, играл паназиатский элемент с его посылом об исключительности японской нации.⁴³⁴

Одним из средств интеграции населения японских колоний являлась армия. Для корейцев и тайваньцев служба в японской армии (во вспомогательных подразделениях: в качестве переводчиков, грузчиков, строителей) стала доступна в 1937 г.⁴³⁵ Вскоре после начала войны с США, в начале 1942 г. в Корее было введено обязательное военное обучение с последующей возможностью обучаться в японских военных академиях. В том же году японские военные в Корее получили около 250 тысяч заявлений

---

⁴³¹ Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджуый (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. С. 177-178.

⁴³² Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 77-78.

⁴³³ Ching Leo T. S. Becoming "Japanese": Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation. University of California Press, 2001. P. 89-90.

⁴³⁴ Kim Keong-il. Nationalism and Colonialism in Japan's "Greater East Asia Co-Prosperty Sphere" in World War II // The Review of Korean Studies. 2002. Vol. 8. No. 2. P. 65-90.

⁴³⁵ Abramson Gunnar. Comparative Colonialisms: Variations in Japanese Colonial Policy in Taiwan and Korea, 1895-1945 // PSU McNair Online Journal. Vol. 1: Transformative Possibilities: Transcending Interlocking Boundaries, 2005. URL: <http://pdxscholar.library.pdx.edu/mcnair/vol1/iss1/5/> (3.04.2014).

от корейцев с просьбой принять их в ряды японской армии.⁴³⁶ В конце 1944 г. воинский призыв стал обязательным в Корее, а в 1945 г. – на Тайване.

К середине 1945 г. в японской армии служило свыше 200 тысяч корейцев и почти столько же тайваньцев. Большая часть из них служила во вспомогательных войсках, однако, до 5 тысяч представителей аборигенов Тайваня служили в боевых частях и получили достаточно высокую оценку японского военного руководства.⁴³⁷ Куда больше шансов попасть в боевые части было у корейцев, проживавших длительное время в Японии и хорошо владевших японским языком. Некоторые из них проходили обучение в японских авиашколах, а позже даже зачислялись в отряды камикадзе.⁴³⁸ Некоторая часть корейцев, длительное время проживавших в Японии, проходила обучение в японских военных училищах, наравне с остальными японцами, после чего их, как правило, направляли на службу за пределы Кореи. Многие пошли по пути, схожему с тем, который прошёл будущий президент Республики Корея Пак Чонхи – поступали на службу в армию Маньчжоу-Го. Мы можем с уверенностью утверждать, что вплоть до поражения в августе 1945 г. японские власти не рассматривали основную массу призывников из Кореи и Тайваня в качестве полноценных солдат и, за редким исключением, не отводили им активных ролей для участия в боевых действиях.

Сравнивая политическое развитие и интеграцию колониальной Кореи с британской Индией необходимо учитывать то, что на территории Индии мы наблюдаем большое количество народностей, говоривших на разных языках и исповедовавших различные верования. В Индии британское управление послужило, во многом, консолидирующим фактором, однако система непрямого контроля приводила к тому, что для британских властей было

---

⁴³⁶ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 213.

⁴³⁷ Ching Leo T. S. Becoming "Japanese": Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation. University of California Press, 2001. P. 89-90

⁴³⁸ Синминджи сонёный чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 69-95.

затруднительно предотвращать межрелигиозные и межнациональные конфликты.

Если для колониальной Кореи была характерна передача значительного объёма земель в распоряжение генерал-губернаторства, то колониальные власти Индии предпочли поддерживать и распространять феодальную систему *заминдари* (*zamindari*), в условиях которой верховным собственником земли объявлялось государство, но в качестве наследственных сборщиков ренты непосредственными управителями землёй и арендаторами являлись землевладельцы-*заминдари*.⁴³⁹ В ряде провинций Индии практиковались также феодальные системы *райятвари* (*ryotwari*) и *махалвари* (*mahalwari*), которые предусматривали несколько большую защиту арендаторов перед землевладельцами. Как мы видим, феодальная система ренты в Индии и квазифеодальная система землевладения в Корее имеют определённые общие черты.

Как и корейцы, индийцы были значительно ограничены в праве принимать участие в управлении колонией. Для индийцев, желавших поступить на государственную службу, существовали многочисленные препятствия (не считая образовательного ценза), в то время как для британцев эти препятствия отсутствовали. Ненасильственное сопротивление, идеологию которого проповедовал Махатма Ганди, позволило индийцам, помимо прочего, добиться права занимать руководящие посты и работать в большинстве органов государственного управления. Во многом Первомартовское движение 1919 г. в Корее вдохновлялось идеологией ненасильственного сопротивления.⁴⁴⁰ Однако необходимо учитывать то, что Великобритания пошла на уступки индийцам в 1919 г., через год после

---

⁴³⁹ Khaled Mortuza. Aspects of Colonialism in Asia: A Comparative Study of the Japanese in Korea (1910-1945) and the British in India (1757-1947) // The Materials of the 1st World Congress of Korean Studies, Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Seoul: The Academy of Korean Studies, 2002. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358731305.pdf (3.04.2014).

⁴⁴⁰ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 29.

окончания кровопролитной Первой Мировой войны, когда для метрополии было крайне нежелательно вооруженное восстание. Япония, напротив, принимала в войне лишь эпизодическое участие, что позволило ей привлечь для подавления Первомартовского движения значительные силы.

Очень важным нам представляется то, что в британской Индии не проводилось ассимиляционной политики как в Корее. Хотя владение английским языком было необходимым для чиновников-индийцев и образованных слоёв населения, английский язык никогда не навязывался основной массе населения колонии. С одной стороны, в условиях системы *заминдари* отсутствовала необходимость в большом количестве грамотного и англифицированного населения. С другой стороны, даже беглый обзор даёт нам понять, что англификация более чем 260-миллионного (1910-1920-е гг.) населения Индии потребовала бы огромных затрат, на которые Великобритания никогда бы не пошла. При этом население Кореи, несмотря на бурный рост, к 1940 г. насчитывало лишь 24,3 млн. человек, в то время как население Японии составляло 73,1 млн. человек.⁴⁴¹ Население британской Индии разговаривало на множестве языков, и, насколько нам известно, не проводило и не планировало проводить регулируемую языковую политику.

Для индийцев, в отличие от корейцев и тайваньцев, служба в армии не являлась сколько-нибудь эффективным способом интеграции, поскольку британские власти рассматривали колониальные войска лишь как инструмент поддержки своей империи. В колониальные войска британцы предпочитали принимать представителей т.н. «воинственных» рас: сикхов, мусульман, гуркхов, представителей касты раджпутов. Индийские войска активно действовали на фронтах Первой и Второй Мировых войн, и во многом их участие в войне было для образованного слоя индийцев одним из поводов для требований уравнивания индийцев в правах с англичанами.

Во французском Алжире существовали схожие проблемы. Несмотря на три алжирских департамента входили в состав Франции, существование двух

⁴⁴¹ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 74; См. Приложение 5.

параллельно действующих законодательных систем во многом нивелировало большую часть положительных моментов, и участие арабского населения в управлении департаментами было минимальным. Французы, как и англичане, не выказывали особого желания превращать алжирцев во французов. Хотя алжирцы имели возможность подать заявление на французское гражданство, в начале XX в. таких заявлений было подано мало и одобрена была лишь половина из них.⁴⁴² Качественное образование было доступно лишь верхушке алжирского населения, кроме того, множество мусульман не доверяло «неверным» учить своих детей.⁴⁴³

Как и англичане, французы массово использовали колониальные войска, набранные по всем колониям. Алжирцы отличились не только на полях сражений Первой Мировой войны, но и в составе «Свободной Франции» приняли активное участие в борьбе с немцами в Африке в годы Второй Мировой. Во многом, именно активное участие алжирцев в этой борьбе послужило толчком к началу борьбы за независимость Алжира.

По мнению Марка Каприо, японские чиновники учитывали в первую очередь французский опыт прямого управления колонией при планировании своей собственной политики на Тайване, а затем и в Корее.⁴⁴⁴ Данное утверждение представляется нам вполне обоснованным, но нельзя не заметить и того, что, как минимум, в области проведения ассимиляционной политики японские власти пошли куда дальше, чем французы. «Отрепетировав» часть колониальных практик на Тайване, Япония смогла применить их и в Корее. При этом свою колониальную политику в Корее Япония выстраивала не только с учётом тайваньского опыта, но также с учётом колониальных методик крупнейших колониальных держав начала XX в. – Великобритании и Франции. Отчасти причиной тому было то, что

---

⁴⁴² Ruedy John Douglas. *Modern Algeria: The Origins and Development of a Nation*. Indiana University Press, 2005. P. 86.

⁴⁴³ Ibid. P. 103.

⁴⁴⁴ Caprio Mark E. *Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945*. Seattle and London, 2009. P. 21-22.

Корея, в отличие от Тайваня была до аннексии независимым государством. Кроме того, следование западным методикам для Японии было отчасти вопросом престижа, доказательством того, что она стала полноценной колониальной империей и великой державой.

Мы полагаем, что если для Тайваня, который в конце XIX в. был отсталой китайской провинцией, интеграция в Японскую империю несла определённый модернизационный компонент, то для Кореи подобная интеграция представляется не столь однозначно. Так или иначе, нам бы хотелось выделить ассимиляционную составляющую японской политики интеграции Кореи, которую мы и рассмотрим в следующем параграфе.

2.2. Японская ассимиляционная политика в Корее (1910-1945): методы и результаты

В этом параграфе мы рассмотрим японскую ассимиляционную политику в колониальной Корее по трём периодам (1910-1919, 1919-1937 и 1937-1945), выделим наиболее значимые мероприятия в рамках этой политики и попытаемся определить уровень эффективности этих мероприятий. Степень эффективности мероприятий по ассимиляции корейцев определена как на основе историографических данных и оценок, которые дали современные учёные, так и на основе источникового материала: статистических данных, мемуаров, архивных данных и т.п. Помимо историко-генетического подхода, в ряде случаев мы предполагаем использовать структурно-функциональный анализ для более полного понимания реализации ассимиляционной политики и её эффективности. Термин «ассимиляция» здесь понимается под своим широким определением, включающим в себя культурную, языковую, религиозную ассимиляцию и утрату национального самосознания. В Корее и Японии, относительно колониального периода, под ассимиляцией подразумевают в первую очередь культурную ассимиляцию (同化政策; кор. *тонъхва чонъчхэк*, яп. *до:ка сэйсаку*).

За период с 1909 по 1940 гг. население Кореи увеличилось с 13 до 24,3 млн. человек, при этом большинство населения составляли корейцы. Количество японцев на протяжении всего колониального периода не превышало 2-3%: 171,5 тыс. человек в 1910 г. и 650 тыс. человек в 1939 г. Прочие иностранцы (преимущественно китайцы) составляли ещё меньшую часть населения.⁴⁴⁵ Японцы в Корее были малочисленной, но очень влиятельной группой - в политическом, экономическом и культурном плане. Однако сила этой группы во многом определялась её взаимодействием с корейцами, поэтому для колониальных властей было очень важно обеспечить лояльность коренного населения. Формирование лояльного Японии населения Кореи и являлось одной из главных целей для генерал-губернаторства.

1910-1919 гг. Как известно, одной из главных официально объявленных целей аннексии Кореи было «обеспечение постоянного благополучия корейской императорской фамилии и процветания их народа».⁴⁴⁶ Вскоре после аннексии представители корейской династии Ли, а также представители корейского дворянства получили соответствующие их рангу титулы японского дворянства, с причитающимися им денежными выплатами.⁴⁴⁷ Эти меры позволили Японии добиться невмешательства корейского дворянства в борьбу корейцев с колониальными властями.

Несмотря на жестокое подавление корейского национально-освободительного движения, генерал-губернаторство понимало необходимость «установления между корейцами и японцами дружественных отношений».⁴⁴⁸ С одной стороны, прояпонские настроения присутствовали в корейском обществе, смешиваясь с паназиатскими настроениями, с другой стороны, в первое десятилетие колониального режима в японских правящих

⁴⁴⁵ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 72-76; См. Приложение 5.

⁴⁴⁶ *Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11)*. Keijo (Seoul), 1911. P. 9.

⁴⁴⁷ Хан Ёнъю. *История Кореи: новый взгляд*. М., 2010. С. 461.

⁴⁴⁸ Atkins E. Taylor. *Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945*. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 28.

кругах было распространено мнение, что корейцев следует «цивилизовать», как в своё время были ассимилированы айны.⁴⁴⁹ 31 августа 1910 г. в официальном печатном органе генерал-губернаторства, газете «Мэиль синбо» была опубликована статья «Внедрение новой идеологии» («Син сасанъый чуип»), где корейцам предлагалось принять свершившиеся перемены, сравнивая аннексию с «приходом новой луны», которая ознаменует создание «нового мира» и «новых людей».⁴⁵⁰ Однако, по словам Ким Ман Гема (И.С. Серебряков), сложно было говорить о слиянии корейцев и японцев, в то время как даже «механического смешения» не происходило – в повседневной жизни представители обоих народов стремились свести контакты между собой к минимуму.⁴⁵¹ Вопрос о принципах включения корейцев в японскую нацию вызвал бурную дискуссию как в Японии, так и в Корее. Некоторые японцы предлагали оставить корейцам их «колониальный» статус, другие приводили пример ассимиляции Шотландии и Уэльса Англией, которая таким образом сформировала Британию. Генерал-губернаторство Кореи придерживалось мнения, что ассимиляция возможна, но будет непростой, в силу «ленивого» и «бездушного» характера корейцев.⁴⁵² Вообще, осуждение «лености» населения колоний характерно для большинства колониальных дискурсов и данный пример не является уникальным.

Для воспитания «японского духа» среди молодых корейцев предполагалось использовать отныне полностью подконтрольную, в соответствии с «Указом об образовании в Корее» (1911 г.), японским властям систему образования.⁴⁵³ С 1918 г. учебные программы деревенских школ *содан* также стали составляться колониальными властями. Однако охват

⁴⁴⁹ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 83.

⁴⁵⁰ Мэиль синбо. 31.08.1910.

⁴⁵¹ Корея глазами россиян (1895-1945). Тула, 2008. С. 259.

⁴⁵² Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 84-85.

⁴⁵³ Results of Three Years' Administration of Chosen Since Annexation. Keijo (Seoul), 1914. P. 6-7.

корейского населения не только средним, но даже начальным образованием был слишком незначителен. Это мнение высказывали не только современные учёные, но даже сами колониальные власти, которые оправдывались тем, что корейцам было непросто дать «образование как верным подданным императора» в силу «культурных и языковых различий».⁴⁵⁴ Многие из тех корейцев, которые смогли «перешагнуть» через эти различия уезжали на учёбу в Японию, но корейских мигрантах в Японии мы поговорим подробнее в следующем параграфе.

В силу неграмотности большей части населения Кореи одним из способов внушать корейцам идеи о необходимости быть «верными подданными японского императора» была религия. Хо Намлин в своей статье приводит факты сотрудничества корейских буддистских монахов и японских монахов секты Сото (*Со:то:*), например в деле борьбы с христианами или в «успокоении» антияпонских народных волнений.⁴⁵⁵ Используя право жандармов контролировать любые массовые собрания (к коим причислялись и религиозные богослужения) колониальные власти постоянно следили за благонадёжностью религиозных общин. Ещё в 1915 году христианских священников и буддийских монахов обязали иметь при себе удостоверение, разрешающее проведение проповеди или собрания верующих. Неоднократно собрания прерывали, если текст проповеди казался жандарму «крамольным».⁴⁵⁶

До 1931 г. синтоизм в Корее был ориентирован преимущественно на проживавших там японцев и не играл сколь-нибудь значимой роли в японской ассимиляционной политике.⁴⁵⁷ А вот поддержка конфуцианцев (в том числе в ответ на финансовую помощь от генерал-губернаторства),

⁴⁵⁴ Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. P. 84-85.

⁴⁵⁵ Hur Nam-lin. The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea // Japanese Journal of Religious Studies, 1999. Vol. 26. P. 107-134.

⁴⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 16. Л. 17-19.

⁴⁵⁷ Мун Хеджин. Ильдже синминджиги Кёнъсонъбу синса (Синтоистские храмы в Сеуле колониального периода) // Чонъсин мунхваёнгу, 2013. № 36.3. С. 369-396.

бывших авторитетом для многих корейцев, оставалась значимой на протяжении всего колониального периода.

В целом, несмотря на красивые декларации, главной целью японских властей в первое десятилетие после аннексии было освоение богатств Кореи, и, по нашему мнению, ассимиляционная политика не занимала сколь-нибудь важного места в умах чиновников генерал-губернаторства. Отличным примером этого служит материал газеты «Чосон ильбо» от 22 февраля 1926 г., посвященный расходам Японии на развитие Кореи. В статье, помимо прочего, было указано, что за период 1911-1924 гг. Япония израсходовала около 1 258 миллионов иен, из них около 524 млн. на промышленность, 136, 5 млн. на полицию и 18,5 млн. на образование.⁴⁵⁸ И хотя генерал-губернаторы Тэраути Масатакэ (1910-1916 гг.) и Хасэгава Ёсимити (1916-1919 гг.) обозначили цели на будущее, их практическая реализация начала осуществляться позднее.

1919-1937 гг. Первомартовское движение 1919 г. показало генерал-губернаторству, что методы жандармского контроля не только не помогут ассимилировать корейцев, но и не смогут поддерживать порядок в колонии. Очевидно, японские власти недооценили национальное самосознание корейцев. Кроме того, практически ничего не предпринималось для того, чтобы сгладить напряжённые отношения между проживавшими в Корее японцами и корейцами, которые ощущали себя людьми второго сорта. Исходя из этого, в рамках «политики культурного управления» (яп. *бунка сэйдзи*), объявленной новым генерал-губернатором Сайто Макото, были либерализованы различные сферы жизни Кореи, была частично введена свобода собраний. Также был отменён ряд дискриминационных законов, ограничивавший общественную и экономическую деятельность корейцев.⁴⁵⁹

---

⁴⁵⁸ АВП РФ. Ф. 284. Оп. 2. П. 2. Д. 19. Л. 3.

⁴⁵⁹ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 477.

На словах японские власти предлагали перейти от ассимиляции корейцев к «слиянию» корейского и японского народов.⁴⁶⁰ На деле же прилагались значительные усилия для создания и внедрения (в первую очередь среди образованных корейцев) концепции о корейском народе как исторически неотъемлемой части японского. В частности, для подобных целей в 1922 г. был сформирован «Комитет по составлению истории Кореи», в 1925 г. переименованный в «Общество по составлению истории Кореи», (朝鮮史編修會; кор. *Чосонса пхёнсухве*), в задачи которого входило «создание» общей истории Японии и Кореи, используя древние хроники.⁴⁶¹ Председателем «Общества» являлся генеральный инспектор Кореи (заместитель генерал-губернатора), а исследовательский состав включал в себя как японцев, так и корейцев. Что любопытно, одним членов «Общества» был Ли Бёндо, который впоследствии стал профессором Сеульского государственного университета и одним из крупнейших специалистов по древним корейским текстам.

Довольно заметным обществом паназиатской и прояпонской направленности было *Ёнджонхве* (研政會; кор. «Общество по изучению политики»), которое пропагандировало идею объединения Восточной Азии под властью Японии, при этом Корея виделась им как автономный регион в составе Японской империи. Для пропаганды своих идей члены общества выпускали ежегодные сборники и публиковали статьи в корееязычной газете «Тонъя ильбо», которая принадлежала магнату Ким Сонсу.⁴⁶² Среди авторов «Тонъя ильбо» присутствовали известные писатели и публицисты, одни из авторов «Декларации независимости» Первомартовского движения 1919 г. Ли Гвансу (1882-1950) и Чхве Намсон (1890–1957), а также ряд других представителей корейской интеллигенции.

⁴⁶⁰ Miura C., Litt. D. The Problem of Korean Assimilation // The Japan Magazine. Tokyo, 1921. Vol. 12, № 2-3. P. 130-134.

⁴⁶¹ Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 475.

⁴⁶² Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 782.

Для колониальных властей было важным, дав корейской интеллигенции возможность действовать в определённых рамках, оградить корейское общество от дальнейшего влияния китайской культуры, которая, по словам чиновников генерал-губернаторства «тормозила развитие Кореи и которая привела тому, что Корея ослабла и попала под влияние России, от владычества которой Корею спасла Япония».⁴⁶³

Политика культурного управления, помимо прочего, предполагала ряд реформ в области образования. Во-первых, в 1922 г. Сайто Макото подписал новый закон об образовании, который предполагал возможность совместного обучения корейцев и японцев. Во-вторых, в 1924 г. в Сеуле (тогда - Кэйдзё) был основан императорский университет Кэйдзё.⁴⁶⁴ В-третьих, было принято решение существенно увеличить финансирование строительства новых школ, рассчитанных в первую очередь на корейских детей.⁴⁶⁵ При этом, если в начале 1920-х гг. колониальные власти допускали существование многочисленных частных школ (в первую очередь конфуцианской направленности), то к концу 1920-х гг. появилась явная тенденция к борьбе с внесистемным образованием.⁴⁶⁶ Очевидно, что генерал-губернаторство не хотело допустить возможности получения знаний, не одобренных колониальными властями.

На протяжении всего колониального периода конфуцианское образование и конфуцианские догматы играли значительную роль во внедрении установок о необходимости корейцев подчиняться своему «старшему брату» - Японии.⁴⁶⁷ Стоит привести характерное мнение генерального консула СССР в Сеуле И.А. Чичаева: «Основная идея этой системы [образования. – К.И.] – воспитание лояльных и преданных

⁴⁶³ Chosen of To-day. Keijo (Seoul), 1929. P. 7-8.

⁴⁶⁴ Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 475.

⁴⁶⁵ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 130.

⁴⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 7. Л. 35-54.

⁴⁶⁷ Kang Thomas Hosuck. The Changing Nature of Korean Confucian Personality under Japanese Rule // Korea Journal, 1977. Vol. 17. No. 3. P. 22-36.

подданных японского императора, т.е. внушение учащимся различной белеберды [так в источнике. – К.И.], вытравление «опасных мыслей», обучение японскому языку и подавление в корейцах всяких признаков национального самосознания». ⁴⁶⁸ Однако проблема заключалась в том, что даже начальным образованием была охвачена очень незначительная часть корейских детей – это отражалось даже в официальных отчётах генерал-губернаторства. ⁴⁶⁹ Незначительные достижения – вроде официального преподавания корейского языка (но не в ущерб обязательному «государственному», т.е. японскому) – не слишком улучшали общую картину.

Вместе с тем, ассимиляционная политика не ограничивается одной лишь сферой образования. Именно в 1920-х гг. в Корее стали заметны не только японизация, но и определённая вестернизация жизни корейцев. Однако, как справедливо замечает Пак Чхансын, вестернизация была в первую очередь уделом горожан, и горожан японизированных. ⁴⁷⁰ Именно в их среде в 1920-е гг. появились корейские «стиляги» - *модонголь* (모던걸; от англ. modern girl) и *модонбои* (모던보이; от англ. modern boy). ⁴⁷¹ Насколько мы можем судить, значительная масса корейского общества относилась к ним сдержанно или даже неодобрительно. Причин тому было две: во-первых, *модонголь* представлялись для преимущественно патриархальной Кореи угрозой традиционным устоям, а во-вторых, «модники» многими корейцами воспринимались как подражатели японцам.

Вышеупомянутый пример является одним из многих показателей того, что в условиях колониальной Кореи и модернизация, и вестернизация проходили через «японскую призму». Поэтому для множества молодых

⁴⁶⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 13. П. 142. Д. 10. Л. 1-2.

⁴⁶⁹ Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22). Keijo (Seoul), 1923. p. 272-273.

⁴⁷⁰ Park Chan Seung. Japanese Rule and Colonial Dual Society in Korea // Korea Journal, 2010. Vol. 50, No. 4. P. 69-98.

⁴⁷¹ Чхве Бёнътхэк, Е Джисук. Кёнъсонъ рипхотхы (Кёнсонский репортаж). Сеул, 2009. С. 118-142.

корейцев определённая японизация была неизбежна. Более того, как мы можем судить по мемуарным материалам, немало корейцев не видели в определённой японизации угрозы для Кореи или своей национальной идентичности.⁴⁷² Японизация не мешала им продолжать воспринимать себя как корейцев, особенно с учётом того, что окружающие их японцы периодически, так или иначе, напоминали им об этом. Обучение в Японии, к которому стремились многие образованные молодые корейцы, также не делало их японцами и, в массе своей, не искажало их осознание себя как корейцев.⁴⁷³ Определённые перемены наметились лишь на рубеже 1920-1930-х гг., и сильно проявились в конце 1930-х – 1-й половине 1940-х гг., о чём мы подробнее скажем далее.

По словам уже упоминавшегося генконсула СССР в Сеуле Чичаева, «принцип ассимиляции корейского народа с японским, ... привёл к тому, что о современной [1928 г. – К.И.] корейской культуре можно [было] говорить с большими оговорками».⁴⁷⁴ Тем не менее, ошибочно считать, что политика Японии заключалась лишь в подавлении корейской культуры. Вплоть до конца 1930-х гг. генерал-губернаторство не подавляло, но порой даже оказывала поддержку Обществу корейского языка (*Хангыль хакхве*), которое в 1933 г. опубликовало реформированные правила орфографии корейской письменности *хангыль*. В лингвистических исследованиях корейского языка ещё в 1920-е гг. принимали участие не только корейцы, но и японцы, поэтому, мы полагаем, что, ни в японском обществе, ни в японских властных кругах не было единого мнения о языковой политике в колониальной Корее.⁴⁷⁵

Вплоть до начала 1940-х гг. корейский и японский языки вполне уживались в СМИ, официальных сферах и в бытовом общении. Примером может служить то, что до 1940-х гг. Корейское радиовещательное

⁴⁷² Kang Hildi. *Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945*. Ithaca and London, 2005. P. 43-45.

⁴⁷³ Ibid. P. 51-55.

⁴⁷⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 165.

⁴⁷⁵ Ли Бёнъгын, Сон Чхорый, Чон Сынъчхоль. *Ильдже синминджи сиги хангугый онова мунхак (Корейские язык и литература колониального периода)*. Сеул, 2007. С. 3-42.

объединение (яп. *Тё:сэн хо:со: кё:кай*) – фактически государственный орган – осуществляло вещание как на корейском, так и на японском языках. Более того, в пропаганде вышеупомянутой реформы корейской письменности радиовещание принимало непосредственное участие.⁴⁷⁶

Напоследок, хотелось бы упомянуть о возникшем в конце 1920-х - 1930-х гг. в Японии обратного феномена, который Тэйлор Аткинс назвал «кореефилией». Именно в этот период Япония массово знакомилась с такими музыкальными новинками как джаз, и на этом фоне, национальная корейская песня «Ариран», переложённая на японский язык, обрела заметную популярность. Впоследствии, в дополнение к нескольким сотням корейских версий, были сочинены несколько десятков японских версий «Ариран», которые не только покоряли сердца японских слушателей, но и использовались в самой Корее в качестве пропаганды.⁴⁷⁷ Например, в конце 1930-х гг. в ряде версий «Арирана» пропагандировалась идея поступления на службу в японскую армию или идея переселенческой миграции в Китай.⁴⁷⁸ На волне интереса к корейским песням, в начале 1930-х гг. в Японии возник интерес ко всей корейской культуре, однако, интерес поверхностный и недолговечный.

Подводя итоги периода 1919-1937 гг., мы можем сказать, что, в сравнении со всем колониальным периодом, годы политики культурного управления были временем относительной свободы, когда колониальные власти проводили относительно либеральную политику, и к репрессиям прибегали в исключительных случаях (главной мишенью которых были коммунисты, им сочувствующие, а также особо ярые корейские националисты). Стоит согласиться с мнением Л.В. Овчинниковой о том, что до середины 1930-х гг. японские власти проводили довольно осторожную

⁴⁷⁶ Seo Jaekil. Dual Broadcasting and Diglossia in the Japanese Colonial Period // Seoul Journal of Korean Studies, 2010. Vol.23, No.2. P. 173-194.

⁴⁷⁷ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. p. 155-168.

⁴⁷⁸ Atkins E. Taylor. The Dual Career of “Arirang”: The Korean Resistance Anthem That Became a Japanese Pop Hit // The Journal of Asian Studies, 2007. Vol. 66, No. 3. P. 645-687.

политику, стремясь не оказывать чрезмерного давления на национальное самолюбие корейцев.⁴⁷⁹ Также, хотя распространению японского языка и пропаганде японской культуры уделялись значительное внимание и средства, эффект этих мер был довольно незначителен. Билингвизм был характерен лишь для города и образованных слоёв населения. Основная масса корейцев была оторвана как от общества японцев, проживавших в Корее, так и, в значительной степени, от «модернизированной» части корейского общества, которая порой служила передаточным звеном между японцами и большинством корейцев, выполняя роли мелких служащих, переводчиков и т.п.

1937-1945 гг. Со вступлением на должность генерал-губернатора Кореи Минами Дзиро, колониальные власти сменили либеральный курс Сайто Макото и его преемника, Угаки Кадзисугэ, на курс радикальной ассимиляции корейцев. Паназиатизм, стремительно набиравший силу как в Японии, так и в Корее, с начала 1930-х гг., проявил себя в рамках политики радикальной ассимиляции, которую провозгласил в 1937 г. генерал-губернатор Кореи Минами Дзиро (1936-1942 гг.). Политика эта проводилась под лозунгом *Найсэн иттай* (內鮮一體, яп. «внутренние земли (Япония) и Корея - едины»), и предполагала своей целью «превращение [корейцев] в императорских верноподданных» (皇民化, кор. *хванъминхва*, яп. *ко:минка*).⁴⁸⁰ В современной южнокорейской историографии этот термин используется для обозначения политики японизации (황민화정책 кор. *хванъминхва чонъчхэк*).

Однако стоит заранее уточнить то, что японизация корейцев ставила акцент не на уничтожении корейской культуры, а на вытеснении корейской

⁴⁷⁹ Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение. 2009. № 3. С. 57-70.

⁴⁸⁰ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 138.

культуры и языка японскими.⁴⁸¹ Именно вокруг этого утверждения идут споры о правомерности наименования японской колониальной политики «культурным геноцидом» или даже «геноцидом корейского народа». Подробнее мы рассмотрим этот вопрос в конце данного параграфа.

Как мы считаем, вначале следует уделить внимание одной из самых заметных кампаний по японизации, проведённых генерал-губернаторством Кореи – политике смены имён (創氏改名, яп. *со:си каймэй*, кор. *чханъсси кэмёнъ*), пик которой пришёлся на 1939-1940 гг. Наиболее подробно политику колониальных властей в отношении имён изучил японский исследователь Мидзуно Наоки; ряд его работ переведен на корейский язык. Мидзуно утверждает, что политика генерал-губернаторства в отношении корейских имён не ограничивалась лишь желанием на скорую руку «японизировать» корейцев.

Например, еще 1909 г. (ещё до аннексии) в Корейской империи при участии японского генерал-резидентства был издан указ о семейных реестрах, согласно которому отныне всё корейцы должны были обязательно иметь фамилии.⁴⁸² Например, *ноби* (лично зависимое сословие), хотя и получили личную свободу ещё в 1894 г., до принятия этого указа не имели права носить фамилий. Кроме того, в условиях патриархальной Кореи, японские власти столкнулись с тем, что в семейных реестрах – *ходжок* (戶籍), которые являлись одним из важнейших документов, корейские женщины были записаны не под своими именами, а, например, как «госпожа Ким» или «вдова Пак». Разумеется, отсутствие поимённых записей значительно затрудняло для колониальных властей учёт населения, поэтому в 1915 г. был издан указ, предписывающий записывать в семейные реестры всех членов

⁴⁸¹ Brudnoy David. Japan's Experiment in Korea // Monumenta Nipponica, 1970. Vol. 25, No. 1/2. P. 155-195.

⁴⁸² Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбонный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. С. 42.

семьи под их личными именами.⁴⁸³ Также, на протяжении 1920-1930-х гг. генерал-губернаторство запрещало использовать имена, созвучные с неблагозвучными словами на корейском. Напомним, что иероглифы корейских имен обычно подбирались исходя из их значения, а не произношения.

Вскоре после аннексии Кореи, в октябре 1911 г. генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ подписал указ о запрещении корейцам брать себе японские имена и фамилии. По мнению Мидзуно Наоки, одними из главных причин запрета были ожидаемые проблемы с учётом населения и опасения полиции, что путаница в именах усложнит поимку преступников и осуществление контроля над населением Кореи.⁴⁸⁴ Среди причин, по которой генерал-губернаторство активизировало политику в области имён в конце 1930-х гг., было не только желание «ликвидировать дискриминацию корейцев» (в этом смена имён не изменила положение дел), но и изменить институт семьи в Корее по образцу Японии.⁴⁸⁵

Так или иначе, в ноябре 1939 г. генерал-губернатор Минами Дзиро подписал указ, разрешавший (но на деле, предписывавший) корейцам взять себе японские фамилии (которые заносились в семейный реестр).⁴⁸⁶ В феврале 1940 г. был издан аналогичный указ в отношении личных имён.⁴⁸⁷ По словам Минами Дзиро, приведение корейских имён и фамилий к японскому стандарту было важным этапом формирования из корейцев «верных подданных императора». ⁴⁸⁸ Также, отныне корейки после

⁴⁸³ Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджужый (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. С. 52-54.

⁴⁸⁴ Там же. С. 70-71.

⁴⁸⁵ Мидзуно Наоки. Чосон чхоньдокпунын вэ Чханъсси кэмёньюль сильсихэссылъкка? (Почему генерал-губернаторство Кореи проводило политику смены имён?) // Нэирьль ёнын ёкса, 2004. № 15. С. 182-193.

⁴⁸⁶ Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбоный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. С. 68.

⁴⁸⁷ Там же. С. 70.

⁴⁸⁸ Там же. С. 77.

замужества должны были брать фамилию мужа, что соответствовало японской традиции, но противоречило корейской.⁴⁸⁹

В большинстве случаев структура корейского имени состоит из односложной фамилии и двухсложного личного имени, японского же – из двухсложной фамилии и двухсложного личного имени. Сами корейцы, как правило, обговаривали вопрос смены фамилий с родственниками и подбирали «новую» японскую фамилию как производную от корейской или состоящую из схожих иероглифических элементов. Например, из корейской фамилии Ким (金) «создавали» японскую фамилию Канэсиро (金城), Канэда (金田); Пак (朴) – Кидо (木戸), Масаки (正木); Ли (李) – Кунимото (國本) Кимото (木元); Чхве (崔) – Ямамото (山本).⁴⁹⁰ Порой новую фамилию выбирали исходя их привязки к местности, откуда происходил род.⁴⁹¹ К августу 1940 г. (т.е. спустя 8 месяцев) 80% корейских домохозяйств значились как сменившие фамилию.⁴⁹² Однако личное имя поменяли лишь около 10% корейцев, т.к. большинство корейских (как и японских) имён двухсложные, и, сохранив написание своего имени, в официальных ситуациях корейцы лишь использовали японское чтение иероглифов.⁴⁹³

Учитывая то, что сохранив корейские имя и фамилию нельзя было поступить в школу, получать пайки и официальные документы, сложно назвать кампанию по смене имён иначе как принудительной.⁴⁹⁴ Кроме того, обещанная генерал-губернаторством ликвидация дискриминации не была реализована. Во-первых, поскольку в документах (в т.ч. и в семейных

⁴⁸⁹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 142.

⁴⁹⁰ Kang Hildi. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945. Ithaca and London, 2005. P. 120-121.

⁴⁹¹ Ильдже синминджи сизи сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 74-75.

⁴⁹² Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбонный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. С. 92.

⁴⁹³ Ильдже синминджи сизи сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 77-79.

⁴⁹⁴ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 496.

реестрах, *ходжок*) указывалось либо место рождения, либо место происхождения рода.⁴⁹⁵ Во-вторых, как мы понимаем, смена имени не давала автоматического владения японским языком и не меняла черт лиц у корейцев, поэтому в повседневной жизни дискриминация сохранялась вплоть до освобождения Кореи в конце 1945 г. Смена имён была достаточно распространена среди корейцев, проживавших в Японии. Однако это были частные инициативы, проходившие вне рамок кампании в Корее. Этому вопросу, как и вопросу интеграции корейцев в собственно Японии, мы уделим внимание в следующем параграфе.

Политика смены имён подвергалась критике как со стороны колониальных чиновников, полиции, или японских националистов, так и со стороны националистов корейских.⁴⁹⁶ Первые приводили уже упомянутые доводы о проблемах учёта населения и усложнении поимки преступников, вторые считали, что корейцы «недостойны» носить японские имена и фамилии, третьи же, были уверены, что смена имён нанесёт сильный удар по национальной идентичности. Однако и среди корейцев нашлось немало тех, кто одобрял смену имён, видя в этом шаг на пути к интеграции Кореи в Японскую империю как неотъемлемую её часть. В первую очередь это были люди, принадлежавшие к образованным слоям корейского общества: публицисты, писатели, учёные, предприниматели.⁴⁹⁷ Стоит отдельно упомянуть и о категории образованных корейских женщин, среди которых были достаточно распространены феминистские настроения, и которые видели в смене имён более современный способ социальной идентификации.⁴⁹⁸

---

⁴⁹⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 142.

⁴⁹⁶ Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбоный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён). Сеул, 2008. С. 187-193.

⁴⁹⁷ Там же. С. 231-261.

⁴⁹⁸ Там же. С. 256-258.

Однако только лишь смена имён и фамилий не могла способствовать ассимиляции корейцев или их интеграции в японское общество. Одним из важнейших условий интеграции в тех условиях было знание японского языка. И, по нашему мнению, незнание или слабое владение японским языком было одним из препятствий в проведении ассимиляционной политики.

Если в 1913 г. корейцев, понимающих японский, насчитывалось 92 тыс. человек (0,6% от общего количества корейцев), то в 1939 г. – 3 069 тыс. человек (13,9%).⁴⁹⁹ Если мы попробуем взглянуть на эти числа с точки зрения официальных отчётов генерал-губернаторства Кореи, то сможем отметить многократное (23-33 раза, в зависимости от способов подсчёта) увеличение количества корейцев, владеющих японским языком. Однако, по нашему мнению, это очень скромные результаты за 26 лет (с 1913 по 1939 гг.). Разумеется, не стоит думать, что колониальные власти не были в курсе дел. Вероятнее всего до определённого момента они просто не видели смысла вкладывать средства в развитие системы образования, рассчитанной на корейцев.

Начиная с середины 30-х гг. в школьных программах неизменно сокращалось количество часов, уделяемое изучению корейского языка и культуры, в то время как часы, отданные для японского языка, увеличивались. В 1941 г. преподавание корейского языка полностью исчезло из учебных планов.⁵⁰⁰ Также, история преподавалась только на пятом и шестом году обучения, причём изучалась она как «государственная история», под которой подразумевалась история Японии. Нужно добавить, что всё преподавание велось на «государственном языке», т.е. на японском.⁵⁰¹

Для увеличения количества знающих японский язык в 1938 г. было открыто около 3660 «пунктов изучения родного (т.е. японского) языка»,

⁴⁹⁹ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 269; См. Приложение 12.

⁵⁰⁰ Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. *Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // Asia Pacific Education Review*. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 75-89.

⁵⁰¹ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 269.

предназначенных в первую очередь для взрослых.⁵⁰² Однако насколько можно судить, результативность их работы была ниже, чем ожидалось. По сведениям Ф.И. Шабшиной, многие корейцы считали, что «лучше молчать, чем говорить по-японски».⁵⁰³ Тем не менее, владение японским языком представлялось необходимым для успешной социальной жизни, в первую очередь в условиях города. Учитывая то, что в патриархальном корейском обществе женщины, как правило, проводили время дома, неудивительно, что в конце 1930-х гг. около четверти из всех корейских мужчин понимали японский язык и могли изъясниться на нём, по мере своих способностей.⁵⁰⁴ При этом большинство корейских женщин обычно не обладали даже минимальными знаниями японского языка, поэтому дома корейские дети воспитывались в первую очередь под влиянием корейского языка и культуры.

Вскоре после начала Второй мировой войны ассимиляционные мероприятия были усилены. Были закрыты все газеты на корейском языке за исключением «Мэиль синбо» (официального печатного органа генерал-губернаторства).⁵⁰⁵ Согласно указу генерал-губернатора Минами Дзиро, с 1940 г. в школах и общественных учреждениях предписывалось разговаривать только на японском языке, а за разговоры на корейском налагались штрафы. В свою очередь, хорошее знание японского языка поощрялось премиями.⁵⁰⁶ Однако, как по воспоминаниям Ф.И. Шабшиной, так и по сведениям современных исследователей, запретительные меры, как ни странно, не привели к тому, что большинство корейцев лучше овладели

⁵⁰² Ильдже синминджи сиги сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 287-289.

⁵⁰³ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 56.

⁵⁰⁴ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 270.

⁵⁰⁵ Ильдже синминджи сиги сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 301-306.

⁵⁰⁶ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 25. П. 244. Д. 75. Л. 6.

японским. Напротив, в повседневной жизни корейцы по-прежнему говорили в основном по-корейски.⁵⁰⁷

Важным элементом политики японизации было включение синтоистских ритуалов в общественную жизнь всего населения Кореи. С началом усиления политики ассимиляции, синто приобрело определённую прозелитическую значимость. Справедливости ради стоит сказать, что аналогичные процессы проходили на Тайване, но с меньшими масштабами.⁵⁰⁸ Официальная статистика колониальных властей насчитывала в 1938 г. около 100 тыс. синтоистов в Корее, из которых лишь 21 тыс. были корейцами.⁵⁰⁹ Насколько мы можем судить, даже по официальным данным, популярность синто в конце 1930-х гг. была заметно ниже чем у буддизма или христианства.⁵¹⁰ Помимо главных синтоистских храмов в крупных городах Кореи (神社, яп. *дзиндзя*, кор. *синса*), при поддержке властей по всей Корее возводились также сотни более мелких святилищ (神祠, яп. *синси*, кор. *синса*).⁵¹¹

С 1937 г. генерал-губернаторство фактически сделало участие в синтоистских церемониях частью гражданской и общественной жизни.⁵¹² К участию в ритуалах, приуроченных к общенациональным или синтоистским праздникам, привлекались не только школьники и госслужащие, но и ряд других категорий населения.⁵¹³ При этом принадлежность к другой религии

⁵⁰⁷ Ильдже синминджи сизи сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 290-295.

⁵⁰⁸ Nakajima Michio. Shinto Deities that Crossed the Sea: Japan's "Overseas Shrines," 1868 to 1945 // Japanese Journal of Religious Studies. 2010. Vol. 37, No. 1, Religion and the Japanese Empire. P. 21-46.

⁵⁰⁹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 273.

⁵¹⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 21. П. 189. Д. 50. «Обзор прессы за март-июнь 1938 г.». Л. 73.

⁵¹¹ Nakajima Michio. Shinto Deities that Crossed the Sea: Japan's "Overseas Shrines," 1868 to 1945 // Japanese Journal of Religious Studies. 2010. Vol. 37, No. 1, Religion and the Japanese Empire. P. 21-46.

⁵¹² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 140.

⁵¹³ Ильдже синминджи сизи сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). Сеул, 2007. С. 119-120.

не избавляло от необходимости принимать участие в ритуалах: в ходе политики японизации давление оказывалось как на буддистов, так и на христиан.⁵¹⁴ Однако, насколько мы можем судить, для тех корейцев, которые не находились на госслужбе (в т.ч. работали в сфере образования) или проживали в удалённых районах, призывы к участию в синтоистских ритуалах так и остались призывами.⁵¹⁵ В целом же, массы корейцев продолжали воспринимать синтоизм как чуждую религию и выполняли синтоистские ритуалы лишь для вида.

Как мы считаем, из всех групп населения, пожалуй наиболее восприимчивы для идеологической и религиозной обработки были корейские учащиеся школ. Помимо идеологической обработки в школах, где преподавание с 1938 г. велось на японском языке, школьники ежедневно исполняли гимн Японии *Кими га ё*, японские патриотические песни, например *Хи но мару* («Солнечный флаг», т.е. флаг Японии) или *Тайхэйё: ко:синкёку* («Тихоокеанский марш»)⁵¹⁶ Также ежедневно декламировалась обязательная для всех (в т.ч. всех корейцев) Клятва подданного страны императора (皇國臣民[ノ]誓詞, яп. *ко:коку симмин [но] сэйси*, кор. *хванъгук синмин соса*), написанная в 1937 г. чиновником генерал-губернаторства Ли Гакчоном.⁵¹⁷

В целом, корейские учащиеся больше всех ощущали на себе проведение политики японизации. Это неудивительно, учитывая то, что они рассматривались как будущие призывные ресурсы Японии. Однако для того, чтобы корейцы *добровольно* изъявляли желание воевать за Японию и умереть за Японию, властям было совершенно необходимо добиться того, чтобы

⁵¹⁴ Hur Nam-lin. The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea // Japanese Journal of Religious Studies. 1999. Vol. 26. P. 107-134.

⁵¹⁵ Kang Hildi. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945. Ithaca and London, 2005. P. 114-115.

⁵¹⁶ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 144.

⁵¹⁷ Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 44.

корейская молодёжь ощущала себя японцами. Более подробно вопрос службы корейцев в армии мы рассмотрим в параграфе 3.2. Здесь же мы лишь подробнее разберём систему мобилизации населения Кореи в 1938-1945 гг. как части проведения политики японизации.

На пути решения проблемы формирования из корейцев призывного контингента стояло две главных проблемы: недоверие и предубеждение к корейцам со стороны японских властей, и слабое знание корейской молодёжью японского языка. Как мы уже говорили ранее, даже по официальным данным, в 1939 г. японским языком владело лишь около 14% населения Кореи.⁵¹⁸ Хотя за период с 1934 по 1939 г. количество корейских детей, обучавшихся в начальных и средних школах, выросло вдвое, степень охвата образованием (особенно средним) среди корейцев была намного ниже, чем среди японцев, проживавших в Корее, и уж тем более ниже, чем в собственно Японии.⁵¹⁹ По нашему мнению, Япония слишком поздно и с неохотой вкладывало средства в массовое образование в Корее, во многом ввиду необходимости финансировать агрессию против Китая, содержать Квантунскую армию в Маньчжурии и гарнизонную армию в Корее, а затем и напрягать все силы империи в борьбе против США.

Для идеологической обработки, а также подготовки призывных и формирования трудовых ресурсов японские власти использовали разветвлённую сеть организаций, самой крупной из которых был «Корейский союз по мобилизации всех сил нации» (國民總力朝鮮聯盟, яп. *кокумин со:рёку тё:сэн рэнмэй*, кор. *кунъмин чхонънёк чосон ёнмэнъ*), сформированный в 1940 г. из созданного в 1938 г. «Корейского союза по мобилизации национального духа» (國民精神總動員朝鮮聯盟, яп. *кокумин сэйсин со:до:ин тё:сэн рэнмэй*, кор. *кунъмин чонъсин чхонъдонъвон чосон*

⁵¹⁸ Grajdanzev Andrew. *Modern Korea*. New York, 1944. P. 269.

⁵¹⁹ Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. *Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling?* // *Asia Pacific Education Review*. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 75-89; См. Приложение 11.

ёнмэнь).⁵²⁰ К 1940 г. в «патриотические ячейки» «Союза» было включено поголовно всё население Кореи.⁵²¹ Главной задачей «Союза» был контроль над исполнением «на местах» распоряжений генерал-губернаторства о мобилизационных мероприятиях, об участии населения Кореи в синтоистских ритуалах, о распространении японского языка и т.п.

Японские власти уделяли отдельное внимание работе с молодёжью. Параллельно с «Корейским союзом по мобилизации национального духа» существовали и другие организации, вроде «Корейского союза молодёжи» (朝鮮聯合青年團, яп. *тё:сэн рэнго: сэйнэндан*, кор. *чосон ёнхап чхонённдан*), насчитывавшего более 160 тыс. членов; или рассчитанные на более младшее поколение «Союз девочек» (女子青年團, яп. *дзёси сэйнэндан*) и «Союза мальчиков» (少年團, яп. *сё:нэндан*), насчитывавшие ок. 4800 и 22 700 человек соответственно (данные за весну 1940 г.).⁵²² В целом, функции этих организаций совпадали функциями вышеупомянутого «Союза по мобилизации национального духа».

Подобная деятельность велась не только в Корее, но и на Тайване, где она, как ни странно, дала куда большие плоды.⁵²³ Возможно, это связано с тем, что политика японизации на Тайване проходила быстрее в силу меньшей численности населения. В 1937 г. на Тайване из 6,2 млн. человек японским языком владело 37,8 % населения, а в 1944 г. – 71,1 %.⁵²⁴ В Корее же, к 1942

⁵²⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 237. Д. 101. «Политико-экономический обзор Кореи за 1940 г.». Л. 12-13.

⁵²¹ Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение. 2009. № 3. С.57-70.

⁵²² АВП РФ. Ф. 146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 77. Д. 28. «Колонии Японии – Корея. Часть 2-я. Историко-географический и политико-экономический очерк». Л. 157.

⁵²³ Головачёв В.Ц. Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895 – 1945) // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 202-220.

⁵²⁴ Там же. С. 202-220.

г. из 25,5 млн. корейцев лишь около 20% (5,08 млн. чел.) могли читать и говорить по-японски.⁵²⁵

Межнациональные браки также можно рассматривать как часть ассимиляционной политики. Однако, насколько нам известно, хотя японские власти и выказывали умеренную поддержку смешанных браков, в собственно Корее корейско-японских браков было заключено немного, о чём уже говорилось в параграфе 1.2. Куда более заметно количество подобных браков, заключённых на территории Японии. Однако это лишь косвенно связано с политикой японских властей, и подробнее этот вопрос мы рассмотрим в следующем параграфе 2.3., посвящённом формированию и развитию корейской диаспоры в Японии.

Подводя итоги обзора мер и результатов японской ассимиляционной политики в Корее, мы можем сказать, что цель, которую поставило перед собой генерал-губернаторство, - полная ассимиляция корейского народа и включение его в состав японской нации – была не просто сложна. Она была невыполнима. В целом, такой же точки зрения придерживаются и отечественные, и зарубежные (в т.ч. южнокорейские) специалисты. Однако в большинстве случаев провал политики японизации (даже если не рассматривать факт поражения Японии в 1945 г.), объясняют в первую очередь активной деятельностью корейского национально-освободительного движения (или же пассивным сопротивлением большинства корейцев). Особенно большое значение этому фактору придают корейские исследователи: и на Севере, и на Юге.⁵²⁶

Вероятнее всего, это обусловлено в первую очередь идеологическими причинами, поскольку довольно значительная часть корейского общества так или иначе не просто поддерживала японские власти, но и поддерживала

---

⁵²⁵ Тхальсинминджужуй ёнгу согый «Синминджи Чосон»: кволлёк, мидио, тосиконъгане тэхан тхамгу. («Колониальная Корея» в постколониальных исследованиях: власть, СМИ, городское пространство). Сеул, 2009. С. 97-98.

⁵²⁶ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 499-517.

искренно.⁵²⁷ Разумеется, здесь присутствовали и корыстные мотивы, и честолюбие, но факт остаётся фактом – далеко не все корейцы истово ненавидели колониальный режим. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в третьей главе. Здесь же стоит сказать о куда более прозаичных причинах провала ассимиляционной политики.

Во-первых, вплоть до 1937 г. японизация корейцев проходила очень умеренно, и лишь при Минами Дзиро политика *хванъминхва* стала одним из приоритетов для генерал-губернаторства. Во-вторых, в стремлении ускорить ассимиляцию, генерал-губернаторство проводило весьма жёсткие меры, например введение ограничения, а затем запрет на использование корейского языка в общественной сфере; кампания по смене имён, воспринятая в штыки большинством населения, для которого сохранение корейского имени несло определённый сакральный смысл «почтительности к предкам». Подобные меры лишь вызывали недовольство и озлобление большей части населения Кореи.

В-третьих, межнациональная напряжённость между корейцами и японцами сохранялась на протяжении всего колониального периода истории Кореи. Это было большим препятствием на пути интеграции корейцев в японское общество как «верных подданных императора».⁵²⁸ Также не будем забывать, что число японцев, проживавших в Корее, составляло не более 3% от всего населения полуострова.⁵²⁹ И, наконец, в-четвёртых, по нашему мнению не стоит забывать, что политика радикальной ассимиляции проводилась в условиях разрастающейся войны – сначала с Китаем, а затем и на Тихом океане против США и их союзников. В условиях войны, когда даже в метрополии пытались экономить на всём, чём только возможно, проведение размеренной социальной политики (и ассимиляционной

---

⁵²⁷ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 148-157.

⁵²⁸ Brudnoy David. Japan's Experiment in Korea // Monumenta Nipponica. 1970. Vol. 25, No. 1/2. P. 155-195.

⁵²⁹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 76.

политики, как её части) было недоступной роскошью. С учётом всё возрастающих темпов выкачивания природных и трудовых ресурсов из Кореи, а также на фоне ужесточения колониального режима, корейцам было очень сложно проникнуться пропагандой, призывавших «верноподданных» «сплотиться вокруг императора Японии».

Напоследок, представляется необходимым дать оценку и утверждению о колониальном «культурном геноциде» корейцев. По нашему мнению, действительно можно согласиться с утверждениями о подавлении и вытеснении корейской культуры японской, особенно если говорить о периоде 1937-1945 гг. Однако, как мы уже было сказано выше, зачастую модернизация Кореи (в т.ч. культурная) происходила при посредничестве японской культуры, без какой-либо заметной поддержки колониальных властей. Поэтому, на наш взгляд, нельзя причислять *поголовно все* культурные элементы, заимствованные Кореей и корейцами у Японии, к средствам культурного геноцида или же культурного подавления. С учётом политики японизации, действительно можно говорить о подавлении корейской культуры на государственном уровне, особенно в 1940-х гг., но применение термина «культурный геноцид» представляется нам совершенно неприемлемым.

2.3. Корейская диаспора в Японии в годы колониализма (1910-1945) и на рубеже XX и XXI вв.: проблема интеграции

Проблема ассимиляции корейцев географически затрагивает не только Корейский полуостров. Крупнейшая корейская диаспора в наши дни присутствует на северо-востоке КНР которая сформировалась в годы японского господства в Корее и Маньчжурии (и, во многом, именно из-за сложившейся исторической обстановки). Однако в данной работе изучением третьей по численности (после КНР и США), корейской диаспорой в Японии. Во-первых, исторические обстоятельства формирования обеих общин сильно

отличаются; также отличаются и современные условия их существования. Во-вторых, в данной работе мы предпочтём сохранить установленные ранее географические рамки – территория современных РК, КНДР и Японии.

Вопреки распространённому утверждению о жителях Японии как о моноэтнической нации, следует сказать, что на протяжении большей части XX века на Японских островах сформировались (помимо автохтонных айнов) две крупные диаспоры: корейская и китайская. Однако, если китайская диаспора значительно увеличилась лишь за последние 25 лет, то корейская по большей части является наследием имперской эпохи. Множество современных отечественных исследований, посвящённых корейцам, постоянно проживающим в Японии, основное внимание уделяют вопросам насильственной трудовой мобилизации корейцев и вывозу их в Японию в 1940-е гг., либо проблемам дискриминации корейцев в современном японском обществе.⁵³⁰ Общеисторические работы по истории Кореи также затрагивают в первую очередь проблему насильственной трудовой и военной мобилизации.⁵³¹

Заранее стоит уточнить терминологию. В современной Японии корейцев, имеющих японское гражданство, как правило, называют *канкокукэй нихондзин* (韓国系日本人), т.е. японцами корейского происхождения. Для тех корейцев, которые получили гражданство Республики Корея или КНДР - *дзайнити канкокудзин* (在日韓国人) или *дзайнити тэсэндзин* (在日朝鮮人) соответственно, что означает «корейцы, проживающие в Японии». В самой Корее более распространён вариант *чэиль кёпхо* (재일교포) – «зарубежные соотечественники, проживающие в Японии». В данной работе мы будем использовать преимущественно японский термин *дзайнити* (在日, «проживающие в Японии», часто используется именно в отношении корейцев). Главными причинами являются, во-первых, большая

⁵³⁰ Гринюк В.А. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. 2013. № 2(16). С. 109-136.

⁵³¹ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 758

распространённость этого термина, а во-вторых, так как географические рамки данной исследовательской задачи ограничены собственно Японией (в её современных границах), более логичным нам представляется использование японской терминологии.

Колониальный период (1910-1945). До аннексии Кореи в 1910 г. количество корейцев, приезжавших в Японию для учёбы или на заработки, оставалось относительно невысоким и не могло сравниться с притоком японцев в Корею. Однако после аннексии Кореи в 1910 г. и проведения земельной реформы, в результате которой тысячи крестьян лишились своих наделов, множество корейцев (большая часть которых были жителями сельской местности) покидали деревни в поисках лучшей жизни. Они шли в города, эмигрировали в другие страны или уходили в горы, где занимались подсечно-огневым земледелием. Последняя категория крестьян, которых называли *хваджонмины* (от «хваджон» - «огненное поле») представляли собой беднейшую часть корейского крестьянства. Те корейцы, которые решались на эмиграцию направлялись, в большинстве своём, в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), чуть меньше – в Японию, и некоторое количество переселилось в Россию. Остальные выходцы из корейских деревень переселялись в города и становились пролетариатом.

С 1910 года корейская диаспора в Японии начинает активно расти. В 1913 году в Японии проживало лишь около 3 000 корейцев, к 1920 году их было уже более 40 тысяч.⁵³² Однако в сравнении со всем населением Японии, они пока не являлись крупной диаспорой. Доля корейских рабочих была невелика и уделом их был преимущественно опасный и низкооплачиваемый труд на производстве и в горнодобывающей промышленности.⁵³³

---

⁵³² Korean Permanent Residents in Japan // Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan. Center for US-Japan Comparative Social Studies. URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014); См. Приложение 8.

⁵³³ Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan: 1910 – 1923. Manchester University Press, 1989. P. 49-52.

В Японии к корейцам сложилось весьма неприязненное отношение. Зачастую в них видели безграмотных, нищих «гастарбайтеров», которые отказывались от ассимиляции в японском обществе и предпочитали жить в «общинах» по несколько десятков, изредка по несколько сотен человек.⁵³⁴ Даже в официальных японских документах корейцы назывались «ленивыми», «тратящими свои свободные деньги на азартные игры и выпивку».⁵³⁵ Подобное положение не сильно могли изменить образованные слои корейской диаспоры, так как с момента аннексии в 1910 г. доля корейских учащихся и интеллигентов среди всей корейской диаспоры в Японии стала неуклонно снижаться. Если в 1910 году студенты составляли большинство корейской диаспоры в Японии, то к концу 1920-х гг. из 200 тысяч корейцев лишь около 9 тысяч были студентами.⁵³⁶ Однако несмотря на свою немногочисленность корейские студенты в Японии были политически активны. Они неоднократно организовывали митинги, пропагандирующие независимость Кореи, а в феврале 1919 г. несколько сотен человек даже вернулись в Корею для того чтобы принять участие в событиях, названных Первомартовским движением.⁵³⁷

После жестокого подавления Первомартовского движения 1919 г. (о котором написано достаточно подробно в любой современной книге по истории Кореи) в Японии сформировался образ корейца как человека, всегда готового к мятежу, опасного для японского государства и вообще враждебного японцам. Столь напряжённые отношения между корейцами и японцами спустя несколько лет привели к трагедии. После Великого землетрясения Канто, которое произошло 1 сентября 1923 г., и последующих пожаров, которые повлекли за собой ещё большие жертвы, чем

---

⁵³⁴ Ли Сынъхи. Синминджи сиги чеиль чосонине тэхан ильбон чхиандангугый инсик (Взгляд японских правоохранительных органов на корейцев, проживавших в Японии, в годы колониального режима) // Ханиль квангеса ёнгу. 2013. № 44. С. 161-191.

⁵³⁵ Mitchell Richard H. The Korean Minority in Japan . Berkeley, Los Angeles, 1967. P. 31.

⁵³⁶ Ким Г.Н. Корейские студюозы в Японии. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/151517.shtml (17.02.2009).

⁵³⁷ Society and the state in interwar Japan. London , New York, 1997. P. 172-176

землетрясение, среди местного населения пошли слухи, что местные корейцы готовят восстание, поджигают дома японцев и т.п.

Местное полицейское начальство, доверившись непроверенной информации, решило «сработать на опережение» - было объявлено военное положение, в район Токио и Йокогамы были введены войска, власти начали формировать отряды самообороны. Когда градус «кореефобии» достиг критической черты, несмотря на то, что прямого приказа убивать корейцев не было, распространение директив о «бдительности в отношении корейцев и коммунистов» стало решающим фактором для начала массового психоза. Японские резервисты, члены молодёжных обществ, обычные горожане, порой в массовом избиении корейцев участвовали даже армия и полиция. Под горячую руку попали также китайцы и те японцы, которые говорили с акцентом или на диалекте. Лишь к 5 сентября, после выступления премьер-министра Ямамото, накал антикорейских настроений несколько снизился. Так как в условиях хаоса после землетрясения подсчёт жертв был затруднён, до сих пор является дискуссионным вопрос о количестве жертв этих погромов. Оценки колеблются от 2 до 6 тысяч человек.⁵³⁸

Такой неоправданной и бессмысленной жестокостью были возмущены не только корейцы, но и многие японцы, что увеличило среди них количество сторонников равноправия корейцев. Правительство Японии решило взять курс на пропаганду сближения корейцев и японцев, пытаясь обосновать это исторической и культурной общностью Кореи и Японии. Если раньше целью Японии была «гармонизация отношений японцев и корейцев», то в 1920-х гг. была поставлена задача «вливать корейцев в Японскую империю».⁵³⁹ Однако в японском обществе по-прежнему были сильны предубеждения против корейцев. Во многом эти предубеждения подогревались японскими СМИ, которые приписывали корейцам множество имманентно присущих пороков:

---

⁵³⁸ Гайкин В.А. Массовые убийства корейцев в Японии в 1923 г. и роль полиции (к 90-летию погромов) // NB: Российское полицейское право. 2013. № 2. С. 1-21

⁵³⁹ The New Administration in Chosen. Seoul, 1921. P. 8-12.

склонность к мошенничеству, убийству, непристойному поведению, полигамии.⁵⁴⁰

Помимо культурных отличий и слабого владения японским языком большинством, существовала проблема официального статуса корейцев в Японии. Для регистрации проживания на территории Японии требовалось привезти записи семейного реестра на новое место проживания, что формально означало, что вся корейская семья будет отныне проживать в метрополии.⁵⁴¹ Однако из-за различий между колониальным корейским законодательством и законодательством метрополии сделать это было довольно затруднительно. Кроме того, японское законодательство ограничивало право корейцев вступать в брак с японками, т.к. в таком случае они бы вносились в семейный реестр своего корейского мужа. Однако браки японцев с кореянками ограничены не были, по аналогичным причинам.⁵⁴²

Ввиду плохой экономической обстановки в Корее, поток иммигрантов в Японию постоянно возрастал – 80-150 тыс. человек в 1920-1930-е гг.⁵⁴³ Большая часть мигрантов состояла из неженатых корейских мужчин, планировавших после нескольких лет работы вернуться в Корею. Японские власти старались контролировать процесс трудоустройства мигрантов, а также устанавливали объём необходимых денежных средств для въезда в Японию (10 иен в 1920-е гг., что было по тем временам заметной суммой).⁵⁴⁴ Так или иначе, к 1930-м гг. в Японии проживало уже более 300 тыс. корейцев, многие из которых находились в Японии нелегально и жили в трущобах, расположенных в крупнейших городах метрополии.⁵⁴⁵

⁵⁴⁰ Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945. Seattle and London, 2009. P. 122.

⁵⁴¹ Ibid. P. 190.

⁵⁴² Ibid. P. 190.

⁵⁴³ Гринюк В.А. К истории корейской диаспоры в Японии // Япония наших дней. 2013. № 3(13). С. 91-104.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Ли Джонъын. Синмин чегукква чонджэнь, кыриго диасыпхораый сам (Колониальная империя, война и жизнь диаспоры) // Хангук сахвехак. 2011. № 45.4. С. 169-197.

Как правило, уделом большинства корейцев в Японии стала работа, за которую не соглашались браться японцы. Однако, часть корейцев, особенно молодёжь, находили своё место именно как часть японского общества. Например, судя по воспоминаниям, которые собрала американская исследовательница Хильди Кан, корейцы начали вступать в ряды японских якудза как минимум с 1930-х гг.⁵⁴⁶ Разумеется, японские власти, стремились осуществлять контроль над расселением и трудоустройством корейцев. Для этих целей ещё в 1924 г. была создана *Соайкай* (*Со:айкай*, 相愛會, яп. «организация взаимной любви [японцев и корейцев]»).⁵⁴⁷ Главными функциями этого квази-профсоюза были надзор за благонадёжностью и неучастием в коммунистических или сторонних профсоюзных организациях; подавление рабочего движения среди корейцев; принуждения корейских рабочих в Японии к вступлению в профсоюз (в т.ч. с применением силы); вербовка корейских рабочих и работниц (в т.ч. на территории Кореи). В *Соайкай*, который пользовался полноценной поддержкой японского государства, вице-президентом был кореец Пак Чхунгым, который с 1908 г. проживал в Японии и имел тесные связи как с японцами, так и с корейскими предпринимателями. Впоследствии он вместе с ещё несколькими корейцами неоднократно избирался в качестве депутата в Имперский парламент.

Деятельность *Соайкай* несла в себе и положительные черты: корейцам-рабочим предоставляли общежития, возможность воспользоваться больницами и биржами труда.⁵⁴⁸ Тем не менее, это способствовало сохранению контроля над рабочими и никоим образом не помогало сглаживать трения между ними и японцами. В качестве примера стоит сослаться на статью Дональда Смита о забастовке на угольных шахтах Асо,

⁵⁴⁶ Kang Hildi. *Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945*. Ithaca and London, 2005. P. 30-31.

⁵⁴⁷ Гайкин В.А. Корейская диаспора в Японии, квази-профсоюз Соайкай и Великое землетрясение в Канто // *Исторические исследования*. 2013. № 2. С. 89-142.

⁵⁴⁸ Там же.

недалеко от города Фукуока, в 1932 года.⁵⁴⁹ Несмотря на то, что рабочие организации левой ориентации существовали и у корейцев, и у японцев, японские рабочие отказались каким-либо образом поддерживать забастовку корейских шахтёров, которые работали с ними. Главной причиной этого было не столько сложности в языковой коммуникации, сколько бытовой расизм, которых пустил глубокие корни во всём японском обществе.

К середине 1930-х гг. *Соайкай* потеряла свою ценность как инструмент контроля над корейскими мигрантами. Во-первых, в борьбе с другими организациями корейских рабочих *Соайкай* показала себя как ярый сторонник японских властей. Во-вторых, в Японии к тому времени уже сложилась заметная общность корейцев, владевших японским языком на достаточном уровне, чтобы самим искать себе работу и жильё. Вскоре после начала кампании по трудовой мобилизации корейцев *Соайкай* был расформирован, уступив своё место японским госструктурам.⁵⁵⁰ Хотя *Соайкай* и получала львиную долю поддержки от государства, она была далеко не единственно организацией, объединявшей корейцев за рубежом. Самым крупным противником *Соайкай* был коммунистический профсоюз *Росо* (労総, *Ро:со:*, или 在日本朝鮮労働総同盟, *Дзайнихон тё:сэн ро:до: со:до:мэй*), насчитывавший около 30 тыс. человек. Однако он не выдержал борьбы с *Соайкай*, поддерживаемой японскими властями и к началу 1930-х растерял своё влияние.⁵⁵¹

Часть корейцев приезжала в Японию, чтобы иметь возможность получить образование, особенно высшее, которое в самой Корее было представлено только Императорским университетом Кэйдзё (Сеул), а затем вернуться в Корею и устроиться на работу учителем, служащим, или же

⁵⁴⁹ Smith W. Donald. The 1932 Aso Coal Strike: Korean-Japanese Solidarity and Conflict // Korean Studies. 1996. Vol. 20, No. 1. P. 94-122.

⁵⁵⁰ Гайкин В.А. Корейская диаспора в Японии, квази-профсоюз *Соайкай* и Великое землетрясение в Канто // NB: Исторические исследования. 2013. № 2. С. 89-142.

⁵⁵¹ Weiner Michael. The Race and Migration in Imperial Japan. Routledge, 1994. P. 168-169.

заняться бизнесом.⁵⁵² Зачастую именно во время учёбы многие корейцы получали сначала неофициальное японское имя, а спустя некоторое время смена имени на японское фиксировалась документально. Мы считаем, что в качестве характерного примера стоит привести историю корейца Со Мугапа, который родился в 1922 г. в корейской провинции Кёнсан-Пукто (официально в те годы назвавшейся Кэйсё-хокудо). В возрасте 8 лет он вместе с остальной семьёй переехал в Японию, где на тот момент уже несколько лет работал его отец. Вскоре после приезда он пошёл в школу и, так как японским учителям было непривычно его имя, взял себе (разумеется неофициально) имя Танака Масао. После окончания школы в 1938 г. Со Мугап смог поступить в японскую авиашколу Татикава, где его называли Дзо Букуо (японское чтение иероглифов его имени Со Мугап). А в 1940 г., из-за пропагандируемой политики ассимиляции корейцев ему, чтобы остаться в авиашколе пришлось официально сменить фамилию на Сироока.⁵⁵³

Милитаризация и быстрый рост производства Японии в начале 1930-х гг. требовали всё большего количества рабочих рук, одним из главных поставщиков которых стала Корея. Если в 1920 г. количество корейских мигрантов в Японии едва превышало 40 тысяч, то к 1930 г. оно достигло 420 тысяч, а в 1940 году превышало 1 240 тысяч человек.⁵⁵⁴

Начало войны с Китаем в 1937 г., а затем с США в 1941 г. принесли всему населению Японской империи, в том числе и корейцам новые проблемы. Всё больше корейцев привозилось в Японию в рамках добровольного, а затем и принудительного набора рабочих на японские заводы.⁵⁵⁵ Многие вскоре убегали с таких заводов из-за крайне тяжёлых

---

⁵⁵² Kang Hildi. *Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945*. Ithaca and London, 2005. P. 31-35.

⁵⁵³ Синминджи сонёный чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 3-13.

⁵⁵⁴ Korean Permanent Residents in Japan // *Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan*. Center for US-Japan Comparative Social Studies. URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014).

⁵⁵⁵ Ильдже синминджибэва канъджедонъвон (Японское колониальное правление и насильственная мобилизация). Сеул, 2010. С. 172-175.

условий работы. С одной стороны успехи генерал-губернаторства Кореи в мобилизации рабочей силы были значительными, однако, даже по официальным данным, количество рабочих, покидавших место приписки вскоре после приезда в Японию, постоянно увеличивалось. В официальной статистике таких рабочих называли «удравшими». Если в 1939 г. из 19 135 приехавших сбежало 485 человек, то в 1943 г. из 300 654 приехавших сбежало уже 109 185 человек.⁵⁵⁶

Учитывая обстоятельства, лишь относительно небольшая часть корейцев уезжала, чтобы учиться в японских университетах, колледжах или военных училищах (с 1938 года корейцам было разрешено служить в японской армии). По официальным данным в 1938 г. почти 800 тыс. *дзайнити*, лишь около 12 тыс. человек были учащимися. В 1942 г. таковых насчитывалось уже около 300 тыс. из более чем полутора миллионов *дзайнити*.⁵⁵⁷

Отдельно стоит сказать о браках между корейцами и японцами. Хотя вплоть до 1945 г. число корейцев, проживавших на Японских островах, постоянно росло, смешанные браки в собственно Японии были менее распространены, чем в Корее.⁵⁵⁸ В этом плане ситуация изменилась лишь в 1950-е гг., и к этому мы вернёмся чуть позже.

Армия стала одним из важнейших инструментов интеграции корейцев в японское общество и японскую культуру. Для корейцев, несколько лет проживших в Японии, была куда выше вероятность поступить в японские военно-учебные заведения, во многом из-за хорошего знания языка. Большинство корейцев-офицеров японской армии или армии Маньчжоу-Го (контролируемой Японией) получали образование на территории Японии. В их числе были и сотни лётчиков-корейцев, как минимум несколько десятков

⁵⁵⁶ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 121.

⁵⁵⁷ Ким Г.Н. Корейские студии в Японии. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/151517.shtml (17.02.2009).

⁵⁵⁸ Ланьков А.Н. Корейско-японские браки / Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.kr/articles/gorizonty/2910.html> (26.01.2008).

из которых готовились в отряды камикадзе⁵⁵⁹, и армейские офицеры, в том числе всем известный Пак Чонхи (генерал, президент Республики Корея в 1963-1979 гг.). Более подробно вопрос армии как инструмента ассимиляции корейцев и их интеграции в японское общество рассмотрен в следующей, третьей главе.

1945-2013 гг. К моменту капитуляции Японии в августе-сентябре 1945 г. на территории Японских островов, Карафуто (Сахалин) и Окинаве проживало более 2 млн. корейцев. В течение четырёх месяцев после капитуляции Японии более миллиона корейцев вернулись на родину, но к концу 1945 г. в Японии всё ещё проживало около 980 тыс. корейцев.⁵⁶⁰ При этом политическая ситуация на Корейском полуострове способствовала мощной обратной миграции в Японию.

Во-первых, это раздел Кореи на Север и Юг и последовавшие за этим политические чистки. Во-вторых, восстание на острове Чеджудо в 1948 г. и его жестокое подавление, в результате чего погибло около 15% населения острова. В 1948 г. только на территорию Японии с Чеджудо эмигрировало около 30 тыс. человек.⁵⁶¹ И, в-третьих, на обратную миграцию корейцев в Японию сильно повлияла Корейская война 1950-1953 гг. Одними из важнейших причин, почему почти 600 тысяч корейцев (560 тыс. чел. в 1951 г.)⁵⁶² остались жить в Японии, были как политическая, так и экономическая обстановка, которые ещё более ухудшились в ходе Корейской войны. Что

---

⁵⁵⁹ Синминджи сонёнй чханъгонъеый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 67.

⁵⁶⁰ Korean Permanent Residents in Japan // Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan. Center for US-Japan Comparative Social Studies. URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014); См. Приложение 8.

⁵⁶¹ Ibid.

⁵⁶² Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014).

интересно, по данным, приводимым в статье В.А. Гринюка, около двух третей *дзайнити* проживали в Японии ещё с 1920-1930-х гг.⁵⁶³

Вступление в силу Сан-Францисского мирного договора в апреле 1952 г. принесло корейцам, проживавшим в Японии новые сложности. Отныне корейцы, приехавшие в Японию до 2 сентября 1945 г. и их дети, родившиеся до 29 апреля 1952 г. становились иностранными резидентами и не могли считаться японскими гражданами. Это решение породило большую проблему, которую Япония пытается решить до сих пор. Несколько сотен тысяч корейцев стали «негражданами», апатридами - многие из них не обладали гражданством Республики Корея или КНДР, и в то же время они не являлись гражданами Японии.

В такой ситуации большую роль играли общественные организации, объединявшие большинство *дзайнити*. Во-первых, это действовавшая с 1945 по 1949 гг. *Тёрэн* (在日本朝鮮人連盟, *Дзайнити тё:сэн рэмэй*) – Ассоциация корейцев, проживающих в Японии. Однако эта организация была распущена и запрещена в 1949 г., по причине её участия в коммунистической пропаганде. Одновременно с этим было закрыто несколько десятков школ, содержавшихся на средства *Тёрэн*, и проводившие уроки на корейском языке.⁵⁶⁴ Во-вторых, это «перехватившая знамя» у *Тёрэн*, проюжнокорейская *Миндан* (재일본대한민국민단, кор. *Чэильбон тэханмингук миндан*; 在日本大韓民國民団, яп. *Дзайнихон дайканминкоку миндан*), активно действующая с 1946 г. по наши дни. И, третьей крупной организацией, сильно влиявшей на жизнь корейцев, стала просеверокорейская *Чочхоннён* (재일본 조선인 총련합회, кор. *Чэильбон чосонин чхонёнхапхе*; 在日本朝鮮人總聯合會, яп. *Дзайнихон тё:сэндзин со:рэнго:кай*), которая была создана в 1955 г. при поддержке КНДР корейцами, отказавшимися вступить в *Миндан*. Однако помимо крупнейших

⁵⁶³ Гринюк В.А. Корейская диаспора в Японии после Второй Мировой войны (1945-1960) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 124-134.

⁵⁶⁴ Там же.

объединений по всей Японии к концу 1945 г. существовало около 300 местных ассоциаций корейцев.⁵⁶⁵

С учётом того, что руководство Японии не поддерживало официальных отношений с Республикой Корея и не признавало КНДР, заметную популярность в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обрела распространяемая *Чочхоннён* идея о возвращении корейцев на Родину. Несмотря на то, что большинство *дзайнити* были выходцам с Юга Корея, благодаря пропаганде *Чочхоннёна* почти три четверти этнических корейцев, по словам Андрея Ланькова, приняли гражданство КНДР.⁵⁶⁶ Забегая вперёд, стоит напомнить, что Япония, как и РК, не признавала КНДР, что облегчило в дальнейшем части *дзайнити*-граждан КНДР получить южнокорейское или японское гражданство.

Андрей Ланьков в своей статье довольно подробно описал историю добровольной репатриации части корейцев в КНДР в 1959-1984 гг. используя материальную и политическую поддержку Красного креста, японских властей и Советского Союза. По данным Ланькова, за этот период в КНДР уехало около 95 тыс. человек.⁵⁶⁷ При этом, по данным Американско-японского центра компаративных социальных исследований суммарно таковых насчитывалось около 82 тысяч человек. Стоит упомянуть и то, что в эти годы в КНДР эмигрировали и 6 тысяч граждан Японии (в основном корейского происхождения или натурализованных корейцев), также при участии *Чочхоннён*.⁵⁶⁸ Вплоть до наших дней КНДР и Япония официально не имеет дипломатических отношений, поэтому *Чочхоннён*, насчитывающая более 100 тысяч членов, фактически является представителем КНДР в Японии.

---

⁵⁶⁵ Гринюк В.А. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. 2013. № 2(16). С. 109-136.

⁵⁶⁶ Ланьков А.Н. "Репатриация" корейцев из Японии в КНДР / Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.kr/articles/historypage/2926.html> (23.09.2007).

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Korean Permanent Residents in Japan // Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan. Center for US-Japan Comparative Social Studies. URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014).

Налаживание отношений между Японией и Республикой Корея, подписание договора в 1965 г., а затем и активное экономическое развитие Юга Кореи привело к тому, что чаша весов в вопросе гражданства *дзайнити* качнулась в сторону РК. Для многих корейцев, проживавших в Японии ещё в 1930-х, и достаточно японизированных для того, чтобы не эмигрировать, но недостаточно для натурализации (или же из-за нежелания натурализоваться), получение гражданства РК стала удовлетворительным вариантом. Например, часть корейцев, когда-то служивших в японской армии или учившихся в японских военно-учебных заведениях, предпочла остаться в Японии, получив при этом южнокорейское гражданство.⁵⁶⁹

После заключения базового договора об отношениях между Японией и Кореей в 1965 г. корейцы, которые не хотели получать гражданство РК, получали статус «приписанных к Корее» или «[лица] корейской национальности» (朝鮮籍, яп. *тёсэнсэки*, кор. *чосонджок*). Так как Япония не признавала гражданство КНДР, в категорию *тёсэнсэки* были включены и граждане КНДР. Однако значительная часть корейцев предпочла натурализацию. По данным *Миндан*, начиная за период 1953-1961 гг. ежегодно свыше двух тысяч корейцев становились японскими гражданами. В 1970-80-х гг. это число выросло до 4-5 тыс. ежегодно, а в 1990-е – 8-10 тысяч.⁵⁷⁰ Однако после 2005 г. процесс натурализации пошёл на спад. К причинам этого спада мы вернёмся чуть позже. Здесь же мы отметим, что по данным опроса, проведённым корейским исследователем Хан Бэхо, в середине 1970-х гг. в среднем половина *дзайнити* безоговорочно намеревалась остаться жить в Японии, и ещё около 10% сказали, что вернуться после объединения Кореи.⁵⁷¹

⁵⁶⁹ Синминджи сонёный чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 119, 167.

⁵⁷⁰ Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014); См. Приложение 9.

⁵⁷¹ Hahn Bae-ho, Hong Sung-chick. The Korean Minority in Japan: Their Problems, Aspirations and Prospects // Korea Journal. 1975. Vol. 15, No. 6. P. 4-21.

На протяжении всей 2-й половины XX в., да и в наши дни, корейцы, как и большинство других меньшинств в Японии, сталкиваются с постоянной правовой и бытовой дискриминацией. Во многом из-за сложившегося в колониальные годы стереотипа о корейце, как о малограмотном и ленивом рабочем, и после войны в японском обществе ко многим корейцам относились как к трудовым мигрантам и криминальным элементам, которые лишь «по недоразумению» до сих пор находились в Японии. Отношение к японским корейцам можно сравнить с отношением к буракуминам – потомкам средневековой касты «нечистых». И те и другие всячески дискриминировались японским обществом, и подвергаются дискриминации до сих пор. И те, и другие, выполняли грязную работу, которую не хотели выполнять японцы. Многие японские корейцы ушли в криминальный мир. По разным данным, в ряде группировок якудза корейцы составляют почти половину численности. Также преимущественно корейцы являются владельцами залов игровых автоматов *патинко*, которые зачастую используют якудза для отмывания денег.

Однако большинство корейцев предпочитают вести легальную деятельность, как правило внутри корейской общины. По данным Хан Бэхо, около 40% опрошенных в 1974 г. корейцев предпочитают искать работу среди «своих».⁵⁷² Разумеется, в первую очередь это связано с желанием находиться в более комфортной психологической обстановке. Кроме того, по этим же данным, в 1974 г. около половины корейцев работали только в исключительно корейских коллективах.⁵⁷³

Довольно подробно факты дискриминации корейцев при устройстве на работу или съеме жилья, а также борьбу корейцев-*дзайнити* за свои права изучил В.А. Гринюк.⁵⁷⁴ С точки зрения японского законодательства,

⁵⁷² Hahn Bae-ho, Hong Sung-chick. The Korean Minority in Japan: Their Problems, Aspirations and Prospects // Korea Journal. 1975. Vol. 15, No. 6. P. 4-21.

⁵⁷³ Ibid.

⁵⁷⁴ Гринюк В.А. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. 2013. № 2(16). С. 109-136.

дзайнити приравнивались к иностранцам, поэтому борьба *дзайнити* за свои права параллельно с аналогичным движением со стороны других иностранцев, в первую очередь китайцев.

Наиболее заметные изменения в этой области произошли в 1990-х гг. В первую очередь этому способствовало улучшение отношений между Японией и Республикой Корея. Японские власти разрешили корейцам официально открывать школы, где можно было получать образование на корейском языке. Нужно сказать, что этой возможностью воспользовались как проюжнокорейская *Миндан*, так и просеверокорейская *Чочхоннён*. Также в 1999 г. наконец было отменено правило, предполагающее снятие отпечатков пальцев иностранцев.⁵⁷⁵ В первую очередь это изменение было направлено на *дзайнити*, которым приходилось проделывать эту процедуру раз в 3-5 лет, хотя многие активисты демонстративно отказывались от снятия отпечатков.

Стоит отдельно рассмотреть вопрос браков между *дзайнити* и японцами. Если судить по официальной статистике, за период с 1955 по 2011 г. количество корейцев, заключивших брак с японцами, выросло с 30,5% до 88% (от общего количества *дзайнити*).⁵⁷⁶ С одной стороны, это помогает натурализоваться, особенно в том случае, если жена – корейка, а муж – японец. С другой стороны, часть браков на самом деле происходит внутри корейской общины, где *дзайнити* с японскими гражданством вступает в брак с гражданином Республики Корея или «постоянным резидентом». Кроме того, и ранее, и уж тем более в современных условиях, молодые корейцы сильно японизированы, что сильно облегчается в том случае, если они живут в смешанной семье.

⁵⁷⁵ Эсаулова Д. Е. Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000 – 2011 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. №1. С. 34-42.

⁵⁷⁶ Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014); См. Приложение 10.

Одной из самых частых причин отказа в натурализации было не слабое знание японского языка (в этом плане *дзайнити* во втором и третьем поколениях не отличаются от японцев), а отказ от «принятия японской культуры», что на деле означало то, что кореец отказывался брать себе японское имя. В настоящий момент, для натурализации допустимо *дзайнити* могут сохранять своё корейское имя, чем всё активнее пользуется корейская молодёжь.

По официальным данным Министерства юстиции Японии, около половины (а во 2-й пол. 1990-х – две трети) заявлений на натурализацию поступают от этнических корейцев.⁵⁷⁷ При этом, как мы можем судить по статистике отказов, большая часть заявлений от корейцев удовлетворяется. В любом случае, к концу 2012 г. из официально зарегистрированных 530 тыс. корейцев (*дзайнити*, причисленные к иностранцам) около 90% состоят в браке с гражданином Японии.⁵⁷⁸ Из них около 377 тыс. находятся в статусе «постоянного резидента» (特別永住者, яп. *токубэцу эйдзю:ся*). Напомним, что по японскому законодательству граждане КНДР также входят в эту категорию. Республика Корея, стимулируя принятие *дзайнити* южнокорейского гражданства, в конце 2000-х гг. ограничила въезд для «специальных резидентов», в основном из-за того, что таким образом на Юг попадали граждане КНДР или северокорейские шпионы.⁵⁷⁹

В настоящее время и в Японии, и в Республике Корея происходит пересмотр вопроса несовпадения гражданства и культурной идентичности.

⁵⁷⁷ Кика кёкасинсэйся су:то: но суйи (Динамика количества заявлений на натурализацию) / Министерство юстиции Японии. URL: http://www.moj.go.jp/MINJI/toukei_t_minj03.html (3.04.2014).

⁵⁷⁸ Тодо:фукэн бэцу дзайрю: сикаку (дзайрю:мокутэки) бэцу гайкокудзинто:рокуся (соно 3 канкоку, тё:сэн) (Зарегистрированные иностранцы по префектуре и статусу пребывания (часть 3 РК, КНДР)) / E-Stat, Портал официальной статистики Японии. URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/Xlsdl.do?sinfid=000021315242> (5.12.2012).

⁵⁷⁹ Чан Ынгё. «Чосон кучок» чэильдонъпхо ипкук маннын «кквак макхин» нара (Страна, полностью закрытая для зарубежных соотечественников "корейской национальности") / Кёнъхьянь синмун. URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201009300016565&code=940100 (30.09.2009).

Для обеих стран этот вопрос является вызовом не только в относительно *дизайнити*, т.к. и в Японии, и в Корее проживает всё больше иностранцев, в первую очередь китайцев, что также принуждает к перемене многолетней парадигмы отношений с иностранцами. Для самих корейцев (не только молодёжи школьного возраста), проживающих в Японии, культурная идентичность (как корейцев) постепенно теряет связь с проблемой гражданства (как граждан Японии).⁵⁸⁰ В современной японской науке также происходит переход к всё более обтекаемым формулировкам.⁵⁸¹ И мы полагаем, вполне возможно, что в самом ближайшем будущем это приведёт к пересмотру национальной политики Японии, и, наравне с термином «американские корейцы» и «русские корейцы», полноправно будет использоваться термин «японские корейцы».

***

Проблема ассимиляционной политики Японии в Корее актуальна и в наши дни не только в самой Корее, но и за её пределами. Для Японской империи Корея выступила как в роли источников ресурсов, так и в роли полигона для отработки процессов интеграции местного населения в состав японской нации. Чтобы подробнее изучить эти процессы, вначале мы сравнили колониальную политику Японии в Корее и на Тайване, с аналогичной политикой Великобритании в Индии и Франции в Алжире. В результате мы пришли к выводу, что Япония не только использовала уже проверенные западные методики, но и активно применяла свои, разительно нехарактерные для западных стран. Далее, подробно рассмотрев

---

⁵⁸⁰ Yoon Keun-cha. Modernity/Post-modernity and Post-colonialism: On the Tasks and Methodology of Historical Research // Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). 2002. P. 7-37.

⁵⁸¹ Kim In-dok. Korean Research on the History of Koreans in Japan // Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). 2002. P. 365-402.

ассимиляционные меры колониальной администрации и их результаты, мы пришли к выводу, что, хотя по формальным показателям ассимиляция корейцев шла успешно, до реальной японизации корейцев было ещё очень далеко. Кроме того, корейская диаспора в Японии, сформировавшаяся в колониальные годы, и в наши дни не только не растворилась в японском обществе, но напротив, остаётся индикатором того, что современное японское общество нельзя безоговорочно считать моноэтничным.

ИВАНОВ К.В.

3. ПРОБЛЕМА «ПРОЯПОНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ»: КОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ 1905-1945 ГГ. И СОВРЕМЕННАЯ КРИТИКА

3.1. Прояпонские настроения и прояпонская деятельность корейцев в первой половине XX века: проблема «чхинильпха»

Проблема сотрудничества корейцев с японскими колониальными властями до сих пор является очень чувствительным вопросом как для корейских учёных, так и для всего корейского общества. Изначально слово *чхинильпха* (кор. «прояпонская фракция») корейцы использовали в отношении чиновников Корейской империи, предпринимателей и торговцев, которые сотрудничали с японцами (как правило, не бесплатно) и отстаивали на полуострове не только свои интересы, но и интересы Японской империи. После оформления протектората в 1905 г. и аннексии Кореи в 1910 г. к *чхинильпха*, помимо вышеуказанных групп, стали причислять также тех, кто работал в аппарате генерал-губернаторства, полиции, добровольно шёл на службу в японскую армию (до введения всеобщей воинской повинности в 1944 г.). Также к *чхинильпха* причисляли деятелей науки, культуры и религиозных деятелей, которые в своих речах и текстах отстаивали прояпонскую точку зрения на какие-либо вопросы. Как мы видим, в категорию *чхинильпха*, также именуемую порой *чхинильбунджа* (친일분자, кор. «прояпонские элементы»), *мэгуно* (매국노, «изменники родине») или *минджок панёкджа* (민족반역자, «предатели нации») общественное мнение Кореи зачисляло множество людей из самых разных социальных слоёв и групп.

В современной корейской историографии, а также в официальных документах помимо вышеупомянутых терминов более распространены термины *панминджок* *хэньвиджа* (반민족행위자, «антинациональные/антинародные деятели») и *чхиниль хэньвиджа*

(친일행위자, «прояпонские деятели»). Также, в корейских печатных и сетевых изданиях на русском и английском языках обычно используют термины «коллорабационизм» и «collaboration» соответственно. Стоит заранее уточнить, что мы настаиваем на некорректности использования в русском языке терминов «коллорабационизм» и «коллорабационисты» применительно к рассматриваемой здесь проблеме, поскольку они вызывают исключительно негативные коннотации, что препятствует объективному восприятию и изучению проблемы прояпонской деятельности во всей её сложности и неоднозначности. И хотя, Брюс Камингс писал о возможности провести ряд параллелей между колониальной Кореей и французским режимом Виши,⁵⁸² мы считаем, что не стоит механически сравнивать столь разные объекты ввиду совершенно иных обстоятельств возникновения прояпонских настроений в Корее, иных обстоятельств аннексии и других важных отличий.

Прояпонские деятели и их деятельность до 1904 г. Рост экономического и политического влияния Японии в Корее ознаменовался заключением Канхваского договора в 1876 г., открывшего для японских подданных порты Кореи. В 1878 г. в Пусане, где находилась самая большая японская община, открылось отделение японского банка «Дайити Гинко».⁵⁸³ Активное экономическое проникновение Японии на полуостров стало объективной данностью. Паназиатские идеи о роли Японии как защитника Кореи от западных стран, оказывали значительное влияние на корейскую правящую верхушку и интеллектуалов. С одной стороны, Япония прилагала для распространения этих идей значительные усилия. С другой стороны, Япония сама была наглядным примером удачного сосуществования с западными странами, в отличие от традиционного сюзерена Кореи – Китая. Значительную роль в укоренении мыслей о прояпонской модернизации, или

⁵⁸² Cumings B. Korea's Place in the Sun. New York, London, 1997. P. 182-183.

⁵⁸³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М., 2011. С. 390.

модернизации по японскому образцу, в умах корейских правящих кругов сыграло посольство Ким Хонджиша, отправленное в Японию в 1880 г. и наглядно наблюдавшее те успехи, которых Япония сумела добиться за весьма короткий срок.⁵⁸⁴

Реформы, начатые было ваном Коджоном, и подготовка новых кадров, владеющих современными знаниями о мире, технике и научных достижениях, осуществлялись при активной поддержке японских чиновников, предпринимателей и учёных. На том этапе значительная часть новых знаний приходила в Корею именно через Японию, что обусловило определённую зависимость. Корейский двор отправлял стажёров и в Китай, который тоже пытался проводить модернизационную политику, однако эти контакты были не настолько прочны, во-первых по причине нехватки финансирования, а во-вторых, поскольку проявилась огромная нехватка подготовки стажёров, необходимой для усвоения новых навыков.⁵⁸⁵ Кроме того, у корейского правительства не хватало денег даже на самые неотложные реформы. При этом, некоторые корейские предприниматели уже начали обогащаться на поставках европейских товаров через Японию. Однако вскоре права экстерриториальности и свободы торговли добились для себя и китайцы.

В условиях политического кризиса в Корее в 1880 - начала 1890-х гг. и противостояния между консерваторами и сторонниками модернизации, а также представителями различных клик, проходило формирование радикальной реформаторской группировки. Одним из лидеров этой группировки был Ким Оккюн (1851-1894), который считал Японию образцом страны, проводящей «догоняющую» модернизацию. Корейские радикалы, нарастив свою политическую и военную мощь не без значительной помощи

---

⁵⁸⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М., 2011. С. 390-391.

⁵⁸⁵ Там же. С. 395.

Японии, попытались осуществить переворот, позднее названный мятежом года *капсин*.⁵⁸⁶

Однако мятежников не поддержали ни основная масса корейского общества, ни корейские правящие круги. Кроме того, сотрудничество с японскими дипломатами поставило на заговорщиков клеймо «предателей». К подавлению мятежа были привлечены китайские войска, прибывшие по приглашению корейского правительства. Последующие десять лет (1884-1894) политическая жизнь Кореи во многом находилась под свой контроль Китай и прокитайской придворной группировки, а сторонники японского пути реформ были дискредитированы.⁵⁸⁷ Провал мятежа года *капсин*, тем не менее не означал экономического вытеснения Японии из Кореи. Пользуясь своим экономическим превосходством, японцы активно проникали во все сферы экономики полуострова. Причём, если раньше значительную часть товаров составляли изделия из Великобритании, то к началу 1890-х гг. $\frac{3}{4}$ японского экспорта в Корею приходилось на японские товары.⁵⁸⁸

Участие японской армии в подавлении восстания *тонхак* (1893-1895) и победа в японо-китайской войны 1894-1895 гг. позволила Японии усилить своё политическое и экономическое присутствие в Корее. Также японцы, оказав давление на вана Коджона, добились начала реформ (т.н. реформы года *кабо*), которые, помимо ряда безусловно прогрессивных моментов, создавали явные предпосылки для расширения экономической и политической экспансии Японии (например разрешение свободного обращения японской валюты на территории Кореи).⁵⁸⁹ К тому моменту среди корейцев уже было немало людей, заинтересованных в Японии и тех выгодах, которые сулило сотрудничество с ней. Убийство королевы Мин, поддерживавшей политику лавирования между державами (и отдававшей

⁵⁸⁶ Tikhonov V.M. Fascinating and Dangerous – Japan in Korea's Enlightenment Thought, the 1900s // ВАКС Papers. 2005. Vol. 10. P. 211-233.

⁵⁸⁷ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 410-411.

⁵⁸⁸ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М., 2011. С. 416.

⁵⁸⁹ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 424-425.

предпочтение России), 8 октября 1895 г. также не оттолкнуло от Японии правящую верхушку Кореи, в среде которой уже сформировалась группа, поддерживавшая японские интересы.

Одной из самых заметных прояпонских организаций на этом этапе было «Общество независимости» (или «Клуб независимости»; кор. *Тоннип хёнхве*), которое действовало в 1896-1898 гг. под руководством Со Джэпхилия. «Общество» объединяло как сторонников западной модернизации, так и ряд сторонников Японии. Хотя само общество из-за разногласий с правительством было распущено в 1898 г., а некоторые его члены были арестованы (к примеру, будущий президент республики Корея Ли Сынман), именно оно консолидировало силы, создавшие впоследствии общество *Ильджинхве*. Не стоит думать, что «Общество независимости» было всего лишь своего рода частным клубом. Его поддерживали значительные силы при корейском дворе, лишь самым заметным из которых был будущий премьер-министр Ли Ванён, который фактически являлся руководителем «Общества».⁵⁹⁰

Стоит уделить особое внимание тому, что с конца XIX в. в Японии на деньги корейского правительства обучалось ежегодно несколько десятков студентов. Однако корейцев, обучавшихся в Японии за свой счёт, было куда больше. Например, в 1897 г. из 160 корейцев, приехавших в Японию для учёбы, лишь 64 человека обеспечивались государственной стипендией.⁵⁹¹ При этом, по данным В.М. Тихонова, к началу XX в. 7,5% корейских чиновников в разное время обучались в Японии.⁵⁹² Из этого нельзя сделать вывод, что все эти люди становились проводниками японского влияния и японских идей. Среди корейского чиновничества и *янбанской* интеллигенции, даже в прослойке предпринимателей и торговцев были также сильны

⁵⁹⁰ Lone Stewart. The Japanese Annexation of Korea 1910: The Failure of East Asian Co-Prosperity // *Modern Asian Studies*. 1991. Vol. 25, No. 1. P. 143-173.

⁵⁹¹ Tikhonov V.M. Fascinating and Dangerous – Japan in Korea's Enlightenment Thought, the 1900s // *BAKS Papers*. 2005. Vol. 10. P. 211-233.

⁵⁹² *Ibid.*

прозападные настроения. Однако не стоит забывать, что в Японии получали образование далеко не только идеалисты-бессеребренники, но также люди, которые активно заводили в Японии нужные знакомства с целью дальнейшего сотрудничества в сфере торговли, науки и политики. И хотя на рубеже XIX и XX вв. в Корее активно действовали христианские миссионеры из США и других стран, японское влияние на Корею в этот исторический период было куда сильнее. Для более подробного ознакомления с тем, какую роль занимала Япония в умах корейских интеллектуалов, мы можем порекомендовать весьма подробную статью В.М. Тихонова.⁵⁹³

В годы японской оккупации и протектората (1904-1910). Русско-японская война и фактическая оккупация Кореи японской армией поставила под контроль Японии не только внешние, но и внутренние дела Кореи. В августе 1904 г. при активной японской поддержке в Корее была создана организация *Ильджинхве* (一進會, кор. «Единое прогрессивное общество»), которое возглавили Сон Бёнджун, и бывшие члены вышеупомянутого «Общества независимости» Юн Сибён, Ю Хакчу, Ли Ёнгу и рядом других сторонников модернизации Кореи по образцу Японии и при её помощи, даже ценой оформления японского протектората на Кореей.⁵⁹⁴ На рубеже XX и XXI вв. имена всех руководителей *Ильджинхве* были внесены в т.н. «списки чхинильпха». Обычно *Ильджинхве* и её членов небезосновательно причисляют к «прояпонским элементам». Действительно, для многих членов *Ильджинхве* Япония представлялась не только образцом для подражания, но и как источник дохода. Однако, вынося за скобки руководство, на наш взгляд не стоит огульно записывать в «предатели родины» все 140 тыс. человек (по другим данным 90 тыс. человек), которые официально числились членами *Ильджинхве*.⁵⁹⁵

⁵⁹³ Tikhonov V.M. Fascinating and Dangerous – Japan in Korea’s Enlightenment Thought, the 1900s // BAKS Papers. 2005. Vol. 10. P. 211-233.

⁵⁹⁴ Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 439.

⁵⁹⁵ Lone Stewart. The Japanese Annexation of Korea 1910: The Failure of East Asian Co-Prosperity // Modern Asian Studies. 1991. Vol. 25, No. 1. P. 143-173.

Большую роль Ильджинхве сыграло в формировании «отрядов самообороны» (自衛團; кор. *чавидан*), которые были предназначены для борьбы с антияпонскими партизанами *ыйбён* («Армия справедливости»).⁵⁹⁶ Помимо ведения антироссийской и прояпонской пропаганды члены Ильджинхве оказывали Японии и более существенную поддержку, предоставляя японской армии работников для перевозки грузов и строительства железных дорог.⁵⁹⁷ *Ильджинхве* и её сторонники активно поддерживали японскую политику в Корее, заключение договоров о протекторате в 1905 г. и об аннексии Кореи в 1910 г. Обстоятельства заключения этих договоров уже упоминались в данной работе, поэтому мы лишь скажем о том, что вскоре после аннексии Кореи, *Ильджинхве* было распущено. Возможно, японское генерал-губернаторство опасалось возникновения оппозиции (как политической, так и военной) в лице *Ильджинхве*.⁵⁹⁸ Тем не менее, роспуск общества прошёл без каких-либо эксцессов, чему вероятно способствовали обильные денежные выплаты как членам Ильджинхве, так и представителям корейского правящего дома и корейскому высшему чиновничеству.

Первое десятилетие после аннексии (1910-1919). Одной из первых мер, принятых японским генерал-губернаторством после аннексии, была выплата денежного вознаграждения и присвоения японского дворянства членам корейской императорской семьи и представителям правящей верхушки Кореи. 30 декабря 1910 г. был создан «Департамент государева двора бывшей династии Ли» (с ежегодным бюджетом на огромную сумму – 1,5 млн. иен), функцией которого являлось обслуживание бывших императоров Кореи Коджона, Сунджона и их родственников. Ещё раньше был издан указ «Об аристократах Кореи», даровавший 76 знатным корейцам

⁵⁹⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 48.

⁵⁹⁷ Там же. С. 28.

⁵⁹⁸ Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. С. 30.

японские титулы (система *кадзоку*), лишь двое их которых смогли отказаться от такого подарка.⁵⁹⁹

Помимо титула корейским аристократам были выплачены значительные суммы. Самые «младшие» - бароны (男爵, яп. *дансяку*, кор. *намджак*) – 25 тыс. иен (45 человек); виконты (子爵, яп. *сисяку*, кор. *чаджак*) – 30 тыс. иен (22 человека) и т.д. Особо полезные Японии деятели, например Сон Бёнджун, Ко Ёньхи и другие получили по 100 тыс. иен., бывший премьер-министр Кореи – Ли Ванён получил 150 тыс. иен, а представители корейского императорского дома (например Ли Джэгак и Ли Джэван), маркизы (侯爵, яп. *ко:сяку*, кор. *худжак*) - по 168-280 тыс. иен. Наконец, некоторым аристократам за особые заслуги выплатили дополнительные суммы. Так, тесть вана Сунджона, Юн Тхэгён получил 504 тыс. иен, а члены императорской семьи Ли Джэмён и Ли Джунён – по 830 тыс. иен каждый, из них 163 тыс. иен золотом. Помимо единовременных выплат, всем новоявленным «японским» аристократам полагалось солидное ежемесячное жалование.⁶⁰⁰

Но не только малочисленная верхушка корейского общества стала объектом денежного заботливания. Осенью 1910 г. также были выплачены денежные подарки 9811 «пожилым почтенным конфуцианцам», т.е. корейской *янбанской* элите. Небольшое денежное вознаграждения также получили 3209 «добродетельных жён», и 70 902 «сироты и вдовы».⁶⁰¹ В эти две категории в первую очередь зачислялись родственники тех, кто погиб от рук *ыйбён* и других сторонников корейской независимости. В.И. Шипаев также приводит данные о выплатах 3645 корейским чиновникам (на общую

⁵⁹⁹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 73.

⁶⁰⁰ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул, 2012. С. 125-127.

⁶⁰¹ Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1964. С. 25.

сумму 6790 тыс. иен).⁶⁰² Стоит ли удивляться, что не только корейские правящие круги, но и представители местных элит практически не высказывали недовольства в отношении колониальных властей, по крайней мере в открытую. Здесь мы склонны согласиться с современными корейскими учёными, которые прямо называют эти выплаты «деньгами, полученными за продажу страны».⁶⁰³ Поэтому не будет большим преувеличением утверждать, что, хотя существовало множество предпосылок для установления протектората в 1905 г. и аннексии в 1910 г., оба раза именно предательство корейской элитой интересов своей страны и своего народа (несформированность корейцев как современной нации на том этапе представляет собой отдельную историческую проблему) позволило Японии практически беспрепятственно осуществлять задуманное.

Формально представители бывшей корейской аристократии могли принимать участие в управлении Кореей посредством совещательного органа *Чунчхувон* (中樞院, яп. *Тю:сю:ин*; «Центральный совет», «Консультативный совет») при генерал-губернаторе Кореи. Совещательный орган аналогичным названием существовал и ранее, при дворе ванов Кореи, однако в условиях колониальной Кореи *Чунчхувон* действовал лишь номинально и до 1919 г. ни разу не собирался на общие заседания. Вероятно, генерал-губернаторство считало, что номинального существования совета вполне достаточно. Лишь в 1918 г. был создан регламент работы совета, а после Первомартовского восстания 1919 г. было принято решение о необходимости постоянной работы *Чунчхувона*, и, начиная с середины 1919 г., совет начал работать на постоянной основе.

Председательствовал в *Чунчхувоне* заместитель генерал-губернатора – генеральный инспектор Кореи (政務總監; яп. *сэйму со:кан*, кор. *чонъму чхонъгам*), на должность которого всегда назначали исключительно

⁶⁰² Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917). М., 1964. С. 158.

⁶⁰³ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул, 2012. С. 124-125.

японцев.⁶⁰⁴ В разные годы членами *Чунчхувона* были: Ли Ванён (он же первое время был вице-председателем), Пак Чесун, Сон Бёнджун, Ли Хаёнъ, Юн Догёнъ, Мин Бёнсок, Пак Ёнхё, Ли Джиён и другие.⁶⁰⁵ В начале XXI в. всех членов *Чунчхувона*, как и всех тех, кто не отказался от японского дворянства занесли в т.н. «списки *чхинильпха*», подробнее о которых мы будем говорить в параграфе 3.3.

Чунчхувон являлся лишь совещательным органом, к тому же созывался он преимущественно для консультаций по вопросам обычаев и верований. Например, в 1935 г. в *Чунчхувоне* обсуждалась тема «Вопросы возрождения местной религии, покровительства и руководства существующими религиями».⁶⁰⁶ До решения серьёзных вопросов его не допускали. И, тем не менее, этот орган просуществовал до сентября 1945 г., когда он был упразднён американской военной администрацией в Корее.

Аппарат генерал-губернаторства, созданный на основе существовавшего ранее генерал-резидентства, быстро увеличивался в численности. Если в 1911 г. в колониальной администрации работали около 11 тыс. человек, то в 1916 г. это число выросло до 43 тысяч. Свыше половины (23 483 чел.) были японцами, а остальные – корейцами, которые занимали почти все низовые второстепенные должности.⁶⁰⁷

В течение первого десятилетия основу корейского предпринимательства составляли люди, накопившие свои капиталы ещё до аннексии, представители старой корейской буржуазии и дворянства: Ким Джонхан (представитель старинного *янбанского* рода, начавший свою карьеру предпринимателя ещё в конце XIX в., управляющий старейшим банком в Корее – «Хансон ынхэнъ»), Хан Саннён (преемник Ким Джонхана на посту управляющего Хансонского банка) Чо Джинтхэ (богатый землевладелец и

⁶⁰⁴ The New Administration in Chosen. Seoul, 1921. P. 15.

⁶⁰⁵ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул, 2012. С. 78-79, 87.

⁶⁰⁶ Гражданцев А.И. Корея. М., 1948. С. 373-374.

⁶⁰⁷ Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.). С. 73.

купец), купцы Пэк Ванхёк, Ким Дусын, Ё Джонсок и ряд других.⁶⁰⁸ Однако в колониальных условиях, в начале 1930-х гг. на сцену выйдет много новых лиц, которые определяют вектор развития корейского бизнеса не только на завершающем этапе колониального периода, но на несколько десятилетий после 1945 г.

Аннексия Кореи открыла новые возможности не только перед корейской правящей верхушкой. Для множества корейцев открылись хорошие карьерные перспективы, которые вряд ли бы появились в условиях старого корейского общества. Однако, до начала 1920-х гг. в отношении корейцев существовала сильная дискриминация и частично ситуация улучшилась лишь после Первомартовского восстания и провозглашения новым генерал-губернатором Сайто Макото политики «культурного управления».

Период политики «культурного управления» (1919-1937). Годы пребывания на посту генерал-губернатора Кореи Сайто Макото (1919-1927, 1929-1931) порой называют «золотым веком» колониального периода. Хотя данное утверждение, как мы считаем, не соответствует действительности, сложно отрицать, что именно в эти годы корейцы пользовались максимальной свободой, если сравнивать с периодами 1910-1919 гг. или 1937-1945 гг. Для упрочения колониального режима отныне привлекалось всё больше корейцев, чьей главной задачей было «выстроить мост» между колониальными властями и корейскими массами, которые относились в основном негативно как к японцам, так и к тем корейцам, которые работали в аппарате генерал-губернаторства. Стоит сказать, что на протяжении всего колониального периода корейцы очень редко занимали руководящие посты, особенно если в подчинении у них должны были находиться японцы. Это утверждение справедливо и для полиции, где в 1919 г. корейцы составляли 50,3% от всего личного состава в 16 883 человека. Подобное утверждение справедливо и в отношении жандармерии, упразднённой в 1919 г.⁶⁰⁹ Однако

⁶⁰⁸ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 81.

⁶⁰⁹ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 257.

до руководства полицией корейцев не допускали и служили они, как правило, в разного рода вспомогательных подразделениях.⁶¹⁰

В 1920 г. в Корее была создана система местного самоуправления. В провинциальные, городские и районные советы самоуправления могли входить как японцы, так и корейцы, однако система формирования органов местного самоуправления не способствовала их самостоятельности. Провинциальные советы формировались губернатором по спискам, представленным ему городскими и районными советами. Кроме того, членство в совете регламентировалось имущественным цензом – требовалась выплачивать налогов ежегодно не менее 5 иен.⁶¹¹ Необходимо упомянуть, что члены органов местного самоуправления не получали за свою деятельность никакого жалованья и действовали исключительно на общественных началах.⁶¹² По сути, никакой самостоятельной роли эти советы не играли, а лишь осуществляли вспомогательные функции при аппаратах губернаторов провинций. Однако стоит отметить, что в начале 1930-х гг. корейцев стали допускать до постов уровня губернатора провинции. Так, в 1932 г. на пост губернатора провинции Дзэнра-хокудо (кор. Чолла-Пукто) был назначен Ко Вонхун – служащий колониальной администрации и выпускник японского Университета Мэйдзи.⁶¹³

Таким образом, в 1920-е гг. и позднее термины «прояпонские деятели» и *чхинильпха* распространился на гораздо большее количество людей, чем в 1910 г. Для множества предпринимателей и промышленников сотрудничество с Японией и колониальной администрацией являлось непременным условием не только процветания бизнеса, а самого существования этого бизнеса. Большая часть корейского бизнеса была сконцентрирована в сырьевом секторе – горнорудная отрасль, выращивание

⁶¹⁰ Matsuda Toshihiko. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904-1919. Kyoto, 2011. P. 8-9.

⁶¹¹ Chosen of To-day. Keijo (Seoul), 1929. P. 55-57.

⁶¹² A Glimpse of Twenty Years' Administration in Chosen. Seoul, 1932. P. 8-11.

⁶¹³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 152.

риса и сбор женьшеня. Но были среди корейцев и магнаты, например Пак Хынсик (1903-1994). Ему принадлежали контрольные пакеты акций в компаниях по производству масел и бумаги, нефтяных и машиностроительных предприятий. Также он был владельцем нескольких банков и являлся президентом совместной японо-корейской авиационной компании.⁶¹⁴

Пак Хынсик был далеко не единственным корейцем, сформировавшим в начале 1930-х гг. финансово-промышленные конгломераты по примеру японских *дзайбацу*. Аналогичным образом, преимущественно в сфере финансов, действовали братья Мин Гюсик (1888-1950(?)) и Мин Тхэсик (1903-1981).⁶¹⁵ Но разумеется самым известным корейским магнатом 1920-1940-х гг. был Ким Сонсу (1891-1955) - выпускник японского университета Васэда, владелец одной из самых популярных газет на корейском языке «Тонъя ильбо» («Восточноазиатский ежедневник»), один из основателей университета Корё (г. Сеул).⁶¹⁶ Более подробно о Ким Сонсу, его брате Ким Ёнсу (также известном предпринимателе) и их клане можно прочесть в замечательной работе Картера Дж. Экерта.⁶¹⁷ Здесь же мы лишь можем сделать общий вывод, что все вышеупомянутые люди были яркими представителями среды корейских предпринимателей, для которых сотрудничество с японцами было жизненно необходимым залогом успешного ведения бизнеса. Впоследствии они также были внесены в «списки *чхинильхва*». Однако, мы должны отметить, что для обозначения подобного рода людей можно применять вполне устоявшийся термин «компрадоры».

⁶¹⁴ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 116.

⁶¹⁵ McNamara Dennis L. The Colonial Origins of Korean Enterprise: 1910-1945. Cambridge, 1990. P. 6.

⁶¹⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 104.

⁶¹⁷ Eckert Carter J. Offspring of Empire: The Koch'Ang Kims and the Colonial Origins of Korean Capitalism, 1876-1945. University of Washington Press, 1996. 388 p.

Сотрудничество с колониальными властями было необходимым и для религиозных деятелей (подробнее о них – в следующем параграфе) и общин, деятельность которых жёстко контролировалась аппаратом генерал-губернаторства и полицией на протяжении всего колониального периода.⁶¹⁸ Однако в 1920-е – начале 1930-х гг. в Корее существовала ограниченная возможность общественного обсуждения ряда проблем, волновавших корейскую интеллигенцию. Одной из наиболее известных площадок для подобного обсуждения был издававшийся в 1920-1926 гг. журнал «Кэбёк» («Сотворение мира»), который финансировался сторонниками корейского религиозного движения *чхондогё*, и в целом придерживался позиций гуманистического социализма.⁶¹⁹ На фоне антикоммунистических судебных процессов и борьбы с корейским коммунистическим движением, «Кэбёк», как и ряд других журналов и газет был закрыт в августе 1926 г.

В рамках «культурной политики» корейцы получили право легально создавать общества и клубы, однако власти внимательно следили за их благонадёжностью и, в случае необходимости, закрывали, а руководство арестовывали. При этом, для противодействия националистическим настроениям, генерал-губернаторство и японские предприниматели активно спонсировали десятки прояпонских обществ, действовавших как на территории Кореи, так и на территории Японии (где в качестве объекта воздействия использовались корейские мигранты).⁶²⁰ Для наглядности стоит перечислить несколько заметных организаций периода 1916-1925 гг. и задачи, которые они перед собой ставили (для краткости мы не будем приводить здесь перевод названий):

---

⁶¹⁸ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16. «Политическое состояние Кореи (пер. с корейского языка), 1924 г.». Л. 17-19.

⁶¹⁹ Лим Кёнъсок, Чха Хеён, и др. Кэбёге пичхин синминджи Чосоный ольгуль (Образ Кореи, отражённый в журнале «Кэбёк»). Сеул, 2009. С. 99.

⁶²⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16. «Политическое состояние Кореи (пер. с корейского языка), 1924 г.». Л. 9.

- «Тайсё Синбокукай» (основана в ноябре 1916; председатель – Мин Ёнги) – налаживание сотрудничества и взаимодействия между японскими и корейскими капиталистами и чиновниками;
- «Тэдонъ Самунхве» (ноябрь 1919; О Юнджок) – примирение и взаимодействие конфуцианских учёных;
- «Кунмин Хёпхве» (январь 1920; Мин Вонсик) – продвижение политики *наити энтё*: (яп. «расширение внутренних земель»; предтеча политики *найсэн иттай* кон. 1930-х гг.) и получение корейцами избирательного права;
- «Юдо Чхинхынъхве» (январь 1920; Ким Ёнхан) – поддержка конфуцианства и восстановление *хяньгё* (сельских школ);
- «Чосон Соджагин Санъджохве» (август 1920; Сон Бёнджун) – предотвращение споров между арендаторами и землевладельцами;
- «Тэдонъ Тхонджихве» (октябрь 1921; Сону Сун (선우 순) – «сопроцветание и сосуществование» японцев и корейцев в провинции Хэйанхокудо (кор. Пхёнан-Пукто);
- «Дококай» (*До:ко:кай*) (корейское отделение) (февраль 1922; Ю Хиган) – подготовка и подача прошения к имперскому парламенту о переведении Кореи в прямое управление императором Японии;
- «Соайкай» (*Со:айкай*) (корейское отделение) (апрель 1924; Ли Гидонъ) – подавление рабочего и националистического движений, отправка корейских рабочих в Японию, поддержание «этнической гармонии»; подробнее о «Соайкай» - в параграфе 2.3.
- «Доминкай» (*До:минкай*) (апрель 1924, Ходзё Токиюки) – поддержка ассимиляционной политики, развитие индустрии и образования;
- «Клуб Коси» (*Ко:си*) (август 1924, Огаки Такэо) – достижение избирательных прав корейцев в рамках вышеупомянутой политики *наити энтё*; поддержка промышленности.⁶²¹

---

⁶²¹ Uchida Jun. *Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945*. Cambridge (Massachusetts) and London, 2011. P. 159.

Как мы видим, задачи этих организаций в массе своей сводились к поддержке текущей политики генерал-губернаторства, усилению интеграции Кореи и корейцев в Японскую империю и поддержка крупного (преимущественно японского) бизнеса. Впоследствии многие корейцы-руководители этих и подобных организаций оказались под следствием в 1948 г., а в начале XXI в. также попали в «списки *чхинильхва*».

Однако прояпонская деятельность (в любом возможном толковании этого термина) не ограничивалась сферами политики и предпринимательства. Для корейских интеллектуалов – публицистов, писателей и т.п. – в условиях жёсткой цензуры поддержка политики генерал-губернаторства была непременным условием для того, чтобы иметь возможность печатать свои статьи и книги. Несмотря на то, что после Первомартовского восстания генерал-губернаторство смягчило цензуру в отношении корейской печати, надзор за ней не ослабевал. И хотя была создана четырёхступенчатая система предупреждений, в случае необходимости власти могли легко закрыть любое печатное издание на несколько месяцев или навсегда. В таких условиях корейской интеллигенции приходилось внимательно следить за каждым своим словом, рискуя в случае цензурного запрета попасть под арест.

Период 1919-1937 г. всё же характеризовался относительно мягким политическим режимом, что привлекло на сторону Японии немало людей. Хотя генерал-губернаторство боролось распространением крамольных мыслей, умеренным корейским националистам в этот период был открыт доступ к печати и публике, разумеется, в пределах дозволенного. Если в годы «золотого века» колониального периода сотрудничество с японцами и колониальными властями было, как правило, добровольным, то с началом войны в Китае в 1937 г. и милитаризацией всех сфер жизни, как Японии, так и Кореи, «прояпонская деятельность» всё больше становилась одним из условий выживания, вынужденной необходимостью.

Военные годы (1937-1945). Параллельно с милитаризацией, с 1937 г. под лозунгом *Найсэн иттай* (內鮮一體, яп. «внутренние земли (Япония) и

Корея - едины») генерал-губернатор Кореи Минами Дзиро активизировал японизацию населения колонии. Помимо действий в сфере образования, одной из наиболее заметных мер была кампания по смене имён, о которой было подробно написано в параграфе 2.2. «Локомотивами» этой кампании послужила образованная верхушка корейского общества, в первую очередь интеллигенция. Имена, а затем и фамилии меняли в первую очередь корейцы, находящиеся на госслужбе – иначе они не смогли бы продолжать работу. Затем шли предприниматели и промышленники, для которых японское имя было ещё и вопросом престижа. Наконец, значительный слой корейской интеллигенции меняла своё имя из идейных побуждений. Так, известный корейский писатель Ли Гвансу в 1940 г. взял себе имя Каяма Мицуро, объясняя это тем, что он считает себя подданным Японской империи, и призывал других корейцев последовать его примеру.⁶²²

Оказывая прямое давление (в т.ч. в виде арестов и длительного заключения) на руководителей различных уровней всех религиозных общин Кореи, колониальные власти добились того, не только буддистские⁶²³, но даже христианские (как католики, так и более многочисленные протестанты) священники к концу 1930-х гг. в официальных выступлениях и публикациях выражали полную поддержку как внешней, так и внутренней политики Японской империи.⁶²⁴ В рамках этой политики в 1938 г. корейцам было разрешено поступать на службу во вспомогательные части японской армии, также в учебных заведениях было введено воинское обучение. Спустя два года власти объявили о подготовке к введению всеобщей воинской повинности с 1944 г. Параллельно с этим проводилась также трудовая мобилизация.

---

⁶²² Мэиль синбо. 20.02.1940.

⁶²³ Hur Nam-lin. The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea // Japanese Journal of Religious Studies. 1999. Vol. 26. P. 107-134.

⁶²⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 139-140.

Для активного вовлечения корейцев в эти два процесса колониальные власти привлекали как на добровольной, так и на полудобровольной основе корейских общественных деятелей, религиозных лидеров, представителей бизнеса и землевладельцев. Зачастую именно участие в кампании по поддержке империалистической политики Японии, а также войны против Китая (1937-1945), США её союзников (1941-1945) и стало одним из главных пунктов обвинения множества корейских деятелей в «коллорабационизме» и «сотрудничестве с японскими оккупантами». По мнению В.М. Тихонова именно участие корейской элиты в пропаганде мобилизации во многом делигитимизировало её в глазах корейских масс.⁶²⁵

На высших постах аппарата генерал-губернаторства число корейцев исчислялось несколькими сотнями, на средних – уже около 30 тысяч человек, однако служащих «на местах» - старост деревень, начальников волостей и т.п. – насчитывалось свыше 50 тысяч.⁶²⁶ В той или иной степени их тоже можно считать «прояпонскими деятелями», особенно учитывая, что ненависть соотечественников они заработали именно ревностным исполнением указов колониальной администрации. Однако, проблему определения «прояпонской деятельности» мы подробнее рассмотрим в следующем параграфе, в том числе, на примере конкретных личностей.

До сих пор чувствительную и заметную проблему представляет участие корейских посредников (чиновников, старост деревень, даже родственников) в насильственном наборе корейцев в качестве *вианбу* (慰安婦, 위안부, кор. «женщины для комфорта») – работниц борделей (т.н. «станций утешения») при японской армии.⁶²⁷ Оценки количества *вианбу* разнятся, но мы склонны довериться данным В.М. Тихонова, который считает, что из ок. 200 тыс. «женщин для утешения» примерно половину составляли корейки. Так как в

---

⁶²⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 153.

⁶²⁶ Там же. С. 150.

⁶²⁷ Kang Hildi. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945. Ithaca and London, 2005. P. 133-135.

условиях патриархальной Кореи женщины, прошедшие военные бордели, не решались рассказать о пережитом, лишь в начале 1990-х г. немногие выжившие бывшие *вианбу* стали делиться своими воспоминаниями.⁶²⁸

Корейская война обеспечила корейскому народу огромный негативный опыт, на фоне которого проблема *вианбу* не представлялась важной, если вообще представлялась проблемой. Однако спустя несколько десятилетий, в 1990-е годы всё, что стало известно о «станциях утешения» вызвало большой гнев у большинства корейцев, однако, насколько нам известно, весь гнев пришёлся на Японию, японцев и японскую армию. При этом участие корейцев в позорном процессе вербовки, обманом, угрозами и насилием привлекавших корейских женщин к работе в борделях, не акцентировалось и не акцентируется в наши дни. Например, кореянка Пэ Джонджа (1870-1952), активно участвовавшая в вербовке *вианбу*, была занесена в 2002 г. в «список *чхинильпха*» лишь как «тайный агент» колониальных властей.⁶²⁹

Последний вопрос, который мы здесь рассмотрим, это привлечение корейцев к службе в японской армии. Напомним, что массовая военная (с 1944 г.), как и трудовая, мобилизация корейцев никакой добровольности не предполагала, поэтому в японское командование долгое время не доверяла корейцам оружие, отправляя их на службу в стройотряды.⁶³⁰ Кроме того, и сами корейцы шли в армию в основном от крайней нужды, поскольку в последние колониальные годы недоедали не только лишь корейцы, но даже японцы.⁶³¹ Заявленные генерал-губернаторством планы по призыву 230 тыс.

⁶²⁸ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 146-148.

⁶²⁹ Ильдже чхиниль панминджок хэньвиджа 708 мёнъ мёнъдан (Список 708 прояпонских антинациональных деятелей) / Хангёре. URL: <http://legacy.www.hani.co.kr/section-003000000/2002/02/003000000200202282132001.html> (28.02.2002).

⁶³⁰ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 237. Д. 101. «Политико-экономический обзор Кореи за 1940 г.». Л. 4-5.

⁶³¹ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 132-150. «Краткий политический обзор по Корее за апрель-октябрь 1944 г.».

корейцев на полуострове и ещё 60 тыс. корейцев в Маньчжурии выполнялись со скрипом.⁶³²

Исходя из этого, нельзя как о *чхинильпха* в отношении всех, кто добровольно пошёл на службу в японскую армию. Однако, поступление в военно-учебные заведения на территории собственно Японских островов для корейцев было доступнее. Основным препятствием могло выступить слабое знание японского языка. Однако, исходя лишь из составленных «списков *чхинильпха*» мы можем говорить как минимум о 387 офицерах, обучавшихся в японских военно-учебных заведениях, и в дальнейшем служивших в армии Японии или армии Маньчжоу-Го.⁶³³ Среди них присутствует и многократно упомянутый здесь Пак Чонхи, и единственный корейский генерал-лейтенант армии Японии Хон Саик (1889-1946), который начал свою военную карьеру ещё до аннексии Кореи.⁶³⁴ После окончания Второй Мировой войны он, как начальник лагерей военнопленных на Филиппинах, был приговорён американским военным трибуналом к смертной казни.

Стоит упомянуть и о той категории корейцев-военнослужащих японской армии, которые хоть и не занимали командные посты, пошли служить не просто добровольно, но род войск, который считался элитой тогдашних вооружённых сил – авиацию. Все, известные на данный момент военные лётчики-корейцы обучались в японских лётных школах, куда поступали после нескольких лет жизни в Японии и обучения в японских школах наравне с японскими детьми. Насколько мы можем судить, японское командование, поначалу относившееся с опаской к службе корейцев в авиации, в 1941 г. допустило их участие в войне против США.⁶³⁵

⁶³² АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 26. П. 251. Д. 62. Л. 217-219.

⁶³³ Ильдже чхиниль панминджок хэньвиджа 708 мёнъ мёнъдан (Список 708 прояпонских антинациональных деятелей) / Хангёре. URL: <http://legacy.www.hani.co.kr/section-003000000/2002/02/003000000200202282132001.html> (28.02.2002).

⁶³⁴ Мэиль синбо. 16.12.1920.

⁶³⁵ Синминджи сонёный чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 8-22, 53-55.

В результате, мы можем условно выделить среди *чхинильхва* (как этот термин понимают в современной Республике Корея) следующие группы: 1) те, кто содействовал аннексии Кореи; 2) те, кто участвовал в подавлении национально-освободительного движения; 3) те, кто не отказался от японского дворянства; 4) те, кто работал в аппарате генерал-губернаторства Кореи (особенно в полиции); 5) те, кто добровольно служил в японской армии (особенно офицеры); 6) те, кто участвовал в «ограблении» Кореи, эксплуатируя её природные и трудовые ресурсы; 7) те, кто участвовал в пропаганде мобилизационных и призывных мероприятий; 8) те, кто участвовал в вербовке *вианбу* и работников на японские предприятия. Зачастую вышеупомянутые виды деятельности пересекались и изменялись в течение всего колониального периода.

Как мы видим, разновидностей «прояпонской деятельности» насчитывается достаточно много, поэтому, на наш взгляд, стоит подробнее изучить несколько персоналий по различным видам направлениям, чтобы попытаться понять, насколько универсальны критерии «прояпонской деятельности», и каковы были причины, толкавшие корейцев на сотрудничество с японскими колониальными властями.

3.2. Проблема определения критериев прояпонской деятельности: политические, экономические и социальные реалии колониального периода истории Кореи

Вплоть до наших дней вокруг проблемы прояпонской деятельности ряда корейцев существует общественная и научная дискуссия, которая в Корее (здесь мы рассматриваем исключительно Республику Корея) сохраняет значительную остроту. Кого можно причислить к *чхинильхва*? Только тех, кто был облечён властью, деньгами и влиянием? Или же добровольное, не принудительное, сотрудничество с японцами, работа на колониальные власти является достаточным условием для зачисления в «прояпонские элементы»?

Почему расследование прояпонской деятельности в 1948-1949 гг. выдвинуло обвинение в отношении 221 человека,⁶³⁶ а расследование Института национальных проблем в начале 2000-х обвиняло в прояпонской деятельности сначала 708,⁶³⁷ затем 3090,⁶³⁸ и наконец (по данным на 2010 г.) 4776 человек?⁶³⁹ Только ли потому, что были изучены новые документы, или же потому, что изменилось понятие прояпонской деятельности?

Более подробно послевоенное и современное расследование деятельности *чхинильпха* мы рассмотрим в следующем параграфе. Здесь же мы предлагаем выделить из массы *чхинильпха* несколько групп, исходя из их социального, имущественного и общественного положения, и изучить причины и факты ведения ими прояпонской деятельности. Уточним, что в данном исследовании не ставится задача окончательно определить критерии прояпонской деятельности.

Прежде всего, стоит напомнить, что никем не оспаривается тот факт, что в начале XX в. Япония значительно опережала Корею по множеству параметров общественно-экономического развития. Задолго до аннексии 1910 г. у большинства корейцев сложилось впечатление о Японии как о более развитой стране. Кто-то из корейцев видел свою дальнейшую судьбу в развитии Кореи при помощи Японии, кто-то считал, что поглощение Кореи Японией является не самым худшим из вариантов (например, в отличие от колонизации Россией), а кто-то предпочёл уехать в Японию и строить свою жизнь там. Стоит ещё раз напомнить, что значительная часть прояпонской

⁶³⁶ Ceuster Koen de. The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea // Korean Studies. 2001. Vol. 25, No. 2. P. 207-242.

⁶³⁷ Ильдже чхиниль панминджок хэньвиджа 708 мёнъ мёнъдан (Список 708 прояпонских антинациональных деятелей) / Хангёре. URL: <http://legacy.www.hani.co.kr/section-003000000/2002/02/003000000200202282132001.html> (28.02.2002).

⁶³⁸ Ли Ёньчхан. Ильдже синминджанджэва чхинильмундже (Проблемы наследия японского колониализма и прояпонских деятелей) // Кукхак ёнгу. 2005. № 7. С. 297-328.

⁶³⁹ Чхиниль инмёнъ саджон сурок тэсанъджа 4776 мёнъ (В биографический словарь чхинильпха внесено 4776 человек) / OhmyNews. URL: http://www.ohmynews.com/nws_web/view/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000889220 (29.04.2008).

аристократии была настроена антироссийски, и колонизация Кореи Россией представлялась им не такой уж невероятной.⁶⁴⁰

Так ли много имелось альтернатив у корейцев, когда правящие круги за материальные блага делали Японии всё новые уступки, а вооружённое сопротивление (в т.ч. *ыйбён*) подавляли не только японцы, но и части корейской армии (распущенной в 1907 г.)? Опасаясь восстания, императоры Кореи Коджон (ван в 1863-1897; император в 1897-1907) и Сунджон (император в 1907-1910) не решились воспользоваться поддержкой корейских масс, опасаясь, что восстание будет направлено не только против японцев, но и против правящей верхушки. В то же время представители правящих кругов Кореи активно сотрудничали с Японией, подготавливая аннексию Кореи. Заранее стоит уточнить, что здесь используются корейские имена, хотя абсолютное большинство корейцев, за очень редким исключением, официально сменили свои имена и фамилии на японские (или же на японский манер) во время проведения политики японизации по всей империи в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

Корейская аристократия и высшее чиновничество. В эту категорию можно включить тех, кто входил в ряды правящей элиты Корейской империи и активно способствовал оформлению японского протектората и аннексии Кореи. Именно их в конце XIX – начале XX в. другие корейцы называли *чхинильпха*. Насколько нам известно, в отношении этой категории лиц в Республике Корея сохраняется стабильно отрицательное отношение – их называют *мэгуно* или *мэгукджа* (매국자, «предатели родины»). «Возглавляет» эту группу т.н. «пять преступников договора [года] *ыльса*» (речь идёт о договоре о протекторате в 1905 г.) (кор. *ыльса оджок*): Ли Ванён (1858-1926; в 1905 г. – министр образования, в 1907-1909 гг. – премьер-министр Кореи), Пак Чесун (1858-1916; министр иностранных дел, в 1905-1907 и 1909-1910 гг. – премьер-министр Кореи), Ли Гынтхэк (1865-1919;

⁶⁴⁰ Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. С. 372-373.

военный министр), Квон Джунхён (1854-1934; министр сельского хозяйства, торговли и промышленности) и Ли Джиён (1870-1928; министр внутренних дел).

В 1910 г. категорию «предателей родины» дополнили ещё несколько десятков человек, включая бывшего руководителя прояпонской организации *Ильджинхве* Сон Бёнджуна (1857-1925) и тех корейских аристократов, которым даровали японское дворянство и назначили денежное вознаграждение, о чём мы подробно писали в предыдущем параграфе 3.1. Но всё же наиболее одиозными личностями остались Ли Ванён, Пак Чесун и Сон Бёнджун, и ряд других членов *Чунчхувона*, которые на протяжении всего колониального периода олицетворяли собой предательство корейской аристократией своего народа.

Действительно, большая часть корейской верхушки была «перекуплена» японцами и лишь у немногих корейских аристократов хватило мужества отстаивать независимость Кореи, например Ю Гильджун (1856-1914), который отказался от предложенного ему титула барона (яп. *дансяку*, кор. *намджак*)⁶⁴¹ или Юн Чхихо (1864-1945), который после аннексии два года провёл в тюрьме, однако в 1915 г. принял дарованный ему титул барона и принял прояпонскую позицию, за что и был позднее внесён в «списки *чхинильпха*».⁶⁴² Существует, однако, и альтернативное мнение, к примеру о Ли Ванёне, как о патриоте Кореи, который, понимая неспособность Кореи открыто противостоять Японии, проводил курс, приносящий практическую выгоду не только лично ему, но и, в перспективе, всей Корее.⁶⁴³

В целом, проблема предательства национальных интересов Кореи правящей аристократией достаточно подробно изучена как в отечественной,

⁶⁴¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 73.

⁶⁴² Caprio Mark E. Loyal Patriot? Traitorous Collaborator? The Yun Ch'ih'o Diaries and the Question of National Loyalty // Journal of Colonialism and Colonial History. 2006. Vol. 7, No. 3. URL: http://muse.jhu.edu/journals/journal_of_colonialism_and_colonial_history/v007/7.3caprio.html (3.04.2014).

⁶⁴³ Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь, 2003. С. 198-210.

так и в зарубежной историографии (в т.ч. южнокорейской), поэтому в данной работе мы предпочтём перейти «уровнем ниже», к корейцам-чиновникам аппарата генерал-губернаторства.

Корейцы на службе в аппарате генерал-губернаторства. Первое время уделом корейцев оставалась служба на низовых должностях генерал-резидентства (1905-1910) и генерал-губернаторства Кореи (1910-1945), но для многих это открывало куда более привлекательные карьерные перспективы, чем в условиях Корейской империи. Стоит напомнить, что именно под давлением японцев, в конце XIX в., в пока ещё независимой Корее, были ликвидированы конфуцианские экзамены (*квэго*), которые заменялись экзаменами по «современным наукам» и монопольное право *янбанов* поступать на государственную службу.⁶⁴⁴

После создания прояпонского общества *Ильджинхве* в 1904 г. корейские чиновники генерал-резидентства стали одной из важнейших её составляющих – может быть и не по количеству, но по влиянию. После аннексии корейцы составили около половины аппарата генерал-губернаторства.⁶⁴⁵ Однако в полиции и жандармерии вплоть до 1945 г. сохранялось преобладание японцев – в среднем соотношение японцев и корейцев было 2:1. Таким образом, только в полиции в среднем служило 7-8 тыс. корейцев, не считая осведомителей.⁶⁴⁶ Суммарно же на службе у колониальных властей находились на добровольной основе десятки тысяч корейцев. И здесь возникает вопрос – стоит ли службу в аппарате генерал-губернаторства Кореи считать «коллорабационизмом» и прояпонской деятельностью? Если да, то почему в начале XXI в. в «биографические словари *чхинильпха*» внесли всего лишь около 1700 человек, большая часть

⁶⁴⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. М., 2011. С. 449.

⁶⁴⁵ Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.). М., 1975. С. 73.

⁶⁴⁶ Ильсидонъингва чхабёльчхольпхей сонджон (Пропаганда равноправия и уничтожения дискриминации) // Хангук тонънип ундонъый ёкса (История корейского движения за независимость). URL: <https://search.i815.or.kr/Degae/DegaeView.jsp?nid=148> (3.04.2014).

которых (1027 чел.) были полицейскими?⁶⁴⁷ При этом в аппарате генерал-губернаторства работали десятки тысяч корейцев.

С одной стороны, составители «словарей *чхинильпха*» утверждают, что в список «прояпонских деятелей» включены лишь те, кто занимал какие-либо руководящие должности. Однако возникает вопрос, не является ли расширение списков «прояпонских деятелей» попыткой уйти от факта существования *массового добровольного* сотрудничества корейцев с колониальными властями? Кроме того, как мы уже писали выше, ввиду провала массового вооружённого восстания в 1905-1909 гг. и мирного восстания в 1919 г., так ли много существовало способов изменить жизнь Кореи и корейцев к лучшему? Помимо карьеристских целей, у корейских служащих могли быть и альтруистские цели. Тем не менее, альтруизм корейская историография обычно оставляет лишь на долю деятелей национально-освободительного движения, к коим, разумеется, не могут быть причислены работники колониального аппарата.

Тем не менее, мы склонны согласиться с тем, что несмотря на то, что корейские служащие получали жалование на 30-50% меньше, чем японцы,⁶⁴⁸ основным мотивом поступления на службу в аппарат генерал-губернаторства всё же было желание сделать карьеру. А для этого главным условием было чёткое и беспрекословное исполнение руководящих директив начальства. Таким образом, хоть и не безоговорочно, стоит признать, что к корейским госслужащим - «прояпонским деятелям» - может быть причислено куда больше людей, чем те 1700 человек, на которых настаивает Институт национальных проблем в Республике Корея (подробнее о нём – в следующем параграфе 3.3).

⁶⁴⁷ Чхиниль инмёнъ саджон сурок тэсанъджа 4776 мёнъ (В биографический словарь чхинильпха внесено 4776 человек) / OhmyNews. URL: http://www.ohmynews.com/nws_web/view/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000889220 (29.04.2008).

⁶⁴⁸ АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 3. Д. 36. «Информационный бюллетень за февраль-март 1926 г.». С. 52-53.

Военные. Хотя добровольная военная служба для корейцев была разрешена лишь в 1938 г., для тех, кто желал попасть в армию, и до этого существовала возможность сделать это либо посредством поступления на службу в армию Маньчжоу-Го, либо зачислившись в военно-учебные заведения на территории метрополии. Безусловно, военная служба в армии Японии или Маньчжоу-Го может называться ведением «прояпонской деятельности». Однако для корейцев, желавших сделать карьеру на военном поприще, было не так уж много вариантов. Разве что уйти к партизанам в Маньчжурию, на что решиться мог далеко не каждый, да и перспективы там были весьма и весьма туманные.

В первую очередь стоит уделить внимание тем корейцам, которые начали свою карьеру ещё в армии Корейской империи или корейских военно-учебных заведениях. Безусловно, самым известным таким деятелем является Хон Саик (1889-1946), выходец из *янбанской* семьи, который в 1905-1909 гг. проходил обучение в корейской военной академии, затем перевёлся в Высшую военную академию Императорской армии Японии (陸軍大學校; яп. *Рикугун дайгакко*;) и в дальнейшем продолжил службу как офицер армии Японии.⁶⁴⁹ В годы Второй Мировой он даже установил контакт с Корейской Армией Освобождения, где один из руководителей, Чи Чхонъчхон (1888-1957) предложил ему командную должность, однако Хон Саик отказался, опасаясь, что из-за него под удар попадут другие офицеры-корейцы.⁶⁵⁰ Что интересно, пользуясь своим авторитетом, Хон Саик один из немногих корейцев, находящихся на госслужбе, в годы проведения политики японизации сумел добиться официального сохранения за собой корейского имени, лишь произносимого на японский манер (Хон Сайку).

Столь же неоднозначной личностью был генерал-майор японской армии Ким Согвон (1893-1978), обучавшийся в Военной академии Императорской

⁶⁴⁹ Мэиль синбо. 16.12.1920.

⁶⁵⁰ Ли Гидон. Пигыгый куниндыль: ильбонюкса чхульсиный ёкса (Солдатские трагедии: история выпускников японских военных школ). Сеул, 1982. С. 200-202.

армии Японии (陸軍士官學校; яп. *Рикугун сикан гакко:*), затем принимавший участие во вторжении в Маньчжурию в 1931 г., японо-китайской войне 1937-1945 гг. и в Корейской войне 1950-1953 гг. (разумеется, на стороне Юга). Уже спустя много лет после его смерти, на фоне кампании по поискам «прояпонских элементов», в 2002 г. в сеульской старшей школе Соннам активисты требовали убрать бюст Ким Согвона (одного из основателей школы в 1938 г.) с территории учебного заведения. Насколько нам известно, успеха они не добились.⁶⁵¹ Справедливости ради стоит сказать, что Ким Согвон, как и многие другие офицеры-корейцы участвовали в борьбе с корейскими партизанами в Маньчжурии, которыми командовал Ким Ирсен.

Пак Чонхи (1917-1979), будущий генерал и президент Республики Корея (1963-1979), выходец из бедной крестьянской семьи, был лишь одним из сотен офицеров-корейцев, которые увидели в возможность сделать карьеру военного в японской или маньчжурской армии. Окончив педагогическое училище в Тайкю (ныне – г. Тэгу в Республике Корея) в 1937 г. Пак Чонхи проработал три года учителем, после чего поступил военную академию в Синьцзине (ныне г. Чанчунь, КНР) – столице Маньчжоу-Го. В 1942 г. его, как отличника учёбы, перевели в Военную академию Императорской армии Японии, которую он с отличием окончил в 1944 г., после чего Пак Чонхи (тогда у него было японское имя Такаки Масао) в чине старшего лейтенанта направили служить в армию Маньчжоу-Го.⁶⁵²

После 1945 г. Пак Чонхи поступил на службу в армию Республики Корея, одно время даже находился под следствием из-за подозрений в связях с коммунистами, активно участвовал в Корейской войне, а к 1961 г. дослужился до генеральского звания. В 1965 г. именно при президентстве Пак Чонхи был заключён договор, нормализовавший отношения между

⁶⁵¹ Ильбонгун чхульсин Ким Согвон тоньсань чхольгохара (Демонтируйте памятник японскому генералу Ким Согвону) / OhmyNews. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000085865 (28.08.2002).

⁶⁵² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 153.

Кореей (Республикой Корея) и Японией.⁶⁵³ До конца 1980-х гг. в Республике Корея, в условиях диктатуры, критика Пак Чонхи, как и тех корейцев, которые начали делать карьеру именно в колониальные годы, была невозможна, однако впоследствии – в 1990-2000-е гг. и в наши дни, когда пост президента Республики Корея занимает Пак Кынхе – дочь Пак Чонхи, - критика старых военных властей была совмещена с критикой «прояпонских элементов», о чём мы подробнее будем говорить в следующем параграфе.

Здесь мы кратко рассмотрели биографии всего лишь трёх офицеров и генералов, однако, глядя на общую картину, мы можем сказать, что большинство корейцев, добровольно шедших на службу в японскую армию, выступали в роли «подавителей корейского национально-освободительного движения» или «прояпонских элементов» не в большей степени, чем это делали корейцы-полицейские или корейцы-чиновники. Обычно корейцев, служивших в японской армии в рядовых чинах, не причисляют к *чхинильхва*. Однако, десятки, а вероятнее всего сотни, корейцев-лётчиков, среди которых были и несколько десятков камикадзе, служили в японской армии, участвовали в боевых действиях на Тихом океане и при этом, разумеется, были офицерами.⁶⁵⁴ Многие из них после 1945 г. остались в Японии, но некоторые вернулись в Корею и впоследствии приняли участие в гражданской войне и к *чхинильхва* причислены не были.⁶⁵⁵ С другой стороны, по понятным причинам, вернувшиеся в Корею предпочитали не распространяться о службе в японской армии. Насколько мы можем судить из мемуарных материалов, подавляющее большинство тех, кто шёл служить добровольно, по факту рассматривали Корею как часть Японской империи, и осознавали себя одновременно и японскими подданными, и корейцами.

---

⁶⁵³ Чан Пакчин. Синминджи кванге чхоньсанын вэ ируоджилъ су опсоннынга (Почему не могла быть оформлена ликвидация колониальных отношений). Сеул, 2009. С. 484-487.

⁶⁵⁴ Синминджи сонёнъй чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе). Сеул, 2010. С. 69-95.

⁶⁵⁵ Там же. С. 57-64.

Военная мобилизация корейцев с 1938 г. и начало массового призыва в 1944 г. были преимущественно насильственными и, сопровождались заметным пассивным сопротивлением со стороны населения.⁶⁵⁶ Кроме того, в основном мобилизованными выполнялись небоевые задачи, и говорить о какой-либо «прояпонской деятельности» мы не можем.

Предприниматели, промышленники и землевладельцы. В плане определения критериев прояпонской деятельности это одна из самых проблемных категорий. Как мы уже говорили, для успешного ведения бизнеса, особенно крупного, тесное сотрудничество с генерал-губернаторством было необходимым условием. Одним из главных средств давления на корейских предпринимателей был Закон «О коммерческих компаниях» (會社令; кор. *хвесарёнъ*; яп. *кайсярэй*), согласно которому генерал-губернаторство выдавало лицензии на ведение предпринимательской деятельности по своему усмотрению.

Корейских землевладельцев же вполне устраивала, в общих чертах, проведённое генерал-губернаторством «обследование земель» (土地調査; кор. *тходжи чоса*, яп. *тоти тё:са*) – составление земельного кадастра, когда право владения землёй нужно было подтвердить документально. Большинство корейских крестьян не смогли этого сделать, т.к. они руководствовались традиционным правом, а их земли перешли во владение крупным землевладельцам и японским колониальными компаниям.

Как мы видим, по разным причинам, у корейского капитала было не так уж и много причин быть в оппозиции колониальной администрации. Однако стоит ли в таком случае всех, сколь-нибудь заметных и богатых корейских бизнесменов записывать в «прояпонские деятели»? Например, один из самых известных предпринимателей-корейцев колониального периода, Ким Сонсу (1891-1955), выходец из клана, разбогатевшего на торговле с Японией, был фактическим владельцем относительно свободной, в колониальных условиях,

⁶⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 26. П. 251. Д. 62. Л. 219.

националистически настроенной газеты «Тонъя ильбо» и активно финансировал ряд мероприятий, направленных на развитие Кореи.

Например, в 1923 г. он в месте с рядом других известных общественных деятелей пропагандировал через «Тонъя ильбо» «Движение за использование корейских товаров» (物産獎勵運動; кор. *мульсан чаннё ундон*), которое заключалось в призыве поддержать мелких производителей и ремесленников.⁶⁵⁷ Также «Тонъя ильбо» активно участвовала в пропаганде просветительского движения «ны народы» (브나로드運動; корейская калька с русского «в народ»).⁶⁵⁸ Однако не стоит забывать, что «Тонъя ильбо» отстаивала и интересы корейского капитала, в том числе и брата Ким Сонсу – Ким Ёнсу, который владел «Кёнсонской текстильной компанией» – крупнейшим предприятием по производству текстиля в Корее и был заинтересован в увеличении объёмов сбыта.⁶⁵⁹

Хотя рабочее движение существовало и в 1920-е гг., но по мере роста экономической нагрузки на Корею, именно с середины 1930-х гг. и особенно в 1940-х гг., корейские предприниматели столкнулись с необходимостью постоянного поддержания своего авторитета. В период военной мобилизации 1938-1945 гг. режим и условия работы на предприятиях, которыми владели корейцы, не сильно отличался от работы на японцев. Также постоянно возрастала нагрузка на корейских крестьян, которым приходилось отдавать до 70-80% урожая.⁶⁶⁰ Таким образом, мы можем согласиться с доводами о том, что корейские предприниматели и землевладельцы в данной исторической ситуации руководствовались скорее классовыми, а не национальными интересами, хотя, насколько нам известно, перед рабочими и

⁶⁵⁷ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 373-374.

⁶⁵⁸ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб, 2009. С. 356.

⁶⁵⁹ Чан Анги. Синминджиги Кёнсонъ панъджигый кёнъёнъ саджок ёнгу (Исследование истории предприятия «Кёнсонские прядильни») // Асеа ёнгу тхонъгвон. 2006. № 126. С. 215-249.

⁶⁶⁰ Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953 гг.). М., 1958. С. 12-19.

крестьянами они выдвигали аргументы, что в случае прихода японских управляющих жить станет ещё тяжелее.

Возможно, в оправдание корейскому капиталу можно выдвинуть тезис, что в последние годы войны работали на износ и голодали не только корейцы, но и японцы; хотя в метрополии ситуация с продовольствием была несколько лучше (в том числе за счёт Кореи).⁶⁶¹ Однако активное участие корейских предпринимателей и землевладельцев в проведении трудовой и военной мобилизации оставило в памяти множества корейцев сильный негативный след. Достаточно вспомнить факт трудовой мобилизации незамужних женщин в возрасте от 12 до 40 лет, которых отправляли, по воле генерал-губернаторства, на различные предприятия, как в Корею, так и в Японию.⁶⁶² В целом, можно сказать, что корейские предприниматели, как правило, прояпонскую деятельность осуществляли в первую очередь из-за непосредственных экономических интересов, а политика (например, стремление добиться равноправия с японцами) была лишь средством достижения экономических целей.

Религиозные деятели. Когда мы говорим о прояпонской деятельности корейских религиозных деятелей, под этим мы подразумеваем в первую очередь представителей различных протестантских общин, католиков, буддистов, последователей *чхондогё*, и конфуцианцев.

После аннексии Кореи генерал-губернаторство закрыло множество общественных организаций, однако для религиозных организаций было сделано послабление.⁶⁶³ Больше всего свободы было у буддистов и конфуцианцев, так как их религиозно-философские воззрения были ближе всего к тому, чего требовали японские власти. Однако, к христианам (католикам или более многочисленным протестантам) принадлежала

---

⁶⁶¹ АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 132-150. «Краткий политический обзор по Корею за апрель-октябрь 1944 г.».

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 771.

значительная часть просвещённой корейской элиты, имевшей связи за рубежом, главным образом в США.

Деятельность всех руководителей религиозных общин и священников строго контролировалась для проведения проповедей, на которых присутствовал жандарм или полицейский, требовалось получить специальное удостоверение.⁶⁶⁴ Неудивительно, что в открытую им было очень трудно выражать какие-либо антияпонские мысли, поскольку в таком случае проповедь могла закончиться арестом, штрафом и тюремным заключением.

Когда в рамках политики *найсэн иттай*, участие в синтоистских ритуалах было вменено в обязанность каждого верноподданного корейца, возмутились в первую очередь христиане, для которых это было синонимом идолопоклонничества. Однако первыми поддались католики, т.к. Ватикан тесно сотрудничал с фашистской Италией, союзником Японии. Несколько десятков протестантских священников, не согласных с участием паствы в синтоистских ритуалах, погибли в тюрьмах. Как пишет В.М. Тихонов, привлечение корейских христиан (ок. 460 тыс. человек), к прояпонской и милитаристской пропаганде принесло большую пользу генерал-губернаторству и Японии.⁶⁶⁵ Действительно, если последователи «западной» веры, молились за победу Японии над западными странами и США, то это оказывало сильное воздействие не только на других христиан, но и на корейцев, принадлежащих к другим конфессиям.

По официальным данным генерал-губернаторства, в 1938 г. в Корее насчитывалось около 500 тыс. христиан, что составляло всего 2-3% от всего населения Кореи, однако, как мы уже сказали, многие христиане принадлежали к богатым и просвещённым слоям корейцев, поэтому не стоит недооценивать ту роль, которую они играли в деле пропаганды японских

⁶⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 16. Л. 17-19.

⁶⁶⁵ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 139-141.

идей. Аналогичное давление, с требованием вести пропагандистскую деятельность оказывалось и на буддистов.⁶⁶⁶ Для конфуцианских деятелей, как и ранее, было довольно просто объяснить необходимость подчинения японцам посредством обращения к этике, компоненту сыновней почтительности (кит. *сяо*, кор. *хё*) и «пяти нормам человеческих отношений» (кит. *улунь*, кор. *орюн*). Кроме того, значительная часть старой корейской элиты и аристократии придерживалась конфуцианства, и свои публичные выступления эти люди также строили, исходя из конфуцианской этики. ●

Активное участие в пропаганде японского милитаризма и мобилизационных мероприятий, как правило, является главным пунктом обвинения в прояпонской деятельности для религиозных деятелей. Но как мы только что сказали, альтернатив было немного – либо прекращение религиозной и проповеднической деятельности, либо арест по обвинению в «нарушении общественного порядка».

В таких условиях, многие религиозные деятели шли на сотрудничество с японцами, а после 1945 г. не только сохраняли свой авторитет, но и занимали высокие государственные посты. Например, Ли Гибун (1896-1960), который в 1951 г. занял пост министра обороны, а затем – вице-президента.⁶⁶⁷ Он, как и его жена Пак Мария (1906-1960) впоследствии обвинялись в прояпонской деятельности. Вероятно, решающую роль сыграло близкое положение к президенту Ли Сынману (1875-1965), который тоже был христианином (методистом).

Хватает неоднозначно оцениваемых «прояпонских деятелей» и в других конфессиях. Лим Мунхо (1900-1972) – известный последователь *чхондогё*, который пропагандировал политику японизации в журнале «Сининган» («Новый человек»), а после 1945 г. принимал участие в местном самоуправлении и был уважаемым религиозным лидером. Его сын, Лим

⁶⁶⁶ Hur Nam-lin. The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea // Japanese Journal of Religious Studies. 1999. Vol. 26. P. 107-134.

⁶⁶⁷ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 443, 450-452.

Джонгук (1929-1989) впоследствии стал одним из родоначальников исследований, посвящённых *чхинильпха*, и вдохновителем создания Института национальных проблем, составляющего «списки *чхинильпха*», и о котором мы будем подробно говорить в следующем параграфе.

Немало «прояпонских деятелей» было и среди буддистов. Один из наиболее известных, Квон Санно (1879-1965), в годы Второй Мировой войны выступал с призывами к монахам трудиться ради победы Японии, а в 1940 г. вступил в «Корейский союз по мобилизации всех сил нации». Тем не менее, после войны он до самой смерти был старейшиной буддийской общины, а в 1962 г. был награждён орденом за культурные заслуги.⁶⁶⁸

В условиях колониального режима религиозные деятели любой из конфессий находились под постоянным гласным и негласным надзором. Генерал-губернаторство жёстко следило за тем, чтобы на собраниях и проповедях не высказывались «крамольные» мысли, противоречащие установкам властей. Таким образом, значительная часть религиозных деятелей находилась под постоянным давлением и угрозой ареста, что, тем не менее никак не отменяет факта их массового участия в пропаганде ассимиляционной политики, мобилизационных мероприятий и т.п.

Интеллигенция. В эту достаточно большую категорию мы включили тех, кто не занимал каких-либо постов в аппарате генерал-губернаторства (или работал на низовых должностях), не был заметным религиозным лидером, но, тем не менее, оказывал влияние на корейские массы как культурный или общественный деятель, активно участвовал в пропаганде политики генерал-губернаторства и, возможно, сам принимал участие в проведении этой политики. Так как людей, подпадающих под эти параметры слишком много, мы постараемся дать общие характеристики относительно причин и характера их прояпонской деятельности.

---

⁶⁶⁸ Лим Хебон. Чхиниль сынънё 108 ин: ккыннаджи анын ёксаый мурым (108 монахов-прояпонцев: вопросы незаконченной истории). Пхаджу, 2005. С. 499.

В первую очередь, мы должны признать, что среди представителей рассматриваемой категории было много идеалистов, которые искренне считали возможным «вливание» корейского народа в японскую нацию. Характерным примером может служить биография известного корейского писателя Ли Гвансу (1892-1950). Проучившись в 1905-1910 гг. в Японии, Ли Гвансу в 1917 г. начал публиковать на страницах официальной газеты генерал-губернаторства «Мэиль синбо» свой самый известный роман «Бессердечие», который, вопреки сложившейся на тот момент литературной традиции, был написан смешанным письмом – иероглифами и корейским алфавитом *хангыль*.⁶⁶⁹ Помимо своей литературной деятельности, в 1920-х гг. Ли Гвансу стал известен как представитель умеренного корейского национализма благодаря серии статей в газете «Тонъя ильбо», о которой мы уже упоминали.⁶⁷⁰

После участия в Первомартовском движении 1919 г. Ли Гвансу, будучи одним из составителей «Декларации независимости» некоторое время жил в эмиграции, однако затем вернулся в Корею и активно занимался культурно-просветительской деятельностью в корейском национальном ключе, оставаясь при этом в рамках, установленных колониальными властями. Напомним, что в годы политики «культурного правления» в Корею наблюдалась заметная либерализация большинства сфер жизни. Однако, в 1937 г. Ли Гвансу был арестован, как один из руководителей «Союза самовоспитания» (修養同友會; кор. *Суянъдонъухве*), который действовал в Корею на легальных основаниях с 1926 г., но был расценён новым генерал-губернатором Минами Дзиро как возможная угроза режиму. После шестимесячного заключения Ли Гвансу перевели в тюремный госпиталь, а вскоре отпустили.⁶⁷¹ В.М. Тихонов предполагает, что причиной закрытия

⁶⁶⁹ Мэиль синбо. 01.01.1917.

⁶⁷⁰ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 106.

⁶⁷¹ Lee Jung-Shim. History as colonial storytelling: Yi Kwangsu's historical novels on fifteenth-century Choson history // Korean Histories. 2009. Vol. 1.1. P. 81-105.

«Союза» было подозрение в связях его членов (протестантов-корейцев) с США и возможном ведении ими проамериканской пропаганды.⁶⁷²

Совершенно определённо тюремное заключение сильно изменило отношение Ли Гвансу к Японии. Пытаясь совместить в себе патриотический корейский национализм и восхваление Японии как «объединителя Азии», Ли Гвансу стал ярким сторонником японского управления Кореей. В 1940г., в ходе кампании по смене корейских имён и фамилий на японские, Ли Гвансу взял себе имя Каяма Мицуро, объясняя это тем, что, по его мнению, он являлся в первую очередь подданным Японской империи. Смена корейского имени на японское, как писал Ли Гвансу, помогла бы искоренению дискриминации. Что любопытно, одним из его аргументов было то, что тогдашние (как и современные) корейские имена сформировались под сильным влиянием китайской традиции, а до этого в на Корейском полуострове были в ходу совсем другие имена. Поэтому в смене имён на японские Ли Гвансу видел лишь очередной исторический поворот, а не поглощение корейского этноса японским.⁶⁷³

Подобная деятельность Ли Гвансу, одного из основоположников современной корейской литературы, привела к тому, что в 1949 г., в рамках расследования в отношении «прояпонских деятелей», он некоторое время находился под следствием, хотя вскоре был отпущен. Спустя год, в начале Корейской войны, Ли Гвансу был взят в плен армией КНДР, а в октябре 1950 г. умер, предположительно от туберкулёза. В современной Республике Корея сохраняется двойственное отношение к Ли Гвансу, обусловленное тем, что его воспринимают и как классика корейской литературы, и как «пособника японских колонизаторов». Ли Гвансу был далеко не единственным писателем, занимавшим прояпонские позиции, но, пожалуй, наиболее известным.⁶⁷⁴

---

⁶⁷² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 138-139.

⁶⁷³ Мэиль синбо. 20.02.1940.

⁶⁷⁴ Kim U-Chang. The Situation of the Writers under Japanese Colonialism // Korea Journal. 1976. Vol. 16. No. 5. P. 4-15.

Столь же неоднозначная судьба была и у другого писателя и публициста Чхве Намсона (1890-1957), который также был одним из авторов «Декларации независимости» 1919 г. После двухлетнего заключения, как участник Первоапрельского движения, он продолжил публицистическую деятельность, а в 1928 г. вступил в японское «Общество по составлению истории Кореи», о котором в уже упоминалось подробнее в параграфе 2.2 данной работы. Свои публицистические работы Чхве Намсон выдерживал в духе антисоветской и антикоммунистической пропаганды.⁶⁷⁵ В 1930-1940-е гг. Чхве Намсон занимал различные посты в прессе Маньчжоу-Го, а затем активно участвовал в пропаганде службы в армии среди корейцев, проживавших в Маньчжоу-Го и Японии.⁶⁷⁶

Стоит кратко упомянуть и о Ким Хваллан (Хелен Ким) (1899-1970) – первой кореянке–докторе наук, которая работала в Женском колледже Ихва. В 1945 г., колледж был преобразован в Женский университет Ихва, а в 1952 г. Ким Хваллан стала первой женщиной-ректором университета в Корее. Как и большинство деятелей культуры и образования, в 1939 г. она взяла себе японское имя, став Амаги Кацуран (фамилия – японская, имя – японское чтение корейского имени Хваллан).⁶⁷⁷ В 1943 г. она, опубликовала в «Мэиль синбо» призыв к женщинам, вдохновить их мужей, сыновей и братьев на службу в японской армии.⁶⁷⁸ Неудивительно, что несмотря на все свои заслуги в области образования, личность Ким Хваллан до сих пор подвергается нападкам, особенно со стороны молодых корейцев.⁶⁷⁹

Стоит сказать, что большинство представителей корейской интеллигенции в годы войны приняли участи в милитаристской пропаганде.

⁶⁷⁵ Пак М.Н. История и историография Кореи. М., 2003. С. 782.

⁶⁷⁶ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 152.

⁶⁷⁷ Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджуый (Колониализм в повседневной жизни). Сеул, 2002. С. 258-261.

⁶⁷⁸ Мэиль синбо. 12.25.1943.

⁶⁷⁹ Чхинильпха тонъсанъи венмалъ? Коткот чхольго кальдынъ (Конфликт вокруг сноса памятников чхинильпха) / SBS.
URL: http://news.sbs.co.kr/section_news/news_read.jsp?news_id=N1001821591 (6.06.2013).

Уже упоминавшийся Ким Сонсу, один из владельцев газеты «Тонъя ильбо», закрытой в 1940 г., как и остальные газеты на корейском языке, за исключением официозной «Мэиль синбо», был активным участником прояпонских патриотических организаций. Он тоже публиковал статьи прояпонской направленности, поскольку в официальном печатном органе генерал-губернаторства напечатать что-нибудь иное было весьма затруднительно. Например, в ноябре 1943 г. в «Мэиль синбо» вышла его статья, озаглавленная «Когда нужно умереть за справедливость, великая честь быть подданным императора».⁶⁸⁰ При этом после освобождения Кореи, Ким Сонсу в 1948 г. стал главой Демократической партии, а в 1951 г. даже премьер-министром Республики Корея.

В схожей ситуации был и другой известный публицист и политик Чан Доксу (1894-1947), который считался корейским патриотом, но в военное время ему также пришлось «переменить» свои взгляды, о которых красноречиво говорили заголовки его новых статей, вроде «Без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена».⁶⁸¹ В 1945-1947 гг. Чан Доксу возглавлял Демократическую партию Кореи, которую поддерживал корейский магнат Пак Хынсик (1903-1994), сколотивший капитал сначала на сотрудничестве с японцами, а затем – с американцами.

Напоследок, нам хотелось бы уделить внимание личности Чо Мансика (1882/1883?-1950/1954?). После Первомартовского восстания 1919 г., в котором он принял участие, Чо Мансик уделял много сил и времени на налаживание отношений и примирение между правыми и левыми, за что даже получил прозвище «корейский Ганди».⁶⁸² По мере возрастания давления со стороны властей, Чо Мансик на некоторое время отошёл от публицистики и общественной работы, однако с 1942 г. в «Мэиль синбо» стали появляться его статьи с призывами к корейским учащимся идти добровольцами в

---

⁶⁸⁰ Мэиль синбо. 11.06.1943.

⁶⁸¹ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 116.

⁶⁸² Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 484, 489.

японскую армию.⁶⁸³ То, что подобная деятельность не вызвала преследований и нападков после 1945 г. особенно удивительно, учитывая, что Чо Мансик проживал в северной части Кореи, оккупированной советскими войсками. Кроме того, в конце 1945 г. Чо Мансик составлял заметную конкуренцию Ким Ирсену (1912-1994) в борьбе за власть.⁶⁸⁴ Однако в 1946 г. советские военные власти посадили Чо Мансика под домашний арест, а в 1950-х гг., по южнокорейским данным был репрессирован властями КНДР.⁶⁸⁵ Вероятно, именно по причине репрессий со стороны КНДР Чо Мансик, в отличие от всех вышеперечисленных персоналий *не был* включён в «списки *чхинильпха*».

Мы можем сделать вывод, что в последние годы колониального режима, очень немногие представители корейской интеллигенции смогли избежать участия в милитаристской пропаганде. Поэтому чрезвычайно сложно, установить, в каком случае участие было вызвано давлением властей и угрозой заключения, а в каком случае – добровольным. Но факт остаётся фактом – в 1938-1945 г. большинство корейских деятелей культуры и образования активно участвовали в прояпонской пропаганде.⁶⁸⁶ В результате, большинство вышеупомянутых личностей в 1990-2000-х гг. были занесены в «списки *чхинильпха*» как прояпонские деятели.

Можно сказать, что какой-либо деятель с большей вероятностью может быть причислен к *чхинильпха*, чем другой. Однако значительная часть корейской интеллигенции шла на сотрудничество либо потому что рассматривала Корею как неотъемлемую часть Японии, как сложившуюся данность, либо находясь под давлением властей, что, как мы видим, зачастую означало угрозу жизни и здоровью. Не стоит забывать, что на сотрудничество с японцами шла не только интеллигенция, и не только из-за

---

⁶⁸³ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М., 1992. С. 105.

⁶⁸⁴ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 521.

⁶⁸⁵ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 105-106.

⁶⁸⁶ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 495-496.

угроз или голодной жизни. Сотрудничество с японцами могло осуществляться в самых различных сферах, в том числе и вполне безобидных. Поэтому давать оценку в отношении деятельности какой-либо определённой исторической личности необходимо после тщательного изучения тех фактов, которые могут расцениваться как «прояпонская деятельность», а также обстоятельств, которые сопутствовали этой деятельности.

По нашему мнению, вынесение нравственной оценки в отношении *чхинильпха* и их деятельности является скорее прерогативой общественности (в первую очередь корейской), нежели науки, поскольку восприятие этого чувствительного вопроса очень индивидуально. В рамках же данного исследования была продемонстрирована неоднозначность обстоятельств, сопутствовавших «прояпонской деятельности» ряда людей, которые в Южной Корее рассматриваются как *чхинильпха*. Тому, какие обвинения выдвигало южнокорейское общество и власти в отношении «прояпонских деятелей» посвящён следующий параграф.

3.3. Расследования деятельности «чхинильпха» в Корее после Освобождения 1945 г. и в 1990-2000-е гг.: наука или политика?

Проблема оценки деятельности тех корейцев, которые сотрудничали с колониальными властями в 1-й половине XX в., до сих пор остаётся актуальной в современном южнокорейском обществе. Не менее актуальна и дискуссия относительно критериев сотрудничества, достаточных для причисления к «прояпонским элементам». С конца XIX в. и до 1945 г. в среде корейцев были и люди, видевшие в сотрудничестве с японцами в первую очередь материальную выгоду для себя, и люди, искренне считающие Японию «локомотивом» Восточной Азии, к которому должна была «прицепиться» Корея. Спектр мнений, относительно сотрудничества с Японией и японцами очень велик, но главное, что стоит понять, - это то, что

прояпонские настроения в Корее в годы протектората и колониального периода (1905-1945 гг.) не были чем-то из ряда вон выходящим.

Стоит обговорить проблему терминологии. В настоящее время в Корее (в нашем случае в Республике Корея) для обозначения людей, сотрудничавших с японцами или колониальными властями, обычно используют термин *чхинильпха* (дословно «прояпонская фракция»). Хотя существует более нейтральный термин *чиильпха* (지일파, «фракция знающих Японию»), он не получил заметного распространения. Не только в полемических целях, но также и в юридических документах часто используется словосочетание «антинациональные деятели» (кор. *панминджок хэньвиджа*) или «прояпонские антинациональные деятели» (кор. *чхиниль панминджок хэньвиджа*).

На английский язык всё это многообразие терминов, как правило переводится как «collaborators», в результате во многих отечественных работах и особенно в статьях СМИ в отношении корейцев-*чхинильпха* используется термин «[прояпонские] коллаборационисты». Однако мы настаиваем на том, что в данном случае применение термина «коллаборационисты» недопустимо, так как он несёт в себе не только заведомо негативное значение, но искажает восприятие и анализ колониального периода истории Кореи и корейского общества как объекта исследования. Активное использование термина «коллаборационист» в первую очередь является средством отражения и поддержания корейского исторического мифа о массовом сопротивлении корейского народа японской оккупации на протяжении 1904-1945 гг. Как уже неоднократно было упомянуто в данной работе, в современной отечественной и западной историографии уже убедительно доказано несоответствие этого мифа исторической реальности и реалиям колониального периода. Поэтому в данной работе мы преимущественно используем либо термин «прояпонские деятели», что соответствует корейскому *чхиниль хэньвиджа*, либо корейский

термин *чхинильпха*, что в общих чертах аналогично термину «прояпонская фракция» или «прояпонские элементы».

Послевоенное расследование в отношении чхинильпха (1948-1951). К моменту капитуляции Японии в 1945 г. немало корейцев занимали посты в аппарате генерал-губернаторства Кореи, были видными предпринимателями и промышленниками, или даже офицерами в армиях Японии и подконтрольной ей Маньчжоу-Го. И если на Севере Кореи, занятом советскими войсками, бывшие колониальные чиновники не смогли продолжить работу в своём прежнем качестве,⁶⁸⁷ то на Юге американские войска активно прибегали к помощи не только бывших колониальных чиновников и полицейских-корейцев, но также и японских служащих.⁶⁸⁸ Причиной тому были как кадровый голод (заполненный на Севере Кореи советскими специалистами), так и заметное недоверие американской администрации к корейским органам самоуправления, часть которых была сформирована ещё до высадки американцев на полуострове.

Вскоре после провозглашения Республики Корея, 7 сентября 1948 г. в парламенте был принят «Закон о наказании за антинациональную деятельность» (*반민족행위처벌법*, *Панминджок хэньви чхобольпоп*), который вскоре подписал и президент Ли Сынман (1875-1965).⁶⁸⁹ В соответствии с этим законом, из членов корейского парламента был создан Специальный комитет по расследованию антинациональной деятельности (*반민족행위특별조사위원회*, *Панминджок хэньви тхыкпёль чоса вивонхве*), на который Ли Сынман спустя несколько месяцев обрушился с критикой, обвиняя Комитет в том, что его расследование «дестабилизирует нацию».

⁶⁸⁷ Ким Джэун. Хэбань ху пукханый чхинильпхава ильджеюсан чхоккёль (Ликвидация японских групп и колониального наследия в Северной Корее после Освобождения) // Хангук кынхёндэса ёнгу. 2013. № 66. С. 182-222.

⁶⁸⁸ Cumings B. Korea's Place in the Sun. New York, London, 1997. P. 200-201.

⁶⁸⁹ Панминджок хэньви чхобольпоп (Закон о наказании за антинациональную деятельность) / Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=3399> (3.04.2014).

Это было неудивительно, с учётом того, что ряд предпринимателей, сколотивших своё состояние ещё при японцах (например Ли Бёнчоль (1910-1987), основатель компании «Самсунг» («Самсон»), оказывали Ли Сынману заметную финансовую поддержку.⁶⁹⁰

Палки в колёса Комитету ставила и полиция, которая в июне 1949 г. под предлогом обыска учинила разгром в офисе комитета, уничтожив при этом множество документов. Кроме того, в июне 1949 г. несколько членов Комитета были арестованы. Впоследствии эти события получили в корейской историографии название «пхыракчи сагон» (프락치 사건, «фракционный инцидент»)⁶⁹¹.

Сложно сказать, кто был инициатором этого нападения, так как расследование Комитета затрагивало слишком многих, в том числе и саму полицию, высшие чины которой начали свою службу именно в аппарате колониальных властей. Не менее заинтересованы в разгроме офиса был и сам Ли Сынман, так как расследование могло задеть как предпринимателей, финансировавших его избирательную кампанию, так и его соратников.

Несмотря на нападки и угрозы, члены комитета к августу 1949 г. в результате расследования выдвинули 221 обвинение, но лишь 38 из них дошло до суда. По 12 случаям суд вынес приговор, однако к моменту начала Корейской войны всех, кто был взят под стражу, освободили, а в начале 1951 г. Закон о наказании за антинародную деятельность был отменён.⁶⁹²

Преследование «прояпонских элементов» (чхинильпха) и «антинациональных деятелей» (панминджок хэньвиджа) было прекращено в первую очередь по причине появления у правительства Юга куда более опасного и явного врага – коммунистического Севера. Кроме того, в условиях послевоенной конфронтации Севера и Юга, начинает

⁶⁹⁰ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 97.

⁶⁹¹ Ceuster Koen de. The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea // Korean Studies. 2001. Vol. 25, No. 2. P. 207-242.

⁶⁹² Ibid.

формироваться исторический миф о тотальном сопротивлении корейцев японскому колониальному режиму. Согласно официально одобряемой послевоенной историографии колониального периода с японцами сотрудничало лишь небольшое количество «предателей нации», в число которых включили большую часть правящей верхушки Корейской империи, которая способствовала аннексии Кореи. Сотрудничество с японцами в годы колониального режима объявлялось уделом «упаднического меньшинства». Всё это неудивительно, учитывая, что более четверти всех госслужащих Первой республики (1948-1960 гг.) начали свою карьеру именно в колониальный период.⁶⁹³

Возрождение и политизация исследований в отношении чхинильха и их потомков (1991-2013). До конца 1980-х гг. изучение «прояпонской деятельности» ограничивалось, как правило, исследованием отдельных личностей, преимущественно писателей. Наиболее заметным исследователем в этой области был Лим Джонгук (1929-1989), который в 1966 г. опубликовал работу «Прояпонская литературная теория» («Чхиниль мунханънон»). Параллельно с приходом к власти Но Тхэу (Ро Дэ У) в 1988 г., активизировались и исследования, так или иначе касающиеся массового сотрудничества корейцев с колониальными властями. Кстати, для южнокорейской оппозиции вышеупомянутый факт привлечения к работе в госаппарате Первой республики бывших колониальных служащих был одним из аргументов обвинения в нелегитимности действовавшей власти.

В начале 1991 г. учениками и последователями Лим Джонгука был основан Институт антинациональных проблем (반민족문제연구소, *Панминджок мундже ёнгусо*), который с 1995 г. и по наши дни известен под новым названием Институт национальных проблем (민족문제연구소,

---

⁶⁹³ Ceuster Koen de. The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea // Korean Studies. 2001. Vol. 25, No. 2. P. 207-242.

Минджок мундже ёнгусо).⁶⁹⁴ Ядро исследователей Института составили оппозиционеры, сторонники демократических реформ, многие из которых имели богатый опыт борьбы с властями. Например, один из нынешних руководителей Института национальных проблем, Лим Хонён в 1970-е гг. был членом подпольной организации Фронт национального освобождения Южной Кореи, за участие в которой 5 лет провёл в тюрьме. Кроме него с Институтом сотрудничали историк, профессор Университета Корё Кан Мангиль, директор левой газеты «Хангёре» Сон Гонхо, а также несколько десятков профессоров и публицистов. Важнейшими своими задачами сотрудники Института определили: 1) сбор, исследование и публикация материалов об антинациональной деятельности отдельных людей и коллективов; 2) исследование истории японской агрессии и страданий корейского народа; 3) публикация словарей-справочников с биографиями *чхинильпха*; 4) ведение научной, образовательной и публикаторской деятельности в рамках первых трёх пунктов.⁶⁹⁵ На первом этапе наиболее заметной была публикация сборника биографий 99 *чхинильпха*, содержащий материалы Особого комитета по расследованию антинародной деятельности, часть которых была утеряна после полицейского налёта в 1949 г.⁶⁹⁶

Смена названия организации на «Институт национальных проблем» в 1995 г. ознаменовала переход от главенства журналистов к главенству историков, которые предпочитали рассматривать отдельные персоналии с учётом исторического окружения колониального периода. К примеру, Кан Мангиль писал про премьер-министра Корейской империи Ли Ванёна, а Кан Соньсу (ныне почётный профессор Академии корееведения) – про Чхве

⁶⁹⁴ Минджок мундже ёнгусо (Институт национальных проблем). URL: <http://www.minjok.or.kr/kimson/home/minjok/index.php> (28.02.2014).

⁶⁹⁵ Нам Чханъгюн. Панминчокмунче ёнгусо (Институт проблем антинародной деятельности) // Хангук ёкса ёнгухве хвебо. 1992. № 14. С. 16-18.

⁶⁹⁶ Чхинильпха 99 ин ([Биографии] 99 чхинильпха): В 3 т. / Панминджок мундже ёнгусо. Сеул: Тольбегэ, 1993.

Намсона.⁶⁹⁷ Параллельно подобные исследования вели ещё несколько объединений, например созданное в 1996 г. Общество исследования прояпонских проблем (친일문제연구회, *Чхиниль мундже ёнгухве*). До начала 2000-х гг., и особенно в годы президентства (1998-2003) Ким Дэджуна, несмотря на заметную ангажированность и привлечение в качестве средства ведения политических баталий, использование исследований, посвящённых *чхинильхва*, не выносилось на государственный уровень.⁶⁹⁸

Заметные перемены произошли в феврале 2002 г., когда южнокорейские парламентарии, входящие в Совет по сохранению духа корейской нации (민족정기를 세우는 국회의원모임, *Минджокчонгырьль сеунын кухвёыйвонмоим*) опубликовали «Список 708 *чхинильхва*» (친일과 708 인명단, *Чхинильхва 708ин мёнъдан*).⁶⁹⁹ Помимо представителей правящей верхушки, список включал в себя корейских религиозных деятелей, учёных, деятелей культуры. Стоит отметить, что в вышеупомянутый Союз входили как депутаты от правящей на тот момент Демократической партии (*Сэчхонъён минджужан*; после 2005 г. – *Минджудан*), так и депутаты от оппозиционной консервативной партии «Ханнара» (с 2012 г. – *Сэнуридан*). Позднее в составе союза состояли также члены партии «Ёллин уридан» (или *Уридан*), которая сформировалась из сторонников президента Но Мухёна (2003-2008), отделившихся от Демократической партии.⁷⁰⁰

Создание и публикация списка вызвали сильное противодействие со стороны консервативных сил. Сами члены Союза опасались, что государство откажет в финансировании публикации. В общем, спустя некоторое время именно это и произошло – 29 декабря 2003 г. парламент урезал расходы на

⁶⁹⁷ Ceuster Koen de. The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea // Korean Studies. 2001. Vol. 25, No. 2. P. 207-242.

⁶⁹⁸ Ibid.

⁶⁹⁹ Ильдже чхиниль панминджок хэньвиджа 708 мёнъ мёнъдан (Список 708 прояпонских антинациональных деятелей) / Хангёре. URL: <http://legacy.www.hani.co.kr/section-003000000/2002/02/003000000200202282132001.html> (28.02.2002).

⁷⁰⁰ Хвевон мёнъдан (Список членов [совета]) / Совет по сохранению духа корейской нации. URL: <http://minjok815.or.kr/html/minjok/member.asp> (1.03.2014).

исследования в этой области и публикацию результатов исследований на 500 млн. вон. Чтобы покрыть расходы, Союз открыл сбор пожертвований, активно задействовав при этом интернет-рассылку. За первый день (4 января 2004 г.) было собрано свыше 100 млн. вон, а за период с 4 по 19 января – свыше 500 млн. вон. По данным самого Союза, большая часть средств поступила от частных пожертвований.⁷⁰¹

При этом отнюдь не только консервативные силы были настроены против составления подобных списков. Помимо умеренно настроенной части общества, ряд южнокорейских левых также не одобрял публикацию «списков *чхинильпха*». В качестве яркого примера можно привести Ким Вансопа - известного писателя и журналиста, участника восстания в Кванджу 1980 г. По его мнению, «антияпонское сумасшествие» 1990-х и начала 2000-х является в первую очередь средством политической борьбы.⁷⁰²

Мы можем согласиться с его мнением о том, что с учётом методики составления «списков *чхинильпха*», возникает мысль, что «проживать на Корейском полуострове в то [колониальное] время уже было преступлением».⁷⁰³ В одном из интервью Ким Вансоп сказал, что антияпонские настроения в корейском народе есть результат действий правительства, а искажение истории – в первую очередь дело рук не Японии, а Кореи.⁷⁰⁴

Тем не менее, при поддержке президента Но Мухёна (1946-2009), 22 марта 2004 г. правящая партия «Ёллин ури» приняла «Специальный закон о выявлении фактов [ведения] прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации» (일제강점하 반민족행위 진상규명에 관한 특별법, *Ильдже канъджомха панминджокхэнъви чинсанъгюмёнъе кванхан*

⁷⁰¹ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул: Рибук, 2012. С. 181-183.

⁷⁰² Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). Коянь: Тосочхульпхан чхунчхуса, 2003. С. 52.

⁷⁰³ Там же. С. 54-55.

⁷⁰⁴ Но Даниель. Угёнъхваханын синий нара (Страна с «правым уклоном»). Сеул: Рэндом хаусы кхориа, 2006. С. 190.

тхыкбёльпоп). Впоследствии в него четырежды вносились поправки (последняя – в 2012 г.).⁷⁰⁵ В соответствии с этим законом для расследования был создан Комитет по выявлению фактов прояпонской антинародной деятельности (친일반민족행위진상규명위원회, Чхиниль панминджок хэньви чинсанъгюмёнъ вивонхве), который возглавил уже упоминавшийся профессор университета Корё (г. Сеул), историк Кан Мангиль (род. 1933).

По нашему мнению, в первую очередь закон был нацелен против консервативной оппозиционной партии, руководителем которой была Пак Кынхе (дочь Пак Чонхи, которого также причислили к чхинильхва), и руководителей ряда чэболь, чьи капиталы начали формироваться именно в колониальные годы.⁷⁰⁶ Результаты работы Комитета, с перечислением нескольких сотен чхинильхва, были изложены к 2009 г. в виде 25-томного сборника, общим объёмом около 21 тыс. страниц.⁷⁰⁷

Парламентский комитет тесно сотрудничал с Институтом национальных проблем, который в 2005 г. выпустил дополненную версию биографического словаря чхинильхва, в котором были собраны биографии уже 3090 человек, классифицированных по различным категориям сотрудничества: служащие аппарата генерал-губернаторства, члены Чунчхувона, военные, полиция, общественные и религиозные деятели и т.п.⁷⁰⁸

На волне кампании по борьбе с японским наследием, в декабре 2005 г. был принят «Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей» (친일반민족행위자 재산의

⁷⁰⁵ Ильдже канъджомха панминджокхэньви чинсанъгюмёнъе кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации) // Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=129307> (22.10.2012).

⁷⁰⁶ Асмоллов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 106-107.

⁷⁰⁷ Чхиниль панминджок хэньви чинсанъгюмёнъ погосо (Отчёт о выявлении фактов прояпонской антинародной деятельности): В 25 т. Сеул: Чхиниль панминджок хэньви чинсанъгюмёнъе вивонхве, 2009.

⁷⁰⁸ Ли Ёньчхан. Ильдже синминджанджэва чхинильмундже (Проблемы наследия японского колониализма и прояпонских деятелей) // Кукхак ёнгу. 2005. № 7. С. 297-328.

국가귀속에 관한 특별법, *Чхиниль панминджок хэньвиджа чэсаный куккаквисоге кванхан тхыкбёльпоп*), согласно которому недвижимое имущество (в первую очередь земельные участки), полученное в результате прояпонской деятельности, подлежало изъятию в пользу государства.⁷⁰⁹ В рамках этого закона в 2006-2010 гг. под руководством бывшего председателя южнокорейской Комиссии по правам человека Ким Чхангука работал Комитет по исследованию имущества прояпонских антинациональных деятелей (*친일반민족행위자재산조사위원회, Чхиниль панминджок хэньвиджа чэсан чоса вивонхве*). В 2010 г. Комитет вынес решение в отношении 168 владельцев и конфискации у них 2359 земельных участков общей площадью около 11,14 кв. км (1114 га), рыночная стоимость которых оценивалась в 210,6 млрд. вон (кадастровая стоимость 95,9 млрд. вон).⁷¹⁰ Основная масса участков расположена в провинции Кёнгидо.

Комитет разработал 20 критериев ведения прояпонской деятельности, в число которых входили: противодействие корейскому национально-освободительному движению; участие в подписании корейско-японских договоров, подрывавших государственную власть Кореи; получение японского дворянства; работа в аппарате генерал-губернаторства или генерал-резидентства; служба в японской армии в качестве офицера, а также пропаганда поступления на службу в японскую армию; вербовка *вианбу*; поддержка ассимиляционной политики колониальных властей; участие в арестах и пытках «невиновных представителей корейского народа» (для судей, прокуроров, полицейских и жандармов); участие в экспроприации

⁷⁰⁹ Чхиниль панминджок хэньвиджа чэсаный куккаквисоге кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей) // Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=135567> (23.03.2013).

⁷¹⁰ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Исучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул: Рибук, 2012. С. 198, 219.

национального богатства и уничтожении (или вывозе) предметов национальной культуры.⁷¹¹

Хотя здесь критерии перечислены вкратце, мы можем видеть, что под них могло попасть (и попало) множество людей. Всего Комитетом была исследована деятельность 507 человек, из которых 168 были признаны соответствующими критериям *чхинильпха*.⁷¹² Возглавили список Ли Ванён, Сон Бёнджун, Чо Джунын, Мин Бёнсок и ещё 10 человек, участвовавших в подписании корейско-японских договоров о протекторате 1905 г. и об аннексии 1910 г. По данным опроса, проведённого Комитетом, 58,6% - корейцев были согласны с тем, что «прояснение» истории посредством подобных расследований скорее является правильным, однако 31,8% посчитали неразумным критиковать корейскую историю и искать в ней чёрные пятна. Как мы видим, хотя больше половины респондентов одобряли расследования в отношении *чхинильпха*, значительная часть населения была настроена решительно против, что ещё раз показывает неоднозначное отношение к подобным расследованиям среди самих корейцев.

Разумеется, возникает вопрос о допустимости использования обратной силы закона. Напомним, ранее принятые законы не подразумевали прямых санкций или претензий к потомкам «прояпонских деятелей», ограничиваясь, максимум, общественным порицанием. «Специальный закон о возвращении имущества» же предусматривал конфискацию у потомков 168 *чхинильпха* недвижимого имущества, «принадлежавшего корейскому государству», которое их предки получили «в результате антинародной прояпонской деятельности в 1904-1945 гг.».⁷¹³ При этом представители Комитета разъясняли, что по их мнению, закон возможно и вступал в противоречие Конституции по букве закона, но в целом соответствовал ей «по духу».⁷¹⁴

⁷¹¹ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Исучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул: Рибук, 2012. С. 201-202.

⁷¹² Там же. С. 219.

⁷¹³ Там же. С. 208-209.

⁷¹⁴ Там же. С. 247-252.

Также Комитет критиковал потомков *чхинильпха*, обвиняя их в том, что они пользуются состоянием, нажитым благодаря прояпонской деятельности их предков.⁷¹⁵

В свою очередь, наследники тех, кто был объявлен «прояпонскими деятелями», активно защищались в суде, отстаивая своё право на владение участками, переписанными Комитетом. Стоит уточнить, что в случае продажи третьим лицам участок конфискации не подлежал.⁷¹⁶ Именно поэтому продолжается ряд судебных процессов, где речь идёт о выплате государству денежной компенсации за проданный участок, в случае если продажа была осуществлена в последние несколько лет, когда его владелец знал о вероятной конфискации. В качестве примера можно привести дело 71-летнего внука Ли Хэсына (члена корейского императорского дома, которого причислили к *чхинильпха*, поскольку он не отказался от японского дворянства и финансово поддерживал). Согласно постановлению суда, потомок Ли Хэсына должен вернуть государству 22,8 млрд. вон, полученных от продажи участка, подлежащего конфискации.⁷¹⁷ Тем не менее, поскольку потомки причисленных к *чхинильпха* активно защищают своё имущество, вопрос конфискации неоднократно пересматривался в Верховном суде.⁷¹⁸

Параллельно с этими процессами, Институт национальных проблем продолжал пополнять биографические словари *чхинильпха* новыми именами. В 2009 г. был выпущен трёхтомный биографический словарь *чхинильпха*, с данными о 4776 корейцах, чья деятельность была расценена как прояпонская.⁷¹⁹ Помимо уже упомянутых представителей правящей

⁷¹⁵ Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов). Сеул: Рибук, 2012. С. 36-37.

⁷¹⁶ Там же. С. 211.

⁷¹⁷ Ильдже худжак И Хэсын сонджа куккае 220 ок панхванхара (Внук японского маркиза Ли Хэсына, отдай государству 22,8 миллиарда) / Хангёре. URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/623178.html (7.02.2014).

⁷¹⁸ Отмена конфискации имущества прояпонских элементов / KBS WORLD. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/archive/news_newissue.htm?No=2230 (15.11.2010).

⁷¹⁹ Чхиниль инмёнъ саджон (Биографический словарь чхинильпха): В 3 т. / Чхиниль инмёнъ саджон пхёнчхан вивонхве. Сеул: Минджок мундже ёнгусо, 2009.

верхушки Корейской империи, в список вошёл Пак Чонхи, основательница женского университета Ихва Ким Хваллан, писатель Ли Гвансу, публицист Чхве Намсон, историк Ли Бёндо (1896-1989) – учитель не менее известного историка Ли Гибэка (1924-2004), один из лидеров корейского религиозного движения *чхондогё* Лим Мунхо (1900-1972; отец Лим Джонгука, вдохновителя создания Института национальных проблем), и многие другие.

Публикация вызвала большой вал критики, так как «прояпонской» деятельность многих людей, включённых в список, можно было назвать с большой натяжкой. Критерии определения принадлежности к *чхинильпха* здесь были столь же размыты, как и у вышеупомянутого Комитета по исследованию имущества прояпонских антинациональных деятелей. Кроме того, в феврале 2009 г. пост президента РК занял консерватор Ли Мёнбак, который в силу политических и личных причин не был особенно заинтересован в дальнейших поисках «антинациональных деятелей». Пак Кынхе, которая сменила Ли Мёнбака на посту президента в 2013 г., будучи дочерью генерала Пак Чонхи - одного из *чхинильпха* – также не оказывала заметной поддержки Институту национальных проблем. Однако, ни «Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации» 2004 г., ни «Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей» 2005 г. отменены не были и остаются в силе до сих пор.

Хотя официальные расследования в отношении *чхинильпха* и их потомков были сняты с повестки дня, вплоть до наших дней вопросы отношения к деятельности *чхинильпха*, степени их вины и критериев признания определённой личности «прояпонским деятелем» до сих пор будоражат корейское общество. Помимо Института национальных проблем исследования в этой области ведут несколько десятков других организаций и исследовательских групп. Хотя подавляющее большинство исследователей (в том числе и из Института национальных проблем) говорит о необходимости восстановления исторической справедливости, по нашему мнению в

большинстве случаев решающую роль играют их политические взгляды. Активно выступает в этом вопросе и общественность, особенно студенчество, как правило исключительно с позиции обвинения, требуя избавиться в первую очередь от видимых раздражителей, например памятников тем, кто попал в «списки *чхинильпха*».⁷²⁰ Столь же пристальное внимание уделяют и кинематографу, где, как правило, колониальный период представлен в чёрно-белых тонах и все роли «патриотов» и «предателей» уже расписаны. При этом фильмы, в которых пытаются раскрыть неоднозначность колониального периода, подвергаются критике. Одним из примеров подобных фильмов может служить картина «Синяя ласточка» («*Чхонъён*») 2004 года, где в художественной интерпретации показана жизнь Пак Кёнвон (1901-1933) – одной из первых кореянок-пилотов, которая училась в японской авиашколе.⁷²¹ После выхода в прокат фильм подвергся критике со стороны корейских националистов, обвинявших Пак Кёнвон в «коллораборационизме» и «прояпонской деятельности». При этом личность другой женщины-пилота, Квон Гиок (1901-1988), которая училась в Китае, а затем служила в ВВС Китайской республики не вызывает подобной критики.

В современном южнокорейском обществе также довольно сильно мнение, что не стоит записывать в «прояпонские деятели» всех, кто так или иначе сотрудничал с японцами или колониальной администрацией. С учётом существующих экономических и социальных проблем, проблема *чхинильпха* для многих корейцев не представляет большого интереса в повседневной жизни, однако приобретает определённое значение во время политической и предвыборной борьбы между различными социально-политическими группировками. По нашему мнению, проблема *чхинильпха* сохранит свою актуальность в ближайшем будущем не только из-за определённой

---

⁷²⁰ Чхинильпха тонъсанъи венмаль? Коткот чхольго кальдынъ (Конфликт вокруг сноса памятников чхинильпха) / SBS.
URL: http://news.sbs.co.kr/section_news/news_read.jsp?news_id=N1001821591 (6.06.2013).

⁷²¹ Alvarez Maria Del Pilar. Who has betrayed the Nation? A Cinematographic Perspective of the Collaboration. URL: <http://www.international.ucla.edu/media/files/SRG-Alvarez.pdf> (3.04.2014).

политической значимости, но и из-за тесной связи этой проблемы с восприятием корейцами колониального периода как неотъемлемой части истории своей страны.

***

Изучение сотрудничества корейцев с японцами и колониальными властями на различных этапах истории Кореи до сих пор остаётся весьма острой проблемой в современной Республике Корея. Как мы продемонстрировали, это было очень сложное и многогранное явление, которое нельзя рассматривать, лишь применяя устоявшиеся шаблоны «коллаборационизма». Процесс осуждения наиболее одиозных прояпонских деятелей в Республике Корея в 1948-1951 гг. был прерван как по внутренним, так и по внешним причинам. Начат он был, в том числе, по причине желания переложить ответственность в установлении колониального режима и его поддержании на конкретных лиц.

Однако, как и принцип коллективной вины, данный подход представляется нам неконструктивным, применительно к современным расследованиям в отношении *чхинильпха*, а также причисления к *чхинильпха* той или иной личности. Внедрение осознания коллективной вины, как мы могли видеть на примере послевоенной ФРГ, практически всегда осуществляется извне.

Хотя в настоящее время проблема *чхинильпха* временно снята с политической повестки дня, исследования на эту тему не прекращаются. Для южнокорейского общества эта проблема сохраняет свою остроту сейчас и, с большой вероятностью, сохранит её и в ближайшем будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате данного диссертационного исследования **были сделаны следующие выводы:**

1. Колониальная модернизация Кореи существовала не только в речах колониальных чиновников, но и в объективной исторической реальности. В частности можно говорить о существенной экономической, политической, социальной и культурной модернизации Кореи в период 1905-1945 гг.

2. Хотя колониальные власти задействовали значительные силы и средства для модернизации Кореи, под модернизацией они подразумевали в первую очередь формирование в Корее ресурсной, а позднее и промышленной базы, необходимой для снабжения Японской империи и её агрессивной внешней политики.

3. Многие корейцы сами активно участвовали в модернизационных процессах, порой находясь в конфронтации с колониальными властями, и не являясь пассивными объектами колониальной политики Японии.

4. В модернизационных процессах в Корее активно участвовало японское население полуострова, которое далеко не всегда выступало в качестве эксплуататоров. Зачастую, по политическим и экономическим причинам японские поселенцы вступали в конфронтацию с метрополией и на этой почве сотрудничали с корейцами. Преимущественно подобное происходило в сфере крупного предпринимательства. В любом случае не стоит приписывать японцам имманентное стремление к угнетению корейцев.

5. Получив опыт управления Тайванем с 1895 г., Япония выстраивала свою колониальную политику в Корее как с учётом своих собственных ошибок, так и с учётом колониальных методик крупнейших колониальных держав начала XX в. – Великобритании и Франции.

6. По ряду направлений, модернизация Кореи шла параллельно или посредством японизации, поскольку большая часть элементов модернизации,

в частности модернизации повседневной жизни, поступала в Корею через Японию. При этом в действительности японизация Кореи до конца 1930-х гг. была незначительна и была заметна в основном в городах. Несмотря на то, что система образования реформировалась так, чтобы создавать «новых японцев» слабый охват корейцев даже начальным образованием резко снижал эффективность ассимиляционной политики.

7. Радикализация ассимиляционной политики Японии в 1937-1945 гг. столкнулась с молчаливым протестом, и хотя, возможно, эта политика имела определённые шансы на успех в долгосрочной перспективе, нежелание японцев и японских властей увидеть в корейцах равных себе, а также давление внешнеполитических обстоятельств привели к провалу ассимиляции корейцев.

8. Представители корейской диаспоры в Японии, ещё до начала ассимиляционных мероприятий на полуострове, первыми стали интегрироваться и ассимилироваться в японском обществе, с переменным успехом. При этом японское правительство не использовало в полной мере возможности по ассимиляции корейцев, японское общество также было к этому не готово.

9. После 1945 г. японские власти и японское общество продолжали воспринимать корейцев-*дзайнити* как инородный элемент, и их интеграция в японское общество была сильно затруднена. Однако ход истории показал, что *дзайнити* на данный момент являются неотъемлемой частью японского общества, и это говорит о том, что современный тезис о моноэтничности японского общества в корне неверен.

10. Проблема прояпонской деятельности и прояпонских деятелей-*чхинильпха* не ограничивается несколькими сотнями корейцев-«предателей нации», а охватывает куда более широкие слои населения Кореи. Существует заметная проблема определения прояпонской деятельности, учитывая то, что в условиях колониальной Кореи *любой* человек, желавший сделать карьеру, открыть и развить своё дело, заниматься общественной деятельностью и т.п.

должен был в определённой мере сотрудничать с колониальными властями или японцами. А в военные годы (1937-1945) милитаризация Кореи и усиление мер по японизации корейцев привело к тому, что в прояпонской деятельности можно обвинить огромное множество людей. Именно поэтому судебный процесс в отношении *чхинильпха* в конце 1940-х – начале 1950-х гг. не носил массового характера. Однако и он был свёрнут, преимущественно по политическим причинам.

11. Ввиду сложившихся исторических обстоятельств и перманентной конфронтации с КНДР, в Республике Корея исследования о *чхинильпха* до 1990-х гг. были посвящены преимущественно отдельным персоналиям. Однако с 1990-х гг. обвинения в прояпонской деятельности предков стали активно использоваться в политической борьбе, преимущественно против консервативно настроенных политических деятелей.

12. Составление списков и биографических словарей *чхинильпха*, включающих в себя на данный момент несколько тысяч человек, а также принятие законов, не только осуждающих прояпонскую деятельность уже давно ушедших людей, но и направленных против их ныне живущих потомков, имело под собой сильную политическую подоплёку. С приходом к власти в Республике Корея президентов-консерваторов Ли Мёнбака, а затем Пак Кынхе государственная поддержка исследований фактов ведения прояпонской деятельности значительно сократилась. Однако эти исследования продолжают, и проблема *чхинильпха* по-прежнему играет значительную роль в южнокорейском общественном дискурсе, поскольку она не только затрагивает чувства корейцев, но и вступает в конфликт с корейским национальным мифом о тотальном сопротивлении корейцев японскому оккупационному режиму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы:

1. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16. «Политическое состояние Кореи (пер. с корейского языка), 1924 г.».
2. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 9. П. 122. Д. 51. «Доклады консула СССР в Корее Шаманова».
3. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 10. П. 130. Д. 59. Л. 88-96. «Дневник генконсула СССР в Сеуле тов. Чичаева, 1927 г.».
4. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 165. «Записка И.А. Чичаева Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей, 1928 г.».
5. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 36-119. «Обзор прессы за период с 1 января по 1 апреля 1928 г.».
6. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 220-260. «Записка советнику полпредства СССР в Японии тов. Майскому. 20.10.1928».
7. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 12. П. 138. Д. 7. Л. 35-54. «Перевод доклада генгуба Яманаси японскому правительству («Современные проблемы в Корее и их разрешение»), 20.02.1929».
8. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 13. П. 142. Д. 10. «Записка генконсула в Корее И.А. Чичаева полпреду СССР в Японии Трояновскому, 1930 г.».
9. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 16. П. 156. Д. 72. «Доклад генконсула в Корее А. Иткина, 1932 г.».
10. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 20. П. 182. Д. 64. Л. 242-348. «Обзор прессы за 7.06.1937-7.01.1938».
11. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 21. П. 189. Д. 50. «Обзор прессы за март-июнь 1938 г.».
12. АВП РФ. Ф. 146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 77. Д. 28. «Колонии Японии – Корея. Часть 2-я. Историко-географический и политико-экономический очерк».
13. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 237. Д. 101. «Политико-экономический обзор Кореи за 1940 г.».
14. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 25. П. 244. Д. 75. «Политико-экономический обзор по Корее (сост. 15.01.1943, Сеул, Корея) А. Полянский».
15. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 26. П. 251. Д. 62.
16. АВП РФ. Ф. 0146. «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 132-150. «Краткий политический обзор по Корее за апрель-октябрь 1944 г.».
17. АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 2. Д. 19. «Сводка по корейской прессе с 22.02.1926 по 10.03 1926».
18. АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 3. Д. 36. «Информационный бюллетень за февраль-март 1926 г.».
19. АВП РФ. Ф. 284. «Генеральное консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 4. Д. 54. «Колонии Японии».

Официальные издания генерал-губернаторства Кореи, Банка Кореи и Восточной колонизационной компании:

20. A Glimpse of Twenty Years' Administration in Chosen / Government-General of Chosen. - Seoul, 1932. - 49 p.
21. Annual report on reforms and progress in Chosen (1910-11) / Government-General of Chosen. – Keijo (Seoul), 1911. – 272 p.

22. Annual report on reforms and progress in Chosen (1921-22) / Government-General of Chosen. – Keijo (Seoul), 1923. – 274 p.
23. Chosen of To-day / Government-General of Chosen. – Keijo (Seoul): Chikasawa Printing House, 1929. - 61 p.
24. Economic outlines of Chosen and Manchuria / The Bank of Chosen. – Seoul, 1918. – 44 p.
25. Manual of education in Chosen / Government-General of Chosen. Bureau of education. - Seoul, Chosen, 1920. - 271 p.
26. Pictorial Chosen and Manchuria / The Bank of Chosen. – Seoul, 1919. – 316 p.
27. Prospectus of the Oriental Development Company / Oriental Development Co., Ltd. – Tokyo, 1921. – 67 p.
28. Results of Three Years' Administration of Chosen Since Annexation / Government-General of Chosen. – Keijo (Seoul), 1914. – 95 p.
29. The New Administration in Chosen / Government-General of Chosen. - Seoul, 1921. - 111 p.
30. Thriving Chosen: a Survey of Twenty-Five years' Administration / Government-General of Chosen. – Seoul, 1935. – 93 p.

Периодика колониальной Кореи (1910-1945):

31. Мэиль синбо (Сеул/Кэйдзё) (1910-1945).
32. Тонъя ильбо (Сеул/ Кэйдзё) (1920-1940).

Сборники статей и документов, публицистика первой половины XX в. по колониальной Корее:

33. Колониальная Корея. Из публикаций в СССР 1920-1930-х гг. / Сост. Ю.В. Ванин. – Тула: Гриф и К, 2006. – 408 с.
34. Корея глазами россиян (1895-1945) / Сост. Ю.В. Ванин, Б.Д. Пак. – Тула: Гриф и К, 2008. – 368 с.
35. Суви́ров Н.И. Корея. Страна и её история последнего времени. – СПб: Издание книжного магазина К. Фельдман, 1904. - 126 с.
36. Administrative reforms in Korea / Isoh Yamagata. - Seoul, Chosen: The "Seoul Press" Office, 1919. - 74 p.
37. Cynn Hugh Heung-wo. The rebirth of Korea: the reawakening of the people, its causes, and the outlook. - New York: Abingdon Press, 1920. - 272 p.
38. Hulbert Homer B. Japan in Korea // Journal of International Relations. - Worcester, 1920. - Vol.10, № 3. - P. 270-277.
39. Hulbert Homer B. The Passing of Korea. – New York: Doubleday, Page & Company, 1906. – 473 p.
40. Iyenaga Toyokichi. Japan's annexation of Korea // Journal of Race Development. - Worcester, 1912. - Vol.3, № 2. - P. 201-223.
41. Jones George Heber. Some Aspects of Reform in Korea // The Journal of Race Development. – July 1910. - Vol. 1. - P. 18-35.
42. Korea: treaties and agreements / Carnegie Endowment for International Peace. Division of International Law. - Washington: The Endowment, 1921. - 68 p.
43. Ladd George Trumbull. Economic and Social Changes in Korea // The Journal of Race Development. – 1910. - Vol. 1. - P. 248-253.
44. Ladd George Trumbull. In Korea with Marquis Ito. – London: Longmans, Green & Co, New York: C. Scribner's Sons, 1910. – 519 p.

45. Ladd George Trumbull. The Development of Korea in Most Recent Times // The Journal of Race Development. – 1918. – Vol. 8. – P. 431-438.
46. Longford Joseph H. The story of Korea. - London: T. Fischer Unwin, 1911. – 400 p.
47. Maxey Edwin. Korea - An Example of National Suicide // The Forum. - October-December, 1907. - P. 281-290.
48. McKenzie F.A. Korea's fight for freedom. – New York, Chicago, London, Edinburgh: Fleming H. Revell Company, 1920. – 320 p.
49. McKenzie F.A. The colonial policy of Japan in Korea. - London: Central Asian Society, 1906. – 26 p.
50. McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. - New York, Dutton, 1908. – 312 p.
51. Miura C., Litt. D. The Problem of Korean Assimilation // The Japan Magazine. – Tokyo, 1921. - Vol. 12, № 2-3. - P. 130-134.
52. Oregon State College Catalog 1944-45 / Oregon State System of Higher Education Bulletin. – Corvallis, 1944. - № 143. – 407 p.
53. Rutter Owen. Through Formosa: an account of Japan's island colony. - London: Unwin, 1923. – 288 p.
54. Terry T. Philip. Japanese Empire Including Korea and Formosa. Boston, New York: Houghton Mifflin, London: Constable, Tokyo: Kyo-bun-kwan, 1914. – 799 p.

Мемуары и сборники интервью:

55. Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца / Отв. ред. Ю.В. Ванин. — М.: Наука, 1992. — 285 с.
56. Kang Hildi. Under the Black Umbrella: Voices from Colonial Korea, 1910-1945 / Hildi Kang. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. – 166 p.
57. Синминджи сонёный чханъгонъёый ккум (Мечты колониальной молодёжи о небе) / под ред. Пэ Ёньми, Ноги Каори, Ким Ынсик. – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве, 2010. – 275 с.

Справочные издания, статистические материалы, законы:

58. Концевич Л.Р. Избранная библиография литературы по Корее на русском и западноевропейском языках (с XIX века по 2007 год). – М.: Первое марта, 2008. – 592 с.
59. Ильдже канъджомха панминджокхэнъви чинсанъгюмёнъе кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации) // Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. - URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=129307> (22.10.2012).
60. Ильсидонъингва чхабёльчхольпхёый сонджон (Пропаганда равноправия и уничтожения дискриминации) // Хангук тонънип ундонъый ёкса (История корейского движения за независимость). - URL: <https://search.i815.or.kr/Degae/DegaeView.jsp?nid=148> (3.04.2014).
61. Кика кёкасинсэйся су:то: но суйи (Динамика количества заявлений на натурализацию) / Министерство юстиции Японии. – URL: http://www.moj.go.jp/MINJI/toukei_t_minj03.html (3.04.2014).
62. Панминджок хэнъви чхобольпоп (Закон о наказании за антинациональную деятельность) / Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. – URL: <http://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=3399> (3.04.2014).
63. Тодо:фукэн бэцу дзайрю: сикаку (дзайрю:мокутэки) бэцу гайкокудзинто:рокуся (соно 3 канкоку, тё:сэн) (Зарегистрированные иностранцы по префектуре и статусу

пребывания (часть 3 РК, КНДР)) / E-Stat, Портал официальной статистики Японии. - URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/Xlsdl.do?sinfid=000021315242> (5.12.2012).

64. Чхиниль панминджок хэньвиджа чэсаный куккаквисоге кванхан тхыкбёльпоп (Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей) // Информационный центр по национальному законодательству. Министерство внутренних дел и законодательства Республики Корея. - URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=135567> (23.03.2013).

65. Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). - URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014).

Современная периодика и публицистика:

66. Ланьков А.Н. Корейско-японские браки / Сеульский вестник. - URL: <http://vestnik.kr/articles/gorizonty/2910.html> (26.01.2008).

67. Ланьков А.Н. "Репатриация" корейцев из Японии в КНДР / Сеульский вестник. - URL: <http://vestnik.kr/articles/historypage/2926.html> (23.09.2007).

68. Отмена конфискации имущества прояпонских элементов / KBS WORLD. - URL: http://world.kbs.co.kr/russian/archive/news_newissue.htm?No=2230 (15.11.2010).

69. Сиротко-Сибирская Н.С. Проблема японских школьных учебников: Корея, Китай и «Фусося» // Сеульский вестник. - URL: <http://vestnik.kr/articles/3185.html> (27.06.2005).

70. A New Look at the Annexation of Korea / Committee Against Government Apologies to Korea. Society for the Dissemination of Historical Fact. - URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/89_S4.pdf (30.07.2010).

71. Kase Hideaki. Comfort Women in Korea / Society for the Dissemination of Historical Fact. - URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/98_S4.pdf (3.04.2014).

72. Ko Bunu (Huang Wenxing). Truth about the Annexation of Korea after One Hundred Years / Society for the Dissemination of Historical Fact, 2010. - URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/72_S4.pdf (3.04.2014).

73. Matsuki Kunitoshi. Japan's Annexation of Korea / Society for the Dissemination of Historical Fact. - URL: http://www.sdh-fact.com/CL02_1/76_S4.pdf (3.04.2014).

74. Ильбонгун чхульсин Ким Согвон тонъсанъ чхольгохара (Демонтируйте памятник японскому генералу Ким Согвону) / OhmyNews. - URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000085865 (28.08.2002).

75. Ильдже худжак И Хэсынъ сонджа куккае 220 ок панхванхара (Внук японского маркиза Ли Хэсына, отдай государству 22,8 миллиарда) / Хангёре. - URL: http://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/623178.html (7.02.2014).

76. Ильдже чхиниль панминджок хэньвиджа 708 мёнъ мёнъдан (Список 708 прояпонских антинациональных деятелей) / Хангёре. - URL: <http://legacy.www.hani.co.kr/section-003000000/2002/02/003000000200202282132001.html> (28.02.2002).

77. Ким Вансоп. Сэ чхинильпхарыль вихан пёнмёнъ (Новое разъяснение о чхинильпха). - Коянь: Тосочхульпхан чхунчхуса, 2003. - 452 с.

78. Минджок мундже ёнгусо (Институт национальных проблем). - URL: <http://www.minjok.or.kr/kimson/home/minjok/index.php> (28.02.2014).

79. Хвевон мёнъдан (Список членов [совета]) / Совет по сохранению духа корейской нации. - URL: <http://minjok815.or.kr/html/minjok/member.asp> (1.03.2014).

80. Чан Ынгё. «Чосон кучок» чэильдонъпхо ипкук маннын «кккак макхин» нара (Страна, полностью закрытая для зарубежных соотечественников "корейской национальности") / Кёнъхьянь синмун. -

URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201009300016565&code=940100 (30.09.2009).

81. Чхиниль инмёнъ саджон сурок тэсанъджа 4776 мёнъ (В биографический словарь чхинильпха внесено 4776 человек) / OhmyNews. – URL: http://www.ohmynews.com/nws_web/view/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000889220 (29.04.2008).

82. Чхинильпха тонъсанъи венмаль? Коткот чхольго кальдынъ (Конфликт вокруг сноса памятников чхинильпха) / SBS. – URL: http://news.sbs.co.kr/section_news/news_read.jsp?news_id=N1001821591 (6.06.2013).

Диссертационные исследования:

83. Куликова (Овчинникова) Л.В. Закрытые издания японской колониальной администрации как источник изучения корейского освободительного движения в 20-30-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. – М. - 1994. – 19 с.

84. Kim Young-Sun. Patriarchy and the Making of Colonial Modernity on Colonial Korea: Colonialism, Nationalism and Modern Korean Female Subjectivities During 1920-37: Ph.D. in Sociology diss., Graduate School of Binghamton University, State University of New York, 2006.

85. Ки Юджон. Ильбон синминсахвевей чонъчхихвальдонъгва Чосонджуыйе кванхан ёнгу: 1936 нён иджониль чунъсимыро (Исследование прокорейской идеологии («чосонизма») и политической активности японских жителей колониальной Кореи): дис ... PhD в политологии. Сеул, Сеульский национальный университет, 2011.

Литература:

На русском языке:

86. Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. - М.: ИДВ РАН, 2009. - 484 с.

87. Василевская И.И. Колониальная политика Японии в Корее накануне агрессии (1904-1910 гг.) / И.И. Василевская. – М.: Наука, 1975. – 119 с.

88. Виноградова А.С. Указ генерал-губернаторства Чосон №23 от 19 марта 1912 г. «О правилах применения телесных наказаний в Корее» // Вестник центра корейского языка и культуры. – 2011. – Вып. 13. – С. 159-166.

89. Гайкин В.А. Корейская диаспора в Японии, квази-профсоюз Соайкай и Великое землетрясение в Канто // NB: Исторические исследования. – 2013. - № 2. - С. 89-142.

90. Гайкин В.А. Массовые убийства корейцев в Японии в 1923 г. и роль полиции (к 90-летию погромов) // NB: Российское полицейское право. — 2013. - № 2. - С. 1-21.

91. Головачёв В.Ц. Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895 – 1945) // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Вост. лит., 2009. – С. 202-220.

92. Гражданцев А.И. Корея / пер. с англ. З.А. Рыбниковой, под ред. В.Т. Зайчикова. – М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948. – 448 с.

93. Гринюк В.А. Борьба проживающих в Японии корейцев в защиту прав человека, против дискриминации // Япония наших дней. – 2013. - № 2(16). – С. 109-136.

94. Гринюк В.А. К истории корейской диаспоры в Японии // Япония наших дней. – 2013. - № 3(13). – С. 91-104.

95. Гринюк В.А. Корейская диаспора в Японии после Второй Мировой войны (1945-1960) // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. - № 4. – С. 124-134.

96. История Кореи (новое прочтение) / под ред. А.В. Торкунова. - М.: МГИМО; РОССПЭН, 2003. - 430 с.
97. История Кореи (с древнейших времён до наших дней) / АН СССР Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1974. - Т.1. - 470 с.
98. Ким Г.Н. Корейские студии в Японии / Библиотека Мошкова. Сервер «Заграница». – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/151517.shtml (17.02.2009).
99. Ким Н.Н. В поисках методологии исследования социальной структуры Кореи колониального периода // Вестник российского корееведения. – 2012. - №4. – С. 60-74.
100. Ким Н.Н. Эпоха освобождения Кореи в современной южнокорейской историографии // Восток (Oriens). – Москва. – 2012. - № 2. – С. 181-188.
101. Ковальченко И.Д. Методы научного исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
102. Козлова Д.Н. Установление протектората Японии над Кореей с точки зрения международного права // Вестник российского корееведения. – 2011. - № 3. – С. 5-14.
103. Костякова Ю.Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника // Вестник Военного университета. - 2011. - № 3 (27). - С. 12-17.
104. Кузнецов С.И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945) / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Иркут. гос. ун-т, - Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1996. - 128 с.
105. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. / С. О. Курбанов. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. — 680 с.
106. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. / С.О. Курбанов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – 628 с.
107. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Ги Бэк; Пер. с кор. под. ред. С.О. Курбанова. - М.: Первое марта, 2000. - 464 с.
108. Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи / пер. с кор. А.М. Пака. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952. – 191 с.
109. Макарчук О.И. Аннексия Кореи Японией в 1908–1910 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 3. - С. 153–158.
110. Овчинникова Л.В. Секретные издания японского генерал-губернаторства как источник изучения колониального периода корейской и японской истории (1920-1945) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13 Востоковедение. – 2009. - № 3. – С.57-70.
111. Пак Б.Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи, 1905-1919 / Б.Д. Пак; ред. Ю. В. Ванин; Институт востоковедения РАН. - М.: ИВ РАН, 2009. - 390 с.
112. Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское национально-освободительное движение: 1918-1925. Очерки, документы, материалы / отв. ред. Ю.В. Ванин. – М.: ИВ РАН, 2006. – 416 с.
113. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи / Б.Д. Пак; МГУ им. М.В. Ломоносова, Междунар. центр корееведения, Иркутский гос. пед. ин-т, Междунар. центр азиат. исслед. - Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1994. - 237 с.
114. Пак Б.Д. Россия и Корея / отв. ред. А.Л. Нарочницкий и Ю.В. Ванин. – М.: ИВ РАН, 2004. – 520 с.
115. Пак М.Н. История и историография Кореи. – М.: Восточная литература, 2003. – 911 с.
116. Сон Ен Чжон. Очерк корейской истории / Сон Ен Чжон, Пак Ен Хэ, Ким Ён Ган. - Пхеньян.: Изд-во лит-ры на иностр. яз. - Кн.1. - 1992. - 321 с.
117. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1904 г. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
118. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея 1905-1945 гг. (В.М. Тихонов); Южная Корея: 1945-1992 гг. (Кан Мангиль). – М.: Наталис, 2011. – 499 с.

119. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 544 с.
120. Хан Ёнъю. История Кореи: новый взгляд / Хан Ёнъю; пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. – М.: Восточная литература, 2010. – 758 с.
121. Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945-1953 гг.) / АН СССР. Институт востоковедения. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. – 307 с.
122. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским капитализмом (1895-1917) / В.И. Шипаев. – М.: Наука, 1964. – 242 с.
123. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении / В.И. Шипаев. – М.: Наука, 1964. – 298 с.
124. Эсаулова Д. Е. Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000 – 2011 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2012. - №1. – С. 34-42.

На английском языке:

125. Abramson Gunnar. Comparative Colonialisms: Variations in Japanese Colonial Policy in Taiwan and Korea, 1895-1945 // PSU McNair Online Journal. - Vol. 1; Transformative Possibilities: Transcending Interlocking Boundaries, 2005. - URL: <http://pdxscholar.library.pdx.edu/mcnair/vol1/iss1/5/> (3.04.2014).
126. Alvarez Maria Del Pilar. Who has betrayed the Nation? A Cinematographic Perspective of the Collaboration / UCLA Center for Korean Studies. - URL: <http://www.international.ucla.edu/media/files/SRG-Alvarez.pdf> (3.04.2014).
127. Atkins E. Taylor. Primitive selves: Koreana in the Japanese colonial gaze, 1910-1945 / E. Taylor Atkins. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2010. – 262 p.
128. Atkins E. Taylor. The Dual Career of “Arirang”: The Korean Resistance Anthem That Became a Japanese Pop Hit // The Journal of Asian Studies. – 2007. - Vol. 66, No. 3. - P. 645-687.
129. Babicz Lionel. Japan-Korea, France-Algeria: Colonialism and Post-Colonialism // Japanese Studies. – 2013. - Vol. 33, No.2. - P. 201-211.
130. Brudnoy David. Japan's Experiment in Korea // Monumenta Nipponica. – 1970. - Vol. 25, No. 1/2. - P. 155-195.
131. Cameron W.H. Morton, Feldwick W. Present day impressions of Japan; the history, people, commerce, industries and resources of Japan and Japan's colonial empire, Kwantung, Chosen, Taiwan, Karafuto. – Chicago, Globe Encyclopedia Co., 1919. – 931 p.
132. Caprio Mark E. Japanese Assimilation Policies in Colonial Korea, 1910-1945 / Mark Caprio. – Seattle and London: University of Washington Press, 2009. – 320 p.
133. Caprio Mark E. Japanese Narratives on Life in Late-Colonial Korea: From Wartime to Repatriation // Journal of Korean Studies. – 2009. - Vol. 14, No. 1. - P. 117-132.
134. Caprio Mark E. Loyal Patriot? Traitorous Collaborator? The Yun Ch'ihō Diaries and the Question of National Loyalty // Journal of Colonialism and Colonial History. – 2006. - Vol. 7, No. 3. – URL: http://muse.jhu.edu/journals/journal_of_colonialism_and_colonial_history/v007/7.3caprio.html (3.04.2014).
135. Caprio Mark E. Marketing Assimilation: The Press and the Formation of the Japanese-Korean Colonial Relationship // Journal of Korean Studies. – 2011. - Vol. 16. No. 1. - P. 1-25.
136. Ceuster Koen de. The Nation Exorcised: The Historiography of Collaboration in South Korea // Korean Studies. – 2001. – Vol. 25, No. 2. - P. 207-242.
137. Chang Yunshik. Colonization as Planned Changed: The Korean Case // Modern Asian Studies. – 1971. - Vol. 5, No. 2. - P. 161-186.
138. Chen Edward I-te. Japanese Colonialism in Korea and Formosa: A Comparison of The Systems of Political Control // Harvard Journal of Asiatic Studies. - 1970. - Vol. 30. - P. 126-158.

139. Ching Leo T. S. *Becoming "Japanese": Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation* / Leo T. S. Ching. - University of California Press, 2001. – 251 p.
140. Choi Chungmoo. *The Discourse of Decolonization and Popular Memory: South Korea* // *Positions Spring*. Duke University Press. - 1993. - Vol. 1, No. 1. - P. 77-102.
141. Chung Jae-jeong. *Looking at the Economy and Society of Korea under Japanese Rule: Beyond the "Theory of Development" and "Theory of Exploitation"* // *Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research* (Kyoto, International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). – 2002. – P. 39-60.
142. *Colonial Modernity in Korea* / edited by Gi-Wook Shin and Michael Robinson. - Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1999. – 466 p.
143. Cumings B. *Korea's Place in the Sun* / Bruce Cumings. - New York: A Modern History; London: W.W. Norton & Company, 1997. - 527 p.
144. Dudden Alexis. *Japan's colonization of Korea: discourse and power* / Alexis Dudden. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. – 215 p.
145. Duus Peter. *The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895-1910* / Peter Duus. - Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998. – 480 p.
146. Eckert Carter J. *Offspring of Empire: The Koch'Ang Kims and the Colonial Origins of Korean Capitalism, 1876-1945* / Carter J. Eckert. - University of Washington Press, 1996. – 388 p.
147. Grajdanzev Andrew. *Modern Korea* / Andrew J. Grajdanzev. - New York: Institute of Pacific Relations, 1944. - 330 p.
148. Haggard Stephan, Kang David, Moon Chung-In. *Japanese colonialism and Korean development: A critique* // *World Development*. - 1997. - Vol. 25, No. 6. - P. 867-881.
149. Hahn Bae-ho, Hong Sung-chick. *The Korean Minority in Japan: Their Problems, Aspirations and Prospects* // *Korea Journal*. – 1975. - Vol. 15, No. 6. - P. 4-21.
150. Hechter Michael, Matesan Ioana Emy, Hale Chris. *Resistance to alien rule in Taiwan and Korea* // *Nations and Nationalism*. – 2009. - №15 (1). – P. 36–59.
151. Hundt David, Bleiker Roland. *Reconciling Colonial Memories in Korea and Japan* // *Asian Perspective*. – 2007. - Vol. 31, No. 1. - P. 61-91.
152. Hur Nam-lin. *The Soto Sect and Japanese Military Imperialism in Korea* // *Japanese Journal of Religious Studies*. – 1999. - Vol. 26. - P. 107-134.
153. Jennings John M. *The Forgotten Plague: Opium and Narcotics in Korea under Japanese Rule, 1910-1945* // *Modern Asian Studies*. – 1995. - Vol. 29, No. 4. - P. 795-815.
154. Jennings John M. *The Opium Empire: Japanese Imperialism and Drug Trafficking in Asia, 1895-1945* / John M. Jennings. – Westport: Greenwood Publishing Group, 1997. – 161 p.
155. Juhn Daniel S. *Nationalism and Korean Businessmen under Japanese Colonial Rule* // *Korea Journal*. – 1977. - Vol. 17, No.1. - P. 4-11.
156. Kang Thomas Hosuck. *The Changing Nature of Korean Confucian Personality under Japanese Rule* // *Korea Journal*. – 1977. - Vol. 17. No. 3. - P. 22-36.
157. Khaled Mortuza. *Aspects of Colonialism in Asia: A Comparative Study of the Japanese in Korea (1910-1945) and the British in India (1757-1947)* // *The Materials of the 1st World Congress of Korean Studies, Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures*. Seoul: The Academy of Korean Studies, 2002. - URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1358731305.pdf (3.04.2014).
158. Kim Chang Rok. *The Characteristics of the System of Japanese Imperialist Rule in Korea from 1905 to 1945* // *Korea Journal*. – 1996. - Vol. 36. No. 1. - P. 20-49.
159. Kim In-dok. *Korean Research on the History of Koreans in Japan* // *Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research* (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). – 2002. – P. 365-402.
160. Kim Keong-il. *Nationalism and Colonialism in Japan's "Greater East Asia Co-Prosperty Sphere" in World War II* // *The Review of Korean Studies*. – 2002. - Vol. 8. No. 2. - P. 65-90.

161. Kim Su Yun. Racialization and Colonial Space: Inter-marriage in Yi Hyosok's Works // *Journal of Korean Studies*. - 2013. - Vol. 18. No. 1. - P. 29-59.
162. Kim U-Chang. The Situation of the Writers under Japanese Colonialism // *Korea Journal*. - 1976. - Vol. 16. No. 5. - P. 4-15.
163. Kimura Mitsuhiko. Standards of Living in Colonial Korea: Did the Masses Become Worse Off or Better Off Under Japanese Rule? // *The Journal of Economic History*. - 1993. - Vol. 53, No. 3. - P. 629-652.
164. Korean Permanent Residents in Japan // *Living Together: Minority People and Disadvantaged Groups in Japan*. - Center for US-Japan Comparative Social Studies. - URL: http://www.usjp.org/livingtogether_en/ltKoreans_en.html (3.04.2014).
165. Lee Jung-Shim. History as colonial storytelling: Yi Kwangsu's historical novels on fifteenth-century Choson history // *Korean Histories*. - 2009. - Vol. 1.1. - P. 81-105.
166. Lee Seung-il. Characteristics of Japan's Annexation of Korea and the Japanese Colonial System // *Korea Journal*. - 2010. - Vol.50. No.4. - P. 42-68.
167. Lee Young-ho. Colonial Modernity and the Investigation of Land Customs: a Comparison of Japan, Taiwan, and Korea // *Korea Journal*. - 2004. - Vol. 44. No. 2. - P. 149-173.
168. Lim Timothy C. The Origins of Societal Power in South Korea: Understanding the Physical and Human Legacies of Japanese Colonialism // *Modern Asian Studies*. - 1999. - Vol. 33, No. 3. - P. 603-633.
169. Lone Stewart. The Japanese Annexation of Korea 1910: The Failure of East Asian Co-Prosperty // *Modern Asian Studies*. - 1991. - Vol. 25, No. 1. - P. 143-173.
170. Lynn Hyung Gu. Ariyoshi Chuichi and Colonial Period Korea // *Transactions of the International Conference of Eastern Studies*. - 1998. - Vol. 43. - P. 73-89.
171. Matsuda Toshihiko. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904-1919 / *International Research Center for Japanese Studies*. - Kyoto: The International Research Center for Japanese Studies, 2011. - 256 p.
172. McNamara Dennis L. The Colonial Origins of Korean Enterprise: 1910-1945 / Dennis L. McNamara. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - 208 p.
173. McNamara Dennis L. Entrepreneurship in Colonial Korea: Kim Yon-su // *Modern Asian Studies*. - 1988. - Vol. 22. No. 1. - P. 165-177.
174. Mitchell Richard H. The Korean Minority in Japan / Richard H. Mitchell. - Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. - 186 p.
175. Mizuno Naoki. Research regarding the History of Japanese Government Policies during Colonial Rule // *Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research* (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). - 2002. - P. 61-67.
176. Moscowitz Karl. The Creation of the Oriental Development Company: Japanese Illusions Meet Korean Reality // *Occasional Papers on Korea*. - 1974. - № 2. - P. 73-121.
177. Nakajima Michio. Shinto Deities that Crossed the Sea: Japan's "Overseas Shrines," 1868 to 1945 // *Japanese Journal of Religious Studies*. - 2010. - Vol. 37, No. 1, Religion and the Japanese Empire. - P. 21-46.
178. Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // *Asia Pacific Education Review*. - 2000. - Vol. 1, No. 1. - P. 75-89.
179. Palmer Brandon. Imperial Japan's Preparations to Conscript Koreans as Soldiers, 1942-1945 // *Korean Studies*. - 2007. - Vol. 31, No. 1. - P. 63-78.
180. Palmer Brandon. Fighting for the Enemy: Koreans in Japan's War, 1937-1945. - Seattle and London, 2013. - 242 p.
181. Park Chan Seung. Japanese Rule and Colonial Dual Society in Korea // *Korea Journal*. - 2010. - Vol.50, No.4. - P. 69-98.
182. Park Pae-Keun. Discussions Concerning the Legality of the 1910 Annexation of Korea by Japan // *Korea Journal*. - 2010. - Vol.50, No.4. - P. 13-41.

183. Park Soon Won. Colonial Industrialization and Labor in Korea: The Onoda Cement Factory / Soon Won Park. - Harvard University Asia Center, 1999. – 223 p.
184. Park Yunjae. Sanitizing Korea: Anti-Cholera Activities of the Police in Early Colonial Korea // Seoul Journal of Korean Studies. – 2010. – Vol.23 No.2. – P. 151-171.
185. Quigley Harold S. Japanese government and politics. – New York, London: The Century Company, 1932. – 460 p.
186. Rabson Steve. Assimilation Policy in Okinawa: Promotion, Resistance, and "Reconstruction" // JPRI Occasional Paper. - 1996. - No. 8. - URL: <http://www.jpri.org/publications/occasionalpapers/op8.html> (3.04.2014).
187. Ruedy John Douglas. Modern Algeria: The Origins and Development of a Nation / John Douglas Ruedy. - Indiana University Press, 2005. – 325 p.
188. Schmid Andre. Colonialism and the "Korea Problem" in the Historiography of Modern Japan: A Review Article // The Journal of Asian Studies. – 2000. - Vol. 59. No. 4. - P. 951-976.
189. Schmid Andre. Two Americans in Seoul: Evaluating an Oriental Empire, 1905-1910 // Korean Histories. – 2010. - Vol. 2.2. - P. 7-23.
190. Seo Jaekil. Dual Broadcasting and Diglossia in the Japanese Colonial Period // Seoul Journal of Korean Studies. – 2010. - Vol.23, No.2. – P. 173-194.
191. Smith W. Donald. The 1932 Aso Coal Strike: Korean-Japanese Solidarity and Conflict // Korean Studies. – 1996. - Vol. 20, No. 1. - P. 94-122.
192. Society and the state in interwar Japan / edited by Elise K. Tipton. - London; New York: Routledge, 1997. - 272 p.
193. Takayoshi Matsuo, Takiguchi S. The Japanese Protestants in Korea, Part One: The Missionary Activity of the Japan Congregational Church in Korea // Modern Asian Studies. – 1979. – Vol. 13, No. 3. – P. 401-429.
194. Takayoshi Matsuo, Takiguchi S. The Japanese Protestants in Korea, Part Two: The 1st March Movement and the Japanese Protestants // Modern Asian Studies. – 1979. – Vol. 13, No. 4. – P. 581-615.
195. The Historical Perceptions of Korea and Japan: Its Origins and Points of the Issues Concerning Dokdo-Takeshima, Yasukuni Shrine, Comfort Women, and Textbooks / edited by Hyun Dae-song. –Nanam: Pajubook city, 2008. – 465 p.
196. The Japanese Colonial Empire: 1895 – 1945 / edited by Ramon Hawley Myers, Mark Robert Peattie. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 540 p.
197. Tikhonov V.M. Fascinating and Dangerous – Japan in Korea's Enlightenment Thought, the 1900s // BAKS Papers. - 2005. - Vol. 10. – P. 211-233.
198. Todd A. Henry. Sanitizing Empire: Japanese Articulations of Korean Otherness and the Construction of Early Colonial Seoul, 1905-1919 // Journal of Asian Studies. - 2005. - Vol. 64. No. 3. - P. 639-675.
199. Tsurumi E. Patricia. Education and Assimilation in Taiwan under Japanese Rule, 1895-1945 // Modern Asian Studies. – 1979. - Vol. 13, No. 4. - P. 617-641.
200. Uchida Jun. Brokers of Empire: Japanese Settler Colonialism in Korea, 1876-1945 / Jun Uchida. – Cambridge (Massachusetts) and London: Harvard University Asia Center, 2011. – 481 p.
201. Uchida Jun. The Public Sphere in Colonial Life: Residents' Movements in Korea under Japanese Rule // Past & Present. – 2013. - № 220. – P. 217-248.
202. Weiner Michael. The Origins of the Korean Community in Japan: 1910 – 1923 / Michael Weiner. - Manchester University Press, 1989. – 249 p.
203. Weiner Michael. The Race and Migration in Imperial Japan / Michael Weiner. - Routledge, 1994. – 278 p.
204. Wells K.M. The Rationale of Korean Economic Nationalism under Japanese Colonial Rule, 1922-1932: The Case of Cho Man-Sik's Products Promotion Society // Modern Asian Studies. – 1985. - Vol. 19, No. 4. - P. 823-859.

205. Yang Jonghoe. Colonial Legacy and Modern Economic Growth in Korea: a critical examination of their relationships // *Development and Society*. – 2004. - № 33.1. – P. 1-24.
206. Yi Seung-ryul. The Formation of Bourgeois Nationalism during Japanese Colonial Rule and Korean Capitalists // *The Review of Korean Studies*. – 2005. - Vol.8 No.2. - P. 45-63.
207. Yoo Theodore Jun. The Politics of Gender in Colonial Korea: Education, Labor, and Health, 1910–1945. – University of California Press, 2008. – 330 p.
208. Yoon Keun-cha. Modernity/Post-modernity and Post-colonialism: On the Tasks and Methodology of Historical Research // *Korea under Japanese Rule: Past and Current Research Results and Issues for Future Research* (International Research Center for Japanese Studies, September 14-16, 2002). – 2002. – P. 7-37.
209. Young Louise. Japan's Total Empire Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism / Louise Young. - University of California Press, 1998. – 487 p.

На корейском языке:

210. Ильдже синминджи сиги сэро ильки (Новое прочтение колониального периода). – Сеул: Тосочхульпхан Хеан, 2007. – 325 с.
211. Ильдже синминджи сигий тхончхи чхедже хёнсонь (Формирование системы управления Кореей в колониальный период) / под ред. Ким Тонъно. – Сеул: Тосочхульпхан хеан, 2006. – 407 с.
212. Ильдже синминджибэва канъджедонъвон (Японское колониальное правление и насильственная мобилизация) / Ханильгвангеса ёнгунончип пхёнчханвивонхве. – Сеул: Кёнъинмунхваса, 2010. – 297 с.
213. Кан Ёнъсим, Квак Сынъми, Ким Понъхый и др. Ильдже сиги кындэджок ильсанъгва синминджи мунхва (Колониальная повседневность и колониальная культура периода японского правления). - Сеул: Ихваёджа дэхаккё чхульпханса, 2008. - 250 с.
214. Кан Мангиль, Ким Намсик, Ким Ёнъха и др. Хангукса 26. Ёнпхё 2. (История Кореи. Том 26. Хронология 2). – Сеул: Хангильса, 1995. – 722 с.
215. Квон Сугин. Синминджи Чосоный ильбонин (Японцы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхонъгвон. – 2008. - № 80. – С. 109-139.
216. Квон Сугин. Синминджибэги Чосон нэ ильбонин хаккё (Японские школы в колониальной Корее) // Сахвеваёкса тхонъгвон. – 2008. - № 77. – С. 57-91.
217. Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджеый мунмёнъхва тхонъчхива хангугиндырый инсик: 3.1 ундонъый коджоксонъ вонин кюмёнъбыль вихан ханаый сирон (Японская цивилизаторская политика 1910-х гг. и её восприятие корейцами: мнение о причине всенародного распространения Первоапрельского движения) // Хангук мунхва. – 2013. - № 61. – С. 327-360.
218. Квон Тхэок. 1910 нёндэ ильджеый Чосон тонъхваронгва тонъхва джончхэк (Ассимиляционная политика и дискурс в колониальной Корее в 1910-е гг.) // Хангук мунхва. – 2008. - № 44. – С. 99-125.
219. Ки Юджон. Синминджи Чосоный ильбонингва чиёк ыйсигый чонъчхихёгва (Японцы в колониальной Корее и политический эффект местного самосознания) // Хангук чончхихакхвебо. – 2011. - № 45. – С. 197-218.
220. Ки Юджон. Синминджи тэ могук кан кёнджемачхальгва чэджоильбонин сахвёый тэынъ (Экономический конфликт между колонией (Кореей) и метрополией и реакция японцев, проживающих в Корее) // Сахвева ёкса тхонъгвон. – 2009. - № 82. – С. 323-359.
221. Ким Джэун. Хэбанъ ху пукханыый чхинильпхава ильджеюсан чхоккёль (Ликвидация прояпонских групп и колониального наследия в Северной Корее после Освобождения) // Хангук кынхёндэса ёнгу. – 2013. - № 66. – С. 182-222.
222. Ким Дэрэ, Ким Хобом. Пусан ильбон корюминдан чэджонъ ёнгу (1907-1914) (Исследование финансов японского селтльмента в Пусане (1907-1914)) // Чибанъджонъбуёнгу. – 2006. - № 10.2. – С. 181-202.

223. Ким Нанънён. Синминджиги Тэмангва Чосоный конъопхва пикё (Сравнение индустриализации Тайваня и Кореи в колониальный период) // Кёнъджесахакхве. - 2000. - № 29.1. - С. 73-109.
224. Ким Самун. Ильдже Чосоньль ольмана манъчхёссылькка (Насколько же Япония навредила Корее?). – Сеул: Тосочхульпхан Сарамгва сарам, 1998. – 286 с.
225. Ким Суджин. Синёсонъ, кындэый кваинъ («Новая женщина» в колониальной Корее: чрезмерная модернизация). – Сеул: Сомёнъ чхульпхан, 2009. – 510 с.
226. Ли Бёнъгын, Сон Чхорый, Чон Сынъчхоль. Ильдже синминджи сиги хангугый онова мунхак (Корейские язык и литература колониального периода). – Сеул: Изд-во Сеульского университета, 2007. – 440 с.
227. Ли Гидон. Пигыгый куниндыль: ильбонюкса чхульсиный ёкса (Солдатские трагедии: история выпускников японских военных школ). – Сеул: Ильджогак, 1982. – 295 с.
228. Ли Гюсу. Чэджоильбониный чхуива чонджэхёнътхэ (Сложившиеся формы существования и перемены в среде японцев, проживавших в Корее) // Ёксагёюк. – 2013. - № 125. – С. 37-64.
229. Ли Джонъын. Синмин чегукква чонджэнь, кыриго диасыпхорай сам (Колониальная империя, война и жизнь диаспоры) // Хангук сахвехак. – 2011. - № 45.4. – С. 169-197.
230. Ли Ёньчхан. Ильдже синминджанджэва чхинильмундже (Проблемы наследия японского колониализма и прояпонских деятелей) // Кукхак ёнгу. – 2005. - № 7. – С. 297-328.
231. Ли Сынъхи. Синминджи сиги чеиль чосонине тэхан ильбон чхиандангугый инсик (Взгляд японских правоохранительных органов на корейцев, проживавших в Японии, в годы колониального режима) // Ханиль квангеса ёнгу. - 2013. - № 44. - С. 161-191.
232. Лим Кёнъсок, Чха Хеёнъ, и др. Кэбёге пичхин синминджи Чосоный ольгуль (Образ Кореи, отражённый в журнале «Кэбёк»). – Сеул: Тосочхульпхан мосинын сарамдыль, 2009. – 230 с.
233. Лим Хебон. Чхиниль сынънё 108 ин: ккыннаджи анын ёксаый мурым (108 монахов-прояпонцев: вопросы незаконченной истории). – Пхаджу: Чхоннёнса, 2005. – 745 с.
234. Мидзуно Наоки. Чосон чхонъдокпунын вэ Чханъсси кэмёнъль сільсихэссылькка? (Почему генерал-губернаторство Кореи проводило политику смены имён?) // Нэирыль ёнын ёкса. - 2004. - № 15. - С. 182-193.
235. Мидзуно Наоки. Чханъсси кэмёнъ: ильбоный чосонджибэва ирымый чонъчхихак (Политика смены имён: японское колониальное правление Кореей и политика в области имён) / пер. с японского Чон Сонтхэ. – Сеул: Тосочхульпхан Санчхором, 2008. – 331 с.
236. Мидзуно Наоки, Чон Гынсик, Комагомэ Такэси. Сэньхваль согый синминджиджуый (Колониализм в повседневной жизни) / пер. с японского Чон Сонтхэ. – Сеул: Тосочхульпхан Санчхором, 2002. – 202 с.
237. Мун Ёнджу. Синминджиги чонтхонъ тоси Сунчхоный кындэхва кваджонъ чиёнъминый тэёнъ (Процесс модернизации традиционного города Сунчхон в годы колониального режима и реакция местных жителей) // Хангуксахакбо. - 2011. - № 42. - С. 201-224.
238. Мун Хеджин. Ильдже синминджиги Кёнъсонъбу синса (Синтоистские храмы в Сеуле колониального периода) // Чонъсин мунхваёнгу. - 2013. - № 36.3. - С. 369-396.
239. Нам Чханъгюн. Панминдок мунже ёнгусо (Институт антинациональных проблем) // Хангук ёкса ёнгухве хвебо. – 1992. - № 14. – С. 16-18.
240. Но Даниель. Угёнъхваханын синый нара (Страна с «правым уклоном»). – Сеул: Рэндом хаусы кхориа, 2006. – 363 с.

241. Пак Кванхён. Чэджоильбониный чэкёнсонъ ыйсикква Кёнсон пхёсанъ (Самосознание японцев, проживавших в колониальном Кёнсоне (Сеуле), и изображение Кёнсона) // Саньхохакпо. – 2010. - № 29. – С. 41-80.
242. Пан Киджун, Чон Санъсук, Ли Чунсик и др. Синминджи пхасиджымый юсангва кыкпугый квадже (Наследие колониального фашизма и проблемы Дальнего Востока). – Сеул: Тосочхульпхан Хеан, 2006. – 420 с.
243. Пак Чхансын. Роиль чонджэнь иху Соурый ильбонин корюджи хвакчанъ квадзонъ (Расширение японских селтльментов в Сеуле после русско-японской войны) // Чибанъсава чибанъмунхва. – 2002. - № 5.2. – С. 117-163.
244. Пак Яньсин. Тхонъгам чончхива чэхан ильбонин (Политика генерал-резидентства и японские поселенцы в Корее) // Ёксагёук. – 2004. - № 90. – С. 155-179.
245. Пак Яньсин. Чэханильбонин корюминданий сонънипква хэчхе (Формирование и упразднение японских селтльментов в колониальной Корее) // Асия мунхва ёнгу. – 2012. - № 26. – С. 241-272.
246. Син Ёньха. Ильдже синминджи чонъчхэкква синминджи кындэхварон пипхан (Японская колониальная политика и критика колониальной модернизации). – Сеул: Мунхаккваджисонъса, 2006. – 613 с.
247. Син Ёньха, Чон Санъсук, Ко Сукхва и др. Синминджи кындэхвароне тэхан пипханчок сонъчхаль (Критический анализ теории о колониальной модернизации). – Пхаджу: Кёхып, 2009. – 583 с.
248. Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.) / Суё ёксаёнгухве. – Сеул: Тосочхульпхан Синсовон, 2003. – 312 с.
249. Тхальсинминджуый ёнгу согый «Синминджи Чосон»: кволлэк, мидио, тосиконъгане тэхан тхамгу. (Колониальная Корея в постколониальных исследованиях: власть, СМИ, городское пространство). – Сеул: Сеульский университет, Центр корееведения Кюджангак, 2009. – 155 с.
250. Хангук кындэсахвева мунхва 2: 1910 нёндэ синмин тхончхи чончхэкква хангугсахвёый пёнхва (Корейское общество и культура нового времени. Том 2: Колониальное правление 1910-х гг. и перемены в обществе). - Сеул: Изд-во Сеульского университета, 2005. - 314 с.
251. Хангук кындэсахвева мунхва 3: 1920-1930 нёндэ Синминджиджок кындэва хангугиный тэынъ (Корейское общество и культура нового времени. Том 3: Колониальная модернизация 1920-1930-х гг. и реакция корейцев). - Сеул: Изд-во Сеульского университета, 2007. - 412 с.
252. Чан Анги. Синминджиги Кёнсонъ панъджигый кёнъёнъ саджок ёнгу (Исследование истории предприятия «Кёнсонские прядильни») // Асеа ёнгу тхонъгвон. - 2006. - № 126. - С. 215-249.
253. Чан Пакчин. Синминджи кванге чхонъсанын вэ ируоджилъ су опсоннынга (Почему не могла быть оформлена ликвидация колониальных отношений). – Сеул: Нонхёнъ, 2009. – 548 с.
254. Чон Ёнтхэ. Хангук кындэва синминджи кындэхва нонджэнь (Корейская современность и споры о колониальной модернизации). – Сеул: Тосочхульпхан Пхурын ёкса, 2011. – 531 с.
255. Чон Тхэхон. Ильдjesидэ мунхваюсаныйль чхаджасо (Найдя культурное наследие колониального периода). – Сеул: Тосочхульпхан Сонин, 2012. – 292 с.
256. Чон Чэджон. Ильбонса кёгвасое кисультвен синминджи чибэва минджок ундонъ (Как описывается японская колониальная политика и корейское освободительное движение в японских учебниках) // Ханиль квангеса ёнгу. - 2008. - № 30. - С. 245-293.
257. Чхве Бёнътхэк, Е Джисук. Кёнъсонъ рипхотхы (Кёнсонский репортаж). – Сеул: Сингонъса, 2009. – 255 с.

258. Чхве Хеджу. Кындэ ильбоный хангуксагва ёксавэгок (Взгляды на историю Кореи в современной Японии и искажение истории) // Хангук тонънип ундонъса ёнгу. – 2010. - № 35. – С. 273-313.
259. Чхиниль инмёнъ саджон (Биографический словарь чхинильпха): В 3 т. / Чхиниль инмёнъ саджон пхёнчхан вивонхве. - Сеул: Минджок мундже ёнгусо, 2009.
260. Чхиниль панминджок хэньви чинсанъгюмёнъ погосо (Отчёт о выявлении фактов прояпонской антинародной деятельности): В 25 т. - Сеул: Чхиниль панминджок хэньви чинсанъгюмёнъе вивонхве, 2009.
261. Чхиниль чэсанесо ёксарыль пэуда (Изучаем историю имущества прояпонских элементов) / Чхиниль панминджок хэньвиджа чэсан чоса вивонхве. – Сеул: Рибук, 2012. – 271 с.
262. Чхинильпха 99 ин ([Биографии] 99 чхинильпха): В 3 т. / Панминджок мундже ёнгусо. – Сеул: Тольбегэ, 1993.

На японском языке:

263. Ли Сугён, Пак Инсик. «Сэуру пурэсу» (The Seoul Press) то Тёсэн сёкуминтито:ти сэйсаку но итико:сацу (Исследование газеты «The Seoul Press» и колониальной администрации в Корее) // Bulletin of Tokyo Gakugei University. Humanities and social sciences. I. – 2008. - № 59. – С. 121-130.
264. Хиура Сатоко. Тё:сэн дзингу: то гакко: кангакусай о тю:син ни (Синтоистские храмы и школы в колониальной Корее: рассмотрение ритуала кангакусай) // Historical research of education: bulletin of the Society for Historical Research of Education. – 2006. - № 49. – С. 110-122.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Список важнейших топонимов Кореи в корейской и японской транскрипции⁷²²

Провинции	
Корейское название	Японское название
Кёнгидо	Кэйкидо
Канвондо	Когэндо
Чхунчхон-Пукто	Тюсэй-хокудо
Чхунчхон-Намдо	Тюсэй-нандо
Чолла-Пукто	Дзэнра-хокудо
Чолла-Намдо	Дзэнра-нандо
Кёнсан-Пукто	Кэйсё-хокудо
Кёнсан-Намдо	Кэйсё-нандо
Пхёнан-Пукто	Хэйан-хокудо
Пхёнан-Намдо	Хэйан-нандо
Хванхэдо	Кокайдо
Хамгён-Пукто	Канкё-хокудо
Хамгён-Намдо	Канкё-нандо

Города	
Корейское название	Японское название
Кёнъсон (совр. Сеул)	Кэйдзё
Пусан	Фудзан
Тэгу	Тайкю
Гэджон	Тайдэн
Пхеньян	Хэйдзё
Кванджу	Косю
Чхонджу	Сэйсю

⁷²² Гражданцев А.И. Корея. М., 1948. С. 433-439.

Приложение 2.

Генерал-резиденты и заместители генерал-резидентов Кореи (1905-1910)⁷²³

Генерал-резиденты Кореи		
	Имя	Пребывал в должности
1	Ито Хиробуми	21 декабря 1905 – 14 июня 1909
2	Сонэ Арасукэ	14 июня 1909 – 30 мая 1910
3	Тэраути Масатакэ	30 мая 1910 – 1 октября 1910

Заместители генерал-резидентов Кореи		
	Имя	Пребывал в должности
1	Сонэ Арасукэ	21 сентября 1907 – 15 июня 1909
2	Ямагата Исабуро	15 июня 1909 – 29 августа 1910

Приложение 3.

Генерал-губернаторы Кореи (1910-1945)⁷²⁴

	Имя	Пребывал в должности
1	Тэраути Масатакэ	29 августа 1910 – 14 октября 1916
2	Хасэгава Ёсимити	14 октября 1916 – 12 августа 1919
3	Сайто Макото	12 августа 1919 – 15 апреля 1927
и.о.	Угаки Кадзисугэ	15 апреля 1927 – 10 декабря 1927
4	Яманаси Хандзо	10 декабря 1927 – 16 августа 1929
5	Сайто Макото	16 августа 1929 – 16 июня 1931
6	Угаки Кадзусигэ	16 июня 1931 – 4 августа 1936
7	Минами Дзиро	4 августа 1936 – 28 мая 1942
8	Коисо Куниаки	28 мая 1942 – 21 июля 1944
9	Абэ Нобуюки	21 июля 1944 – 12 сентября 1945

⁷²³ Кузнецов С.И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945). Иркутск, 1996. С. 15, 37.

⁷²⁴ Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 472-473.

Приложение 4.**Генеральные инспекторы Кореи (1910-1945)⁷²⁵**

	Имя	Пребывал в должности	Генерал-губернатор
1	Ямагата Исабуро	1 октября 1910 – 12 августа 1919	Тэраути Масатакэ Хасэгава Ёсимити
2	Мидзуно Рэнтаро	12 августа 1919 – 12 июня 1922	Сайто Макото
3	Ариёси Тюити	12 июня 1922 – 4 июля 1924	Сайто Макото
4	Симоока Тюдзи	4 июля 1924 – 22 ноября 1925	Сайто Макото
5	Юаса Курахэй	22 ноября 1925 – 23 декабря 1927	Сайто Макото
6	Икэгами Сиро	23 декабря 1927 – 4 апреля 1929	Яманаси Хандзо
7	Кодама Хидэо	4 апреля 1929 – 19 июня 1931	Угаки Кадзусигэ Сайто Макото
8	Имайда Киёнори	19 июня 1931 – 5 августа 1936	Угаки Кадзусигэ
9	Ооно Рокутиро	5 августа 1936 – 29 мая 1942	Минами Дзиро
10	Танака Такэо	29 мая 1942 – 24 июля 1944	Коисо Куниаки
11	Эндо Рюсаку	24 июля 1944 – 24 августа 1945	Абэ Нобуюки

Приложение 5.**Население Кореи (тыс. человек)⁷²⁶**

1909	13 091
1910	13 313
1911	14 056
1912	14 827
1913	15 459
1914	15 930
1915	16 278
1917	16 669
1925	19 523
1930	21 058
1935	22 899
1940	24 326

⁷²⁵ Hyung Gu Lynn. Ariyoshi Chuichi and Colonial Period Korea // Transactions of the International Conference of Eastern Studies. Tokyo, 1998. No. 43. P. 73-89.

⁷²⁶ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 72-73.

Приложение 6.

Население Сеула⁷²⁷

Год	Общее количество (включая иностранцев)	Корейцы	Японцы
1910	245 985	198 011	46 067
1915	241 805	176 026	62 914
1920	250 208	181 829	65 617
1925	306 363	220 312	81 559
1930	394 240	279 865	105 639
1935	444 098	312 587	124 155
1940	935 464	775 162	154 687
1944	988 537	824 976	158 710

Приложение 7.

Японцы в Корее⁷²⁸

Год	Всего	Мужчины	Женщины
1876	54	52	2
1880	835	550	25
1885	4521	3710	811
1890	7245	4564	2681
1895	12 303	7315	4988
1900	15 829	8507	6561
1903	29 197	16 888	12 309
1905	42 460	26 486	15 974
1906	83 315	48 028	35 287
1907	98 001	55 669	42 331
1908	126 168	70 145	56 023
1909	146 147	79 947	66 200
1910	171 543 (1,3% от населения Кореи)	92 751	78 792
1911	210 689	114 759	95 930
1915	303 659 (1,9%)	163 012	95 930
1920	347 850 (2%)	185 196	162 654
1925	424 700 (2,2%)	-	-
1930	501 900 (2,5%)	-	-
1935	583 400 (2,7%)	-	-
1939	650 100 (2,9%)	-	-

⁷²⁷ Хангук кындэсахвева мунхва 3: 1920-1930 нёндэ Синминджиджок кындэва хангугиный тэынъ (Корейское общество и культура нового времени. Том 3: Колониальная модернизация 1920-1930-х гг. и реакция корейцев). Сеул, 2007. С. 216.

⁷²⁸ Синминджи Чосонгва «Мэиль синбо» - 1910 нёндэ (Колониальная Корея и газета «Мэиль синбо» в 1910-е гг.). Сеул, 2003. С. 130-131; Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 76.

Приложение 8.

Корейцы в Японии (дзайнити)⁷²⁹

Год	Кол-во дзайнити	Год	Кол-во дзайнити	Год	Кол-во дзайнити	Год	Кол-во дзайнити
1911	2527	1938	799 878	1965	583 537	1992	688 144
1912	3171	1939	961 591	1966	585 278	1993	682 276
1913	3635	1940	1 190 444	1967	591 345	1994	676 793
1914	3542	1941	1 469 230	1968	598 076	1995	666 376
1915	3917	1942	1 625 054	1969	607 315	1996	657 149
1916	5624	1943	1 882 456	1970	614 202	1997	645 373
1917	14 502	1944	1 936 843	1971	622 690	1998	638 828
1918	22 411	1945	1 115 594	1972	629 809	1999	636 548
1919	26 605	1946	647 006	1973	636 346	2000	635 269
1920	30 189	1947	598 507	1974	643 096	2001	632 405
1921	38 651	1948	601 772	1975	647 156	2002	625 422
1922	59 722	1949	597 561	1976	651 348	2003	613 791
1923	80 415	1950	544 903	1977	656 233	2004	607 419
1924	118 152	1951	560 700	1978	659 025	2005	598 687
1925	129 870	1952	535 065	1979	662 561	2006	598 219
1926	143 798	1953	575 287	1980	664 536	2007	593 489
1927	165 286	1954	556 239	1981	667 325	2008	589 239
1928	238 102	1955	577 682	1982	669 854	2009	578 495
1929	275 206	1956	575 287	1983	674 581	2010	565 989
1930	298 091	1957	601 769	1984	687 135	2011	545 401
1931	311 247	1958	611 085	1985	683 313		
1932	390 543	1959	619 096	1986	677 959		
1933	456 217	1960	581 257	1987	676 982		
1934	573 695	1961	567 452	1988	677 140		
1935	625 678	1962	569 360	1989	681 838		
1936	690 501	1963	573 537	1990	687 940		
1937	735 689	1964	578 545	1991	693 050		

⁷²⁹ Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014).

Приложение 9.

Динамика количества заявлений на натурализацию в Японии⁷³⁰

Год	Принято заявлений	Одобрено заявлений			Отказ в натурализации	
		Всего	Корея (РК, КНДР)	Китай		Другое
2004	16 790	16 336	11 031	4122	1183	148
2005	14 666	15 251	9689	4427	1135	166
2006	15 340	14 108	8531	4347	1230	255
2007	16 107	14 680	8546	4740	1394	260
2008	15 440	13 218	7412	4322	1484	269
2009	14 878	14 785	7637	5392	1756	202
2010	13 391	13 072	6668	4816	1588	234
2011	11 008	10 359	5656	3259	1444	279
2012	9940	10 622	5581	3598	1443	457
2013	10 119	8 646	4331	2845	1470	332

⁷³⁰ Кика кёкасинсэйся су:то: но суйи (Динамика количества заявлений на натурализацию) / Министерство юстиции Японии. URL: http://www.moj.go.jp/MINJI/toukei_t_minj03.html (3.04.2014).

Приложение 10.

Статистика браков среди корейцев-дзайнити (1955-2011)⁷³¹

Год	Общее кол-во браков	Браки между корейцами		Браки с иностранцами	Браки с японцами			Браки с другими иностранцами
		Кол-во	%		Жена-японка	Муж-японец	Всего	
1955	1102	737	66,9%	33,1%	22,0%	8,5%	30,5%	2,6%
1965	5693	3681	64,7%	35,3%	19,8%	14,8%	34,6%	0,7%
1975	7249	3618	49,9%	50,1%	21,4%	27,5%	48,9%	1,2%
1985	8588	2404	28,0%	72,0%	29,4%	42,2%	71,6%	0,4%
1987	9088	2270	25,0%	75,0%	26,0%	48,5%	74,5%	0,5%
1990	13 934	2195	15,8%	84,2%	19,5%	64,2%	83,7%	0,5%
1991	11 677	1961	16,8%	83,2%	22,8%	59,7%	82,5%	0,7%
1992	10 242	1805	17,6%	82,4%	27,4%	54,1%	81,5%	0,9%
1993	9700	1781	18,4%	81,6%	28,5%	52,2%	80,7%	0,9%
1994	9228	1616	17,5%	82,5%	29,1%	52,6%	81,7%	0,8%
1995	8953	1485	16,6%	83,4%	31,7%	50,5%	82,2%	1,2%
1996	8804	1438	16,3%	83,7%	31,8%	50,7%	82,5%	1,2%
1997	8504	1269	14,9%	85,1%	31,3%	52,7%	84,0%	1,1%
1998	9172	1279	13,9%	86,1%	28,7%	56,1%	84,8%	1,3%
1999	9573	1220	12,7%	87,3%	26,1%	60,1%	86,2%	1,1%
2000	9483	1151	12,1%	87,9%	21,7%	65,5%	87,2%	0,7%
2001	9752	1019	10,4%	89,6%	25,4%	63,4%	88,8%	0,8%
2002	8847	943	10,7%	89,3%	26,9%	60,5%	87,4%	1,9%
2003	8662	924	10,7%	89,3%	25,8%	61,4%	87,2%	2,1%
2004	9187	949	10,3%	89,7%	25,0%	62,4%	87,4%	2,3%
2005	9238	866	9,4%	90,6%	22,6%	65,7%	88,3%	2,4%
2006	9464	845	8,9%	91,1%	24,7%	63,8%	88,5%	2,6%
2007	8889	847	9,5%	90,4%	24,9%	63,1%	88,0%	2,6%
2008	7567	695	9,2%	90,8%	27,8%	60,2%	88,0%	2,7%
2009	6835	643	9,4%	90,6%	27,5%	60,2%	87,7%	2,9%
2010	6454	601	9,3%	90,7%	30,7%	56,8%	87,5%	3,2%
2011	5607	502	9,0%	91%	32,8%	55,2%	88,0%	3,0%

⁷³¹ Чэильдонъпхо тхонъге (Статистические данные по соотечественникам, проживающим в Японии) / Ассоциация корейских граждан в Японии (Миндан). URL: <http://www.mindan.org/kr/shokai07.php> (3.04.2014).

Приложение 11.

Охват начальным и средним образованием корейского и японского населения Кореи (1912-1945): общее кол-во учащихся и кол-во учащихся на 10 тыс. человек⁷³²

Год	Начальное образование		Среднее образование		Высшее образование	
	Корейцы	Японцы	Корейцы	Японцы	Корейцы	Японцы
1912	41 509 (28,5)	21 882 (897,8)	2597 (1,8)	1572 (64,5)	67 (0,0)	15 (0,6)
1913	47 451 (31,8)	24 915 (917,4)	3136 (2,1)	1918 (70,6)	113 (0,1)	28 (1,0)
1914	53 019 (33,9)	28 173 (967,4)	3762 (2,4)	2195 (75,4)	143 (0,1)	35 (1,2)
1915	60 690 (38,0)	31 256 (1029,3)	4440 (2,8)	2678 (88,2)	141 (0,1)	13 (0,4)
1916	67 628 (41,5)	34 100 (1062,5)	5372 (3,3)	3270 (101,9)	464 (0,3)	74 (2,3)
1917	75 688 (45,5)	36 183 (1088,4)	6106 (3,7)	3833 (115,3)	559 (0,3)	125 (3,8)
1918	80 113 (48,0)	38 447 (1141,3)	6535 (3,9)	4290 (127,3)	567 (0,3)	187 (5,6)
1919	80 632 (48,0)	41 447 (1195,8)	5064 (3,0)	4920 (141,9)	392 (0,2)	256 (7,4)
1920	107 365 (63,5)	44 007 (1265,1)	6507 (3,8)	5862 (168,5)	454 (0,3)	250 (7,2)
1921	159 361 (93,4)	47 279 (1286,1)	9826 (5,8)	6790 (184,7)	532 (0,3)	362 (9,8)
1922	238 058 (138,3)	50 322 (1302,0)	12 411 (7,2)	8394 (217,2)	806 (0,5)	468 (12,1)
1923	306 358 (175,6)	52 686 (1307,3)	15 557 (8,9)	10 189 (252,8)	890 (0,5)	566 (14,0)
1924	374 347 (212,5)	56 478 (1372,2)	19 169 (10,9)	12 650 (307,3)	1080 (0,6)	785 (19,1)
1925	407 541 (219,8)	56 105 (1320,9)	20 427 (11,0)	13 949 (328,4)	1144 (0,6)	921 (21,7)
1926	441 872 (237,4)	56 987 (1288,3)	23 004 (12,4)	15 354 (347,1)	1347 (0,7)	1024 (23,2)
1927	453 943 (243,6)	59 091 (1299,0)	25 727 (13,8)	16 402 (360,6)	1338 (0,7)	1144 (25,1)
1928	465 314 (249,3)	62 130 (1324,6)	28 184 (15,1)	16 998 (362,4)	1434 (0,8)	1276 (27,2)
1929	474 117 (252,4)	64 963 (1329,9)	29 105 (15,5)	17 662 (361,6)	1564 (0,8)	1553 (31,8)
1930	492 613 (250,2)	68 253 (1360,0)	30 341 (15,4)	18 708 (372,8)	1710 (0,9)	1767 (35,2)
1931	502 107 (254,7)	71 925 (1397,5)	31 872 (16,2)	19 416 (377,3)	1854 (0,9)	1823 (35,4)

⁷³² Oh Seong-Cheol, Kim Ki-Seok. Japanese Colonial Education as a Contested Terrain: What Did Koreans Do in the Expansion of Elementary Schooling? // Asia Pacific Education Review. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 75-89.

Год	Начальное образование		Среднее образование		Высшее образование	
	Корейцы	Японцы	Корейцы	Японцы	Корейцы	Японцы
1932	517 091 (258,1)	76 052 (1452,9)	32 828 (16,4)	20 215 (386,2)	2056 (1,0)	1954 (37,3)
1933	564 901 (279,6)	79 397 (1461,9)	34 312 (17,0)	21 414 (394,3)	2345 (1,2)	2365 (43,5)
1934	640 140 (312,1)	81 523 (1452,2)	36 719 (17,9)	22 172 (395,0)	2502 (1,2)	2410 (42,9)
1935	720 757 (339,2)	84 395 (1446,5)	39 238 (18,5)	23 300 (399,4)	3044 (1,4)	2441 (41,8)
1936	802 976 (375,7)	86 775 (1424,9)	42 748 (20,0)	24 864 (408,3)	2834 (1,3)	2406 (39,5)
1937	901 182 (415,6)	89 811 (1426,7)	45 583 (21,0)	27 202 (432,1)	2847 (1,3)	2382 (37,8)
1938	1 050 371 (478,5)	92 991 (1468,3)	51 420 (23,4)	29 353 (463,5)	2980 (1,4)	2408 (38,0)
1939	1 215 340 (550,0)	96 156 (1479,1)	57 555 (26,0)	31 564 (485,5)	3443 (1,6)	2572 (39,6)
1940	1 385 944 (603,8)	97 794 (1417,7)	68 281 (29,7)	33 075 (479,5)	3865 (1,7)	2766 (40,1)
1941	1 571 990 (657,4)	99 316 (1385,1)	76 031 (31,8)	35 328 (492,7)	4166 (1,7)	3124 (43,6)
1942	1 779 661 (697,2)	103 831 (1379,2)	86 110 (33,7)	39 147 (520,0)	4505 (1,8)	3502 (46,5)

Приложение 12.

Распространение японского языка в Корее⁷³³

Год	Кол-во корейцев, тыс. чел.	Кол-во корейцев, понимавших японский язык, тыс. чел.	Кол-во понимавших японский язык среди всех корейцев, %
1913	15 170	92	0,6
1919	16 697	304	1,8
1923	17 447	712	4,1
1928	18 667	1290	6,9
1933	20 206	1578	7,8
1938	21 951	2718	12,4
1939	22 801	3069	13,9

⁷³³ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York, 1944. P. 269.